

46
X17
M. 21403
X. 17

ҚЫРҒЫЗСТАН РЕСПУБЛИКАСЫ АКАДЕМИЯ
საქართველოს სსრ მეცნიერებათა აკადემია
АКАДЕМИЯ НАУК ГРУЗИНСКОЙ ССР

Д. Гулиа ихъз зхыу Аџснытѣи
абызшѣи, алитературеи,
аџоурыхи ринститут

დ. გულიას სახელობის აფხაზეთის
ენის, ლიტერატურისა და ისტორიის
ინსტიტუტი

АБХАЗСКИЙ ИНСТИТУТ ЯЗЫКА, ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОРИИ
им. Д. И. ГУЛИА

Т. Х. ХАЛБАД

ЕИЛКААУИ ЕИЛКААМИ
АКАТЕГОРИАҚУА
РАРБАШЬА
АҦСҦА-АДЫҦА
БЫЗШӘАҚУА РҘЫ

განსაზღვრულობისა და
განუზღვრულობის
კატეგორიების გამოხატვა
აფხაზურ-ადიღურ ენებში

ВЫРАЖЕНИЕ КАТЕГОРИЙ ОПРЕДЕЛЕННОСТИ И НЕОПРЕДЕЛЕННОСТИ В АБХАЗО-АДЫГСКИХ ЯЗЫКАХ

Ашәкутѣжъырта «Мецниереба»
გამომცემლობა „მეცნიერება“
Издательство „Мецниереба“

Қарт — თბილისი — Тбилиси

1975

81-2-(408) 40
x 17

ҚЫРҒЫЗСТАН ССР АНАУКАҒА АКАДЕМИА
საქართველოს სსრ მეცნიერებათა აკადემია
АКАДЕМИЯ НАУК ГРУЗИНСКОЙ ССР

Д. Гулиа ихъз зхыу Аҧснытәи
абызшәи, алитературеи,
аҭоурыхи ринститут

დ. გულიას სახელობის აფხაზეთის
ენის, ლიტერატურისა და ისტორიის
ინსტიტუტი

АБХАЗСКИЙ ИНСТИТУТ ЯЗЫКА, ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОРИИ
им. Д. И. ГУЛИА

Т. Х. ХАЛБАД

ЕИЛКААУИ ЕИЛКААМИ
АКАТЕГОРИАҒА
РАРБАШҔА
АҧСУА-АДЫҒА
БЫЗШӘАҒА РҔЫ

განსაზღვრულობისა და
განუსაზღვრელობის
კატეგორიების განმარტება
აფხაზურ-ადიღურ ენებში

ВЫРАЖЕНИЕ КАТЕГОРИЙ
ОПРЕДЕЛЕННОСТИ
И НЕОПРЕДЕЛЕННОСТИ
В АБХАЗО-АДЫГСКИХ ЯЗЫКАХ

3995-

Ашәкутыжырта «Мецниереба»
გამომცემლობა „მეცნიერება“
Издательство „Мецниереба“

Қарт — თბილისი — Тбилиси
1975

Настоящая работа представляет собой первую попытку монографического исследования грамматических способов выражения категорий определенности и неопределенности в абхазо-адыгских языках.

В исследовании привлекаются материалы всех пяти языков абхазо-адыгской группы — абхазского, абазинского, адыгейского, кабардино-черкесского и убыхского.

Ответственный редактор
А. К. ШАГИРОВ

X $\frac{70\ 103}{M\ 607\ (03)-75}$ 103-74

Издательство «Мецниереба», 1975

ПРЕДИСЛОВИЕ

Артикль, как грамматическое явление, свойственное многим языкам, привлекал и продолжает привлекать к себе внимание исследователей-лингвистов. Артикли довольно подробно изучены в немецком, французском, английском и других языках. Наличие множества работ, посвященных категории артикля, свидетельствуют о большом интересе, который вызывает это явление у лингвистов.

В абхазо-адыгских языках существует развитая категория определенного артикля, а в абхазском и абазинском — категория неопределенного артикля. В адыгских и убыхском языках категория неопределенного артикля еще окончательно не сформировалась. Частицы *зы*, *за*, выражающие неопределенность находятся на грани лексики и грамматики.

Артикли в абхазо-адыгских языках имеют свои специфические отличительные особенности, свои особые закономерности употребления как внутри данной группы языков, так и по сравнению с индоевропейскими языками. Так, например, в отличие от индоевропейских артиклей, абхазо-абазинско-убыхский определенный артикль и абхазо-абазинский неопределенный артикль не несут на себе дополнительных грамматических функций, кроме того, что выражают определенность имени. Адыгские же определенные артикли выражают еще и падежную функцию. Абхазо-абазинский неопределенный артикль свободно сочетается с именем во множественном числе, что исключено в индоевропейских языках. Адыгские имена существительные во множественном числе почти всегда представлены с определенным артиклем.

В абхазском языке, в отличие от родственных языков (в том числе и абазинского), имя, взятое вне контекста, не может существовать без артикля (определенного или неопределенного) или без притяжательного аффикса. В кабардинском языке имя с притяжательным аффиксом принимает также и определенный артикль, что исключено для абхазского и абазинского языков. Такие факты чрезвычайно многочисленны.

Категория определенности и неопределенности в абхазо-адыгском языкознании мало разработана. Эта тема представляет как кавказоведческий, так и общелингвистический интерес, поскольку из иберийско-кавказской семьи языков только абхазо-адыгская группа обладает данной грамматической категорией.

Предлагаемая работа является первой попыткой монографического исследования данной категории. В исследовании привлекаются материалы всех пяти языков абхазо-адыгской группы — абхазского, абазинского, адыгейского, кабардино-черкесского и убыхского. Для обоснования некоторых положений работы используются материалы неродственных языков, в которых имеется развитая категория артикля (немецкого, французского, английского и др.).

Работа написана под руководством доктора филологических наук Амина Кабцувевича Шагирова, которому автор приносит свою глубокую благодарность. Защита состоялась в 1969 г. в качестве кандидатской диссертации в Москве, в Институте языкознания АН СССР.

Монография состоит из трех глав. В первой главе рассматривается категория неопределенности. Глава делится на 3 раздела, посвященных анализу понятия неопределенности и ее морфологического выражения, формирования категории неопределенности и генезиса ее показателей, а также употребления неопределенного артикля **-к** частицы **зы, за**.

Артиклем (неопределенным) мы называем только абхазо-абазинский суффиксальный элемент **-к**, а адыгско-убыхское **зы, за** квалифицируется в работе как частица, используемая для выражения неопределенности и находящаяся на границе лексики и грамматики.

Вторая глава работы — «Категории определенности» — делится на три раздела. В первом разделе рассматривается понятие определенного артикля и его морфологическое выражение, во втором — формирование определенного артикля и генезис его показателей и в третьем — употребление определенного артикля.

В главе дается характеристика префиксального определенного артикля **а-** в абхазском, абазинском и убыхском языках, а также суффиксальных артиклей **-р** и **-м** в адыгских языках.

В третьей главе — «Нулевой артикль и его употребление» — рассматриваются закономерности использования так называемого нулевого артикля (значимого отсутствия артикля), который в данных языках почти не изучен.

Здесь оспаривается правомерность соотносительного рассмотрения имени в нулевой форме и имени с морфемой **-р** или **-м** и связанное с этим выделение так называемого неопределенного склонения.

Мы считаем, что отсутствием аффиксов **-р, -м** в адыгских языках обозначается обычная для нулевого артикля несоотнесенность (см. гл. III).

В качестве иллюстративного материала в работе используется художественная литература на абхазском, абазинском, адыгейском, кабардино-черкесском языках, учебники, опубликованные диалектные тексты — текстовые приложения к монографиям К. В. Ломтатидзе «Тапантский диалект абхазского языка», «Ашхарский диалект и его место среди других абхазско-абазинских диалектов», сборника «Материалы абхазского фольклора», убыхские и абхазские тексты, опубликованные Ж. Дюмезилем, а также материал, собранный нами во время командировок в Карачаево-Черкесскую АО, Адыгейскую и Абхазскую АССР.

В работе использован общепринятый в лингвистической литературе термин «артикль» вместо «член»¹. Так как в русском языке нет категории артикля, значение абхазо-абазинского неопределенного артикля **-к** и адыгско-убыхской частицы **зы, за**, выступающей в функции неопределенного артикля, мы передаем с помощью неопределенного местоимения «какой» (**-ая, -ое**) **-то**.

В заключение следует отметить, что диссертационная работа, которая положена в основу настоящего исследования, издается в значительно переработанном и исправленном виде.

О транскрипции

Для адыгейского, кабардино-черкесского, абазинского и абхазского материала используются практические алфавиты этих языков. Убыхские данные приводятся в абхазской транслитерации с добавлением диакритических знаков и буквосочетания для передачи специфических убыхских звуков: фарингализация обозначается (—) черточкой, которая ставится под или над буквой, например: $\underline{b}$ [b], $\underline{p}$ [p], $\underline{p}$ [p], $\overline{x}$ [q], $\overline{k}$ [q], $\overline{b}$ [ʈ], $\overline{x}$ [x], $\underline{y}$ [w], $\underline{v}$ [v];

¹ Термин «артикль» использует А. С. Чикобава для обозначения **-р** и **-м** в адыгских языках (см.: Г. В. Рогава, З. И. Керашева. Грамматика адыгейского языка. Краснодар—Майкоп, 1966, стр. 2).

среднеязычные спиранты обозначаются знаком над буквой (~), например: г [g], х [x];

для обозначения свистяще-шипящих аффрикат и спирантов употребляется справа от основной буквы знак ('), например: з' [z'], ц' [c'], ц' [ç], з' [z'], с' [s'];

для изображения фарингально-смычного придыхательного используется твердый знак справа от буквы (ь), например, хь [q];

звонкий латерал обозначается знаком ль [l], придыхательный — тл [l'], а абруптивный — лл [l'].

Сокращения в названиях языков и диалектов

абадз. — абадзехский диалект	груз. — грузинский язык
абаз. — абазинский язык	дрвн. — древненемецкий
абх. — абхазский язык	каб. — кабардинский язык
авар. — аварский язык	лак. — лакский язык
адыг. — адыгейский язык	лезг. — лезгинский язык
англ. — английский язык	нем. — немецкий язык
араб. — арабский язык	русск. — русский язык
ашх. — ашхарский диалект	тап. — тапантский диалект
бжед. — бжедугский диалект	убых. — убыхский язык
готск. — готский диалект	фрн. — французский язык
	шапс. — шапсугский диалект

Условные обозначения

= — равнозначность,

|| — параллельность,

< или > переход (в направлении острия угла)

ГЛАВА ПЕРВАЯ

КАТЕГОРИЯ НЕОПРЕДЕЛЕННОСТИ

1. ПОНЯТИЕ НЕОПРЕДЕЛЕННОСТИ И ЕЕ МОРФОЛОГИЧЕСКОЕ ВЫРАЖЕНИЕ

В общей массе лингвистической литературы по вопросам артиклей категории неопределенного артикля уделено меньше внимания, чем категории определенного артикля. Неопределенный артикль в абхазо-адыгских языках почти не изучен, хотя и занимает важное место среди грамматических категорий данных языков.

Мнение языковедов относительно неопределенного артикля не так разноречиво, как в отношении определенного артикля. К тому же некоторые лингвисты вообще отрицают существование неопределенного артикля, полагая, что при всех обстоятельствах он является просто числительным¹. Считается, что определенный и неопределенный артикли отличаются соответственно от указательных местоимений и числительного «один» лишь тем, что первые имеют слабое, а вторые — сильное ударение. Во всем остальном они ничем не отличаются друг от друга. Приблизительно такого же мнения придерживались относительно неопределенного артикля -к в абазинском языке А. Н. Генко и Г. П. Сердюченко, а в абхазском языке — Н. Я. Марр. Что касается адыгских языков, то отечественные языковеды не выделяют у числительного зы «один» артиклевой функции².

В литературе имеется ряд работ, заслуживающих особого внимания при изучении неопределенного артикля в теоретическом плане. Теоретические положения, выдвигаемые в

¹ См.: Э. Г. Туманян. Артикли в современном армянском языке. Ереван, 1963, стр. 183.

² См.: «Грамматика кабардино-черкесского литературного языка». М., 1957, стр. 186.

этих работах, являются ценными и для понимания абхазо-адыгского артикля, хотя они разработаны на материале других языков. Ознакомление с этими работами убеждает нас в том, что последние в основном приложимы и к категории артикля в абхазо-адыгских языках.

«Артикль связан... с выражением количественных отношений между вещами, причем определенный и неопределенный артикль служит для выражения категории единства в отношении ко множеству. Неопределенный артикль означает наличие в существительном идеи «один из множества равных...» Определенный артикль означает идеи «единственный возможный» или по своей природе, или в силу сложившейся ситуации»³.

Неопределенный артикль обладает способностью выделять предмет, но это выделение происходит на фоне многих других, таких же предметов, т. е. неопределенный артикль обозначает один предмет из множества равных ему предметов. Определенный же артикль обозначает предмет, единственный при данной ситуации, но он не допускает существования при этом других таких же предметов. «Если неопределенный артикль обозначает предмет на фоне множества равных ему, то определенный обозначает предмет, мыслимый вне этого фона, то есть обозначает некоторую единственность, единство без окружающего его множества. Говоря: „Ich sehe die Sonne“, мы применяем определенный артикль не потому, что солнце общеизвестный предмет..., а потому, что мы мыслим его единственным»⁴.

Когда сын говорит матери:

— Нан, **ажэ** амѡаду ианыланы иаауеит

— «Мама, **корова** по дороге идет сюда»,

то определенный артикль у существительного «корова» указывает на то, что речь идет о единственном при данной ситуации предмете, а именно, о корове известной, принадлежащей семье. Здесь другого выбора не может быть.

В противоположность этому неопределенный артикль допускает при данной ситуации много других таких же предметов. Наличие многих других предметов обуславливает существование неопределенного артикля, который из множества подобных предметов выделяет один.

³ Е. Н. Зверева. Опыт анализа системы артикля в современном английском языке. Канд. дисс. Л., 1946, стр. 71—72.

⁴ В. Я. Пропп. Проблема артикля в современном немецком языке. См.: «Сборник статей памяти акад. Щербы». Л., 1951, стр. 219.

В связной речи, когда в контексте впервые вводится тот или иной предмет, часто не всякое первое упоминание предмета ведет к появлению неопределенного артикля. Часто впервые упоминаемый предмет получает определенный артикль, если он находится в той или иной связи с предыдущим высказыванием (об этом явлении см. в разделе «Определенный артикль»). Только при условии отсутствия этой связи существительное, упоминаемое впервые, может употребляться с неопределенным артиклем. Неопределенный артикль как бы выделяет из множества существующих в природе предметов один и вводит его в контекст. Так происходит первое знакомство с ним. При вторичном его упоминании неопределенный артикль сменяется определенным.

Некоторые лингвисты, в частности Г. Суит и О. Есперсен, в противоположность определенному артиклю в неопределенном артикле выделяют две основные функции.

Первая функция неопределенного артикля та, что он выделяет идею, которую выражает существительное и, «представляя ее нашему вниманию, заставляет нас ожидать дальнейших сведений о нем»⁵.

Это можно подтвердить и на материале абхазского и абазинского языков.

Например, в абхазском:

Агуарѡ дталейт **чкуна** хракы-к.

«Во двор вошел **какой-то** высокий мальчик».

В этом предложении нашему вниманию представляется один из многих, существующих высоких мальчиков. Это мобилизует наше внимание и заставляет ожидать дальнейших сведений о нем. В этом заключается сущность так называемой вводной функции неопределенного артикля (он же выделяющий). Если в том же предложении «мальчик» употребить с определенным артиклем

Агуарѡ дталейт а-чкун.

«Во двор вошел мальчик»,

то чувство ожидания не возникает, а изложение принимает законченный вид.

По мнению О. Есперсена, вводящий артикль имеет в виду один предмет, выделенный из всего класса подобных пред-

⁵ Цит. по работе: Е. Н. Зверева. Указ. соч., стр. 32.

метов. Количественное значение этого типа еще вполне ощутимо, так как он показывает единственное число существительного и означает «один из многих, некий».

Г. Суит и О. Есперсен отмечают и вторую функцию неопределенного артикля. Названа она абсолютной или обобщающей функцией неопределенного артикля. Эта функция не служит для выделения предмета.

«...Абсолютный неопределенный артикль употребляется тогда, когда мы берем безразлично какой-либо предмет, принадлежащий к какому-либо классу предметов и используем его в качестве представителя этого класса предметов»⁶.

— Хацъарат, ари Хымагы **пхэыс-к** длыхшеит узхэару? Мап, ари дынцаа хшаароуп!

«— Хаджарат, можешь ли ты сказать, что эта Хима рождена **какой-то женщиной** (обыкновенной женщиной)? Нет, она божественное дитя!».

В этом предложении имеет место применение абсолютного или обобщающего неопределенного артикля. Слово «женщина» берется в качестве представителя класса женщин вообще, в значении «любой женщины». Здесь мы уже не ожидаем дополнительных сведений, как в примере с мальчиком. Количественное значение сведено здесь до минимума, так как артикль получил значение «некий», «любой», «какой-то».

Выделяющую функцию неопределенного артикля признает большинство исследователей, в частности Б. А. Серебренников⁷.

* * *

Категория неопределенного артикля в литературе по абхазо-адыгским языкам мало изучена. В некоторых работах даже не упоминается эта категория. В научных грамматиках по абхазо-адыгским языкам принято выделять категорию определенности и неопределенности. В адыгских языках определенными считаются имена существительные, оформленные

⁶ Цит. по работе: Е. Н. Зверева. Указ. соч., стр. 32—33.

⁷ См.: Б. А. Серебренников. Общие вопросы теории артикля и проблема семантики употребления артикля в древнегреческом языке. Канд. дисс., М., 1947, стр. 363.

морфемами **-р** и **-м**, а существительные, представленные в чистой форме, рассматриваются как неопределенные⁸.

Мы не отрицаем наличия в адыгских языках нулевой формы имени, которую принято называть нулевым артиклем. (Этот тип артикля нами будет рассматриваться в отдельной главе). Но основной способ выражения неопределенности (с помощью частицы **зы**) для адыговедов, за исключением Ш. Ногмы, У. Берсея и Ж. Дюмезиля остается незамеченным. Частица **зы** при всех обстоятельствах ими рассматривается как имя числительное «один». Между тем **зы** в адыгских языках может выполнять ту же функцию, что и немецкое **ein**. Это подтверждается следующими примерами:

Зы хьыджэбз цыкӀу гуэр мэзым кӀуат. Хьыджэбз цыкӀу-р мэзым шӀэгъуэщыхьри унэ-м къызэрыкӀуэжыну тьу-эгур имыгъуэтыж хьуаш. Ауэрэ мэзыр къызэхикӀухьурэ, зы унэ цыкӀу гуэрэ-м хуэзащ. А унэ цыкӀу-м мышцӀ щыпсэурт. Зы мышцэ-р адэт, абы зэреджэр Михаил Ивановичт...

«Одна (какая-то) девочка пошла в лес. В лесу девочка заблудилась и стала искать дорогу **домой**, да не нашла, а пришла в лесу **к домику**. В **домике** этом жили три медведя. **Один медведь** был отец, звали его Михаил Иванович...» («АдакӀэ цыкӀу-дыщэ щӀхьэмажъэ, стр. 8).

В русском языке, как известно, нет артиклей, но несмотря на это, определенность возможна без особого указания на нее, если она очевидна из общего содержания предложения. В русском языке, как и в других языках, имеются особые слова для выделения предмета из ряда других однородных предметов. В данном отрывке слово **девочка** в первом случае имеет для читателя то значение, которое передается неопределенным артиклем в языках, имеющих категорию артикля, т. е. **девочка** с точки зрения читателя и слушателя представляется в смысле **любая девочка, одна из многих других**. Во втором случае речь идет уже об известной читателю девочке. Теперь рассмотрим слово **дом**. В выражении **искать дорогу домой** слово **дом** является определенным, так как девочка хочет попасть в свой дом, а не в какой-нибудь другой. Но она не попадает в свой дом, а приходит в лесу к неизвестному домику. Здесь **домик** с точки зрения девочки и читателя представляется как **любой, один из многих**. В дальнейшем мы узнаем, что в этом домике жили три медведя. Здесь слово **домик** вполне определенно, так как еще имеется выдели-

⁸ «Грамматика кабардино-черкесского литературного языка». М., 1957, стр. 44.

тельное слово **этот**. Далее дается характеристика медведей, обитающих в этом домике. Один медведь был отец и т. д. Здесь речь идет уже об определенном одном медведе. Если в первом предложении выделительное слово «один» можно заменить без ущерба для смысла неопределенным местоимением **какой-то, некий**, то здесь такая замена невозможна.

Рассмотрим, как обстоит дело в кабардинском языке. В первом предложении перед **хъыджэбз** «девочка» стоит частица **зы** (указывает на неопределенность) в сочетании с постпозитивным сопроводителем **гуэр**, который может быть опущен без ущерба для смысла, а во втором предложении это же слово употребляется с определенным артиклем **-р**. Слово **унэм** «дом» при первом же упоминании представлено с определенным артиклем **-м**, а слово **унэ** «домик» — с частицей **зы** в функции неопределенного артикля и сопроводителем **гуэрым**. Морфема **-м** в слове **гуэрым** служит для выражения синтаксической связи, т. е. выполняет только падежную функцию. При вторичном упоминании **унэ** «домик» уже представлено с определенным артиклем **-м**. В выражении **зы мышэр** «один медведь» речь идет об одном определенном медведе.

Однако видимое соответствие, которое обнаруживается в русском языке между значением определенности и неопределенности и положением существительного, хотя и очень обычное в языке, не носит обязательного характера, и может быть нарушено, тогда как в абхазо-адыгских языках, как и в индоевропейских, артикли сопровождают существительное даже в том случае, если эти значения очевидны из общего содержания предложения. Выражение определенности и неопределенности носит в этих языках обязательный характер, иначе говоря, определенность или неопределенность является одним из грамматических значений существительного. Примеры из адыгейского языка:

Зы лыжь цыку горэ, зы кьо закьо илэу, щылагъ. **Лыжь цыклым** Чэрым ыцлагъ, ыкьо АслъанкIэ еджэщтыгъэх.

«Жил (какой-то) старичок, имея одного (единственного) сына. Старика звали Керим, а сына звали Аслан».

(«Адыгэ тхыджэхэмрэ пшысэхэмрэ», стр. 136).

В первом предложении **лыжь цыклым** «старичок» при первом его названии имеет частицу **зы** в значении неопределенности и сопроводителя этой частицы **горэ**. Во втором предложении **лыжь цыклым** «старичок» употреблено с определенным артиклем **-м**. Там, где имеется категория артикля, этот тип артикля является обычным явлением.

С большой точностью охарактеризовал категорию артикля известный просветитель адыгского народа Ш. Ногма в своей работе «Грамматика атыхейского языка» в разделе под названием «О члене». Он пишет: «Член есть частица, служащая к тончайшему определению [имен] и проставляется в начале и конце имени. В кабардинском языке имеется два члена **зи (зы)** или **з** и **р**. Первый — неопределенный, а второй — определенный.

Член неопределенный **зи (зы)** проставляется в начале имени, означает один предмет из многих ему подобных и употребляется в единственном числе, например: **зы цыху** — «один из многих людей»; **зы унэ** — «один из домов» (и проч.).

Член определенный **-р** прибавляется всегда к концу имен, когда речь идет об известных предметах определенных, например: а **цыхур сэ слъагъурщ** — «того человека я видел» (и проч.).

Если имя общее будет стоять без члена, тогда разумеется должно вообще весь род, например: **цыху** — «человек», **псэущхэ** — «животное»⁹.

Положение Ш. Ногма об артиклевой функции **зы** (у Ш. Ногмы последнее названо неопределенным членом) оспаривается издателем его работ Г. Ф. Турчаниновым. В своих комментариях к грамматике Турчанинов пишет: «Числительное **зы** «один» в кабардинском языке не имеет значения неопределенного числа. В данном случае Ш. Ногма допускает ошибку, вероятно под влиянием турецкого языка, так как европейских языков Ш. Ногма не знал. Тур.: **Бир гузель кыз** «одна красивая девушка» или **бир кыз** «одна девушка» и каб. **зы хъыджэбз дахэ** «одна красивая девушка» или **зы хъыджэбз** «одна девушка» — оба неопределенны, но в турецком эта неопределенность характеризуется числительным **бир**, а в кабардинском — отсутствием определенного члена **-р**. Ср. **зы хъыджэбз дахэр** «одна определенная красивая девушка» или **зы хъыджэбзыр** «одна определенная девушка», из которых ясно, что **зы** не носит характера неопределенного члена»¹⁰. С утверждением Г. Ф. Турчанинова нельзя согласиться. Он не учитывает случаи употребления частицы **зы** в функции числительного «один» (примеры см. выше).

⁹ Ш. Б. Ногма. Филологические труды, т. II. Нальчик, 1959, стр. 59.

¹⁰ Ш. Б. Ногма. Указ. соч., стр. 160.

Первым исследователем, затронувшим вопрос об артикле в абхазском языке, был известный кавказовед П. К. Услар. В своей работе «Абхазский язык» П. К. Услар пишет: «Прежде всего обратим внимание на **а**, которое ставится впереди всех существительных, взятых в общем неопределенном смысле, — в том смысле, в каком берутся они обыкновенно при составлении словарей. Очевидно, что это **а** ставится не для каких-либо фонетических требований; настоящее происхождение его может подлежать сомнению. Существительные приобретают определенное значение через присоединение к концу их члена единства **-к**, который без сомнения есть сокращение **акы** «один»¹¹. Как видно из приведенного отрывка, П. К. Услар ошибочно считает морфему **-к** показателем определенности, а показатель определенности **а** — показателем неопределенности.

Этой ошибки можно было бы легко избежать, если бы примеры (**ажьа** «заяц» — **жьак** опред., **аџа** «сын» — **џак** опред. и т. д.) приводились П. К. Усларом в контексте. Безусловно, эти слова («заяц», «сын»), взятые с определенным артиклем **а-** без контекста, выражают общее понятие. Данное явление характерно для всех языков, где имеется категория артикля. По этому вопросу О. И. Москальская пишет: «Характеристика имени существительного с точки зрения определенности и неопределенности связана с обобщающим характером слова, присущим существительным, как и всем словам словарного состава языка.

Одно и то же слово, например, *das Haus*, выражая соответствующее понятие (в данном случае «дом, т. е. дом вообще») одновременно служит названием всех существующих и всех мыслимых домов и каждого из них в отдельности. Также существительные *der Baum*, *der Mensch*, *das Wort* и др.»¹².

Более правильную формулировку дает П. К. Услар члену (артиклю) **-к** на стр. 141 своей работы: «**к** — член единства, приставляется к существительным и прилагательным для определения одного предмета из числа совокупности всех предметов с ним одинаковых». Казалось бы, этой формули-

ровкой он исправил свою прежнюю ошибку, но здесь П. К. Услар не имеет в виду категорию определенности или неопределенности, а рассматривает член (артикль) **-к** уже как выразитель числительного «один».

Н. Я. Марр в своем «Абхазско-русском словаре» префикс **-а** ошибочно называет «неопределенным членом (артиклем — Т. Х.)»¹³, а аффикс **-к** рассматривает как показатель единичности¹⁴, т. е. числительное «один». Н. Я. Марр, как и Услар, рассматривал примеры вне контекста и это помешало ему правильно охарактеризовать категорию артикля.

А. Н. Генко в монографии «Абазинский язык» как в абазинском, так и в абхазском языках суффикс **-к** считает падежным окончанием. «В абхазском, — пишет А. Н. Генко, — суффикс **кI**, присоединившийся первоначально к именам для образования одного падежа числовой единичности, эволюционировал в своем значении и образует в настоящее время два падежа: падеж единичности: **тшыкI** «одна (единственная) лошадь» и падеж неопределенности: **тшыкI** «какая-то (неизвестная, ранее не упоминавшаяся) лошадь»¹⁵.

Если в абхазском языке в аффиксе **-кI** А. Н. Генко видит два падежа, то в абазинском он выделяет один падеж, так называемый падеж единичности: **тшы-кI** «одна лошадь», **напIы-кI** «одна рука»¹⁶. Следовательно, А. Н. Генко за формантом **-кI** в абазинском языке видит только значение числительного «один».

Г. П. Сердюченко отрицает падежную функцию за аффиксами **а-** и **-к**. Но так же, как и А. Н. Генко, в аффиксе **-к** он находит значение числительного «один» и вслед за П. К. Усларом считает **-к** определенным артиклем. «Форму единичности придает существительному не только представление об определенности обозначаемого им предмета, но и об его единичности»¹⁷. В другой работе Г. П. Сердюченко пишет: «Эта форма (т. е. единичности — Т. Х.) образуется путем сочетания чистой основы существительного с суффиксом **-кI** и указывает на то, что речь идет о каком-то одном определенном предмете»¹⁸. Как видно из вышеприведенных формули-

¹³ См.: Н. Я. Марр. Абхазско-русский словарь. Л., 1926, стр. 1.

¹⁴ Там же, стр. 3.

¹⁵ А. Н. Генко. Абазинский язык. М., 1955, стр. 101—102.

¹⁶ Там же, стр. 118.

¹⁷ Г. П. Сердюченко. Язык абазин. М., 1946, стр. 137.

¹⁸ Г. П. Сердюченко. Краткий грамматический очерк абазинского языка. Приложен. к кн.: «Русско-абазинский словарь». М., 1956, стр. 611.

¹¹ П. К. Услар. Абхазский язык. «Этнография Кавказа», т. I. Тифлис, 1887, стр. 76.

¹² О. И. Москальская. Грамматика немецкого языка. Морфология. М., 1956, стр. 117.

ровок, Г. П. Сердюченко считает, что форма имени с суффиксом **-кI** обозначает единичный определенный предмет.

Аффикс **-к** в сочетании с существительным может обозначать определенный единичный предмет. Но для этого нужно наличие определенного артикля **-а**, который ставится впереди имени. Например:

Абх. Еи, уара **а-чкуна-к**, усымхаџконт!

— «Эй, мальчик придется побить тебя!»

В этом предложении слово «мальчик» представлено с определенным артиклем **а-** и неопределенным **-к**. Здесь речь идет об одном определенном мальчике, т. е. неопределенный артикль **-к** выступает в значении числительного «один». Ср. адыг. **зы кIэлэ-р** «один определенный известный мальчик».

А. Н. Генко необоснованно утверждает, что в абхазском языке аффикс **-к** в сочетании с существительным в одних случаях выступает в значении числительного «один», а в других — в функции неопределенного артикля, а в абазинском якобы только в значении числительного «один». Этой точки зрения придерживался и Г. П. Сердюченко. В отличие от указанных авторов, К. В. Ломтатидзе в аффиксе **-к** как в абазинском, так и в абхазском языках находит показатель категории неопределенности¹⁹. Главная ошибка этих исследователей заключается в том, что они рассматривают формы слов и их функции вне связного контекста. Нагляднее всего это видно в работе Г. П. Сердюченко: **мзы** — **амыз**, но **мзыкI** «один месяц» **мшы** — **амш**, но **мшыкI** «один день»²⁰.

В значении «один месяц» и «один день» эти слова будут выступать в форме **мыз-кIы** и **мыш-кIы**. Например: абаз. —

Агъны адзын **мыз-кIы** англаквнахуагъи аџапI. — «Бывает, когда зима забирает у осени один месяц». (Къ. Джьгватан. Гъын паса, стр. 30).

Сара Краснодар край апны завод бзита йпхядзахуз анхаша **мыз-кIы** тшахасыртIвазатI. — «Я один месяц знакомилась с Краснодарским заводом, который считается лучшим». (Б. ТхIайцIыхв. Абазара апша, стр. 79).

В первом и во втором предложении слово «месяц» представлено в форме **мызкIы**, т. е. основа **мыз+кIы**, а не **мзы+кI**.

¹⁹ См.: К. В. Ломтатидзе. Тапантакский диалект абхазского языка. Тбилиси, 1944, стр. 73 (на груз. яз.).

²⁰ Г. П. Сердюченко. Краткий грамматический очерк абазинского языка. М., 1956, стр. 612.

Точно такая же картина наблюдается и в абхазском языке:

Сџыза **мыз-кы** џсшьара дыкан. — «Мой друг один месяц был на отдыхе».

Мыш-кы сиит, **мыш-кы** сыџсует. — «Один день родился, один день умру».

В приведенных предложениях в значении «один месяц» и «один день» даны формы **мыз+кы**, **мыш+кы**. В таких формах ударение обычно падает на последний гласный **ы**, и тем самым восстанавливается современный вид числительного (а) = **кы**.

Это явление в абхазском языке было замечено еще Ж. Дюмезилем, применительно к форме **мышкы**²¹. В абхазском и абазинском языках намечается тенденция к развитию самостоятельной формы для выражения числительного «один» с ударным аффиксом **-кы**. Аффикс **-кы** сочетается с двухсложным, реже — с односложными именами. Примеры:

Цьма-к аутра италеит. «Какая-то коза залезла в огород».

Абазар аџы **цъма-кы** ааихуент. «Он купил на базаре (одну) козу».

В первом предложении слово «коза» представлено с неопределенным артиклем **-к**. Здесь речь идет о какой-то неизвестной козе из ряда ей подобных. Во втором предложении это же слово выступает с аффиксом **-кы**, значение которого уже колеблется между числительным «один» и неопределенным артиклем (несколько ближе к числовому обозначению):

Нхара-нцырала Ахмат даџамаызт. Хьаржэтэыс **камбашь-к** ианакузаалакгы иныкуигон, нас **жэ-кы** џы-жэк.

(И. Папаскьыр. Иџымтакуа реизга, I-тэи атом, стр. 13).

«Не так уж богато жил Ахмат. Для молока он всегда держал одну буйволицу, еще одну корову или двух».

В этом предложении к слову «буйволица» не может добавляться аффикс **-кы**, хотя здесь речь идет об одной буйволице, поскольку это слово многосложное. Но зато к слову **ажэ** «корова» прибавлен аффикс **-кы**, хотя оно односложное.

Такая же картина наблюдается и в словах **ашкус** «год», **амчабжь** «неделя». Так как эти слова являются многосложными, то к ним не может добавляться аффикс **-кы**, хотя совершенно ясно, что в формах **шыкусык** и **мчабжьык** аффикс **-к** выступает в числовом значении:

²¹ G. Dumézil. Etudes comparatives sur les langues caucasiennes du Nord-Ouest. Paris, 1932, стр. 82-83.

— **Шыкусы-к** тит, сашьей сарей хаибамбеижьтеи.

«— Прошел **один** год, как я не видел своего брата».

— **Мчабжьы-к** ашьха ѓсшьара сыкан.

«— **Одну** неделю на отдыхе был в горах».

Особый интерес в абхазском и абазинском языках вызывает употребление неопределенного артикля **-к** с именами существительными, стоящими во множественном числе. При этом неопределенный артикль **-к** присоединяется к суффиксам множественного числа **-куа**, **-цэа**.

Абх. Ус тхыбжьон, ацх акыр инаскьахьаны—агуауахэа **ецэа-куа-к** ашта агуашэ иаадгылт.

«Так, однажды поздно вечером с шумом **какие-то** наездники остановились у ворот двора». (М. Лакрба. Аламыс, стр. 57).

Амра ашьыбжь агуахьы инеихьан. Мырзакан ишны иааеыжэцит тауадаа иреиуаз **сасцэа-куа-к**.

«Солнце уже клонилось к обеду, когда у дома Мырзакана сошли со своих коней **какие-то** гости из тавадов».

(И. Папаскьыр. Ишымтакуа реизга, I-тэй атом, стр. 69).
Абаз. Фаризат кьарандаш-ква-кI лымата йызбатI.

«Я увидел, что Фаризат имеет **какие-то** карандаши».

(«Абаза бызшвала грамматика». Черкесск, 1961, стр. 63).

В приведенных предложениях слова «наездники», «гости», «карандаши» представлены с неопределенным артиклем **-к**, который употребляется в значении «какие-то». Если имя существительное с неопределенным артиклем **-к** в единственном числе еще в некоторой степени сохраняет свою количественную значимость, то в сочетании с именами существительными во множественном числе количественное значение совершенно не осознается. И здесь невозможно говорить о количественном числительном «один».

При этом, если сочетание «существительное в единственном числе + неопределенный артикль **-к**» выражает один неизвестный предмет на фоне ряда ему подобных предметов, то сочетание «существительное во множественном числе + неопределенный артикль **-к**» обозначает не один предмет, а ограниченное количество неизвестных предметов на фоне множества таких же предметов.

А. Н. Генко, ошибочно приняв в абазинском языке сочетание неопределенного артикля **-к** с именем существительным за форму с числительным «один», в форме множественного

числа видит известное количество предметов²², что не соответствует действительности.

Неопределенный артикль **-к** в абхазском и абазинском языках, как и немецкое **ein**, обладает способностью выделить предмет из ряда подобных предметов, но такое выделение, в отличие от определенного артикля **a-**, сохраняет возможность выбора. Примеры:

Абх. Зина асаркьа дшанѓшылоз, асаркьа иавыхэхэоз **конверт-к** лылаѓш накушэент. Лыхцэы шыкьыруа инау-лышьтын, ларбьа напы нагзаны **a-конверт** асаркьа иав-тылхит...

«Зина, разглядывая себя в зеркале, обратила внимание на торчащий сзади зеркала **какой-то** конверт. Она опустила косы, правой рукой вынула из-за зеркала **конверт**...» (И. Папаскьыр. Ишымтакуа реизга, I-тэй атом, стр. 14).

Абаз. Ари ашш йшыгIвуазымца аурам йалацуз **пхIвыс-кI** гвытшпыла йлыстI. **A-пхIвыс** дкIанакьян, йаргы ацгвы шаквIваз акыт йтыкьятI.

«Когда (ослик) он бежал по улице, наткнулся грудью на **какую-то** женщину. **Женщину** сбил с ног, и сам с кошкой на спине выбежал из аула». («Абаза турыхква», стр. 101).

Ближайший родственный к абхазо-адыгским языкам убыхский язык тоже обладает категорией неопределенности, которая выражается в нем, как и в адыгских языках, при помощи **за** «один». Первый исследователь убыхского языка П. К. Услар в своей незаконченной работе «О языке убыхов» не выявил эту категорию. Если в абхазском языке аффикс **a-** автор рассматривал как выразитель неопределенности имени, то естественно было ожидать то же самое объяснение и в отношении убыхского **a-**. Но присоединение аффикса **a-** к имени П. К. Услар принял за чисто фонетическое явление. В его работе мы читаем следующее: «**a-** ставится или отбрасывается, согласно звуковым законам языка, которые пока еще неизвестны»²³.

Известный исследователь убыхского языка А. Дирр, изучавший убыхский язык в Турции, отметил, что «в убыхском языке числительное **за-I** довольно часто употребляется в функции неопределенного артикля»²⁴. Например:

²² А. Н. Генко. Указ. соч., стр. 124.

²³ П. К. Услар. О языке убыхов. «Этнография Кавказа», т. I. Тифлис, 1887. Прилож., стр. 84—85.

²⁴ A. Dirr. Die Sprache der Ubychen. Leipzig, 1928, стр. 9.

Фахьа **за-пхьазэ-альа** **за-базэ-альа** азбау́нкуа́бнан альазэ́кан. **А-базэ** гацэ́йа шэ́йнапáу́н, **а-пхьазазэ** гацэ́йа-гы́ цьау́ны айш́ькат.

«В старину какой-то старик и какая-то старуха были соседями. Дом старика был сделан из воска, а дом старухи из соли»²⁵.

Как явствует из вышеприведенных примеров, в убыхском языке при первом упоминании существительные «старик», «старуха» употреблены с частицей **за** (в функции неопределенного артикля), а при вторичном упоминании существительное «старик» и «старуха» как уже упоминавшиеся лица представлены с определенным артиклем **а-**.

В дальнейшем исследователями убыхского языка было подтверждено вышеизложенное положение А. Дирра. То же самое было сделано и Ж. Дюмезилем в отношении других родственных языков в его работе об абхазо-адыгских языках²⁶.

В заключение отметим, что в отличие от авторов, не признающих артиклевой функции за частицей **зы**, мы рассматриваем ее как показатель категории неопределенности, находящейся на грани лексики и грамматики (это относится также к частице **за** в убыхском языке); суффиксальный элемент **-к** в абхазском и абазинском языках мы считаем артиклем, выражающим категорию неопределенности.

II. ФОРМИРОВАНИЕ КАТЕГОРИИ НЕОПРЕДЕЛЕННОСТИ И ГЕНЕЗИС ЕЕ ПОКАЗАТЕЛЕЙ

Как уже отмечалось выше, в адыгских языках в функции неопределенного артикля выступает частица **зы**, а в убыхском — **за**. Частицы **зы**, **за** занимают место перед именем существительным и часто выступают в сопровождении несамостоятельного неопределенного местоимения **гуэрэ||гуэр** (адыг.-каб.), **гуара** (убых.). Однако в адыгских языках и в убыхском имеются случаи, когда **гуэра||гуэр**, **гуара** самостоятельно, т. е. без частицы **зы**, **за** выражает неопределенность. Поэтому в данных языках можно наблюдать следующие рав-

²⁵ Убыхские примеры взяты из работы: G. Dumezil. Documents Anatoliens sur les langues et les traditions du Caucase, V. Paris, 1967, стр. 67, ниже ссылки даются в виде скобок с фамилией автора, причем цифры обозначают номер тома и страницы.

²⁶ G. Dumezil. Etudes comparatives sur les langues caucasiennes du Nord-Ouest. Paris, 1932, стр. 37.

нозначные конструкции: «**зы**+имя существительное», «**зы**+имя существительное+**гуэрэ**» и имя существительное+**гуэрэ||гуэр**».

Приведем примеры:

Каб. **Зы шлалэ** кьалэм клуат. = **Зы шлалэ** гуэр кьалэм клуат = **Шлалэ** гуэр кьалэм клуат.

«**Какой-то** юноша ехал в город».

Убых. **За тыт** = **за тыт** гуара = тыт гуара.

«**Какой-то** мужчина».

В отличие от индоевропейских и адыгских, абхазо-абазинский неопределенный артикль **-к** является суффиксальным, т. е. стоит в постпозиции и сливается с именем существительным. Например:

Абх. Ажэтэза зны Цабал а́псацэа мула-к дрыман.

«Однажды в старину Цебельдинские абхазцы имели **какого-то** мулу».

(Д. Гулиа. Ишымтакуа. II-тәи атом, стр. 236.)

Абаз. **Хьацла** бзи-кI хыгIв пачва йыман...

«**Какой-то** хороший **мужчина** имел трех сыновей».

(«Абаза турыхква», стр. 11).

Таким образом, в адыгских и убыхском языках неопределенность выражается с помощью препозитивной частицы **зы**, **за**, а в абхазском и абазинском языках постпозитивной морфемой **-к**.

Возникает вопрос, появились ли эти формы выражения неопределенности одновременно или же абхазский и абазинский языки уже прошли форму выражения неопределенности адыгского и убыхского типа и появился новый неопределенный артикль, не имеющий ничего общего с адыгским и убыхским способом выражения неопределенности с помощью **зы**, **за** и неопределенным местоимением **гуэрэ**, **гуара**?

Чтобы ответить на этот вопрос, следует сначала остановиться на генезисе показателей неопределенности, а также числительных, из которых они образовались.

При характеристике неопределенного артикля все исследователи единогласно признают его количественную сторону. В абхазском и абазинском языках неопределенный артикль **-к** также восходит к числительному **акы**, **закы** «один»²⁷. В адыгских и убыхском языках частицы **зы**, **за** тоже восходит

²⁷ Фактическое происхождение **-к**, **акы**, см. ниже.

к числительному **зы, за** «один». Однако в функции артикля числительное (адыг.-убых.) **зы, за**, (абх.) **акы** «один» утратило качество самостоятельного слова. «Постоянное использование числительных и местоимений при именах существительных, — пишет И. И. Мещанинов, — получило в индоевропейских языках свое преломление. Числительное закрепилось за обозначением более общего, неопределенного значения предмета... и получило наименование неопределенного члена. Артикль (неопределенный) слился в своем семантическом значении с самим именем, перестав восприниматься как числительное... Артикли, в их разновидностях определенного и неопределенного членов, утратили свое прежнее значение числительного и местоимения, и тесно примыкая к имени, обратились в служебные частицы...»²⁸.

Объясняя различие в семантике определенного и неопределенного артикля, М. М. Щетинский пишет: «Известно, что ни в одном языке не существует «формального» употребления неопределенного артикля. Это и позволяет определить его общую семантику: он обозначает предмет на фоне ему подобных. Но «один» — это всегда один из многих и семантика неопределенного артикля оказывается неразрывно связанной с семантикой числительного: в языках, где не произошло фонетической дифференциации, ставится вопрос о полисемии слова со значением «один»²⁹.

Неопределенный артикль **-к** в абхазском и абазинском языках имеет много общего с категорией неопределенного артикля, существующего во многих других языках, если не учитывать некоторых различий в его употреблении. Адыгское и убыхское **зы, за**, выполняющие функцию неопределенного артикля, в своем употреблении также во многом совпадают как с европейскими, так и с абхазо-абазинским неопределенным артиклем **-к**. Однако в отличие от абхазо-абазинского неопределенного артикля, его употребление ограничено.

В абхазском языке числительное «один» передается посредством **акы** (для класса вещей), **азэы** (для класса человека), а в абазинском языке с помощью **закы** (для класса вещей) и **задзвы||адзвы** (<**задзвы**) (для класса человека). Например:

²⁸ И. И. Мещанинов. Члены предложения и части речи. М.—Л., 1945, стр. 307—308.

²⁹ М. М. Щетинский. К вопросу о природе артиклей. «Учен. зап. Московского областного пединститута им. Н. К. Крупской», т. 132, 1965, стр. 30.

Закы закы алацлара.

Акы акы аццара.

«К одному прибавить один».

Задзвы йхъазы йлымшауа
гывджь йрылшитI.

Азэы илымшо ыцъа ирылшоит.

«Чего не сможет сделать **один** человек, то сделают двое (Посл.).

К. В. Ломтатидзе в монографии «Тапанта́нский диалект абхазского языка» в сравнительном плане рассматривает становление и формирование числительного «один» как в тапанта́нском диалекте абазинского языка, так и в абхазском языке. Вслед за Ж. Дюмезилем К. В. Ломтатидзе, как и ее предшественники, считает числительное **акы** новообразованием в абхазском языке, восходящим к более древнему **закы** «один». Она предлагает генетическую связь числительного «один» с грузинским словом **какали** «орех», который употребляется в грузинском языке в смысле «штука», «кусок» и т. д. По мнению автора, абхазский и абазинский языки использовали грузинское слово **какали** для образования формы числительного **закы** со значением «одна (какая-то) штука», «один (какой-то кусок)» и «один (какой-то)»³⁰.

Далее, К. В. Ломтатидзе не признает связи **а-** в словах **акы** и **азэы** с аффиксом **а-** в именах. Ив. Джавахишвили усматривал здесь артикль. Оспаривая положение Ив. Джавахишвили, К. В. Ломтатидзе отмечает, что в словах **акы** и **азэы** префикс **а-** неотделим и поэтому его нельзя считать артиклем; по ее мнению, гласный элемент **а-** является, как и сами числительные **акы, азэы**, остатком **закы, зазэы**³¹.

Предположение К. В. Ломтатидзе о происхождении **акы**, а также отрицание генетической связи префикса **а-** в словах **акы, азэы** с именным префиксом **а-** представляется спорным, особенно если учесть данные адыгских и убыхского языков, а также ашхарского диалекта абазинского языка. В диалектах абазинского языка и в абхазском языке встречаются примеры, где префикс **а-** отделяется в вышеназванных словах. Например:

Ашх. ТхIамада бзиа **дзвыр** ыкъазари.

«Есть ли кто-либо из хороших стариков».

³⁰ См.: К. В. Ломтатидзе. Указ. соч., стр. 100—101.

³¹ Там же, стр. 100.

ДзвырагІв «Кто-либо из людей».

...Щыжымта-пхьадза архъа акыт ргІадашы ахтшыкІ
икІкваз кІакІакІ дрыквтІа... дааихтІ.

«...Каждое утро он приезжал [поочередно] на **одной** из
трех лошадей, пасшихся в поле вблизи села»³².

Абх. **Зэыр** илшо дыказар, илшоит иара.

«Если **кто-либо** (вообще) способен совершить это дело,
то он сможет.»

(Б. Шынкуба. Ахра ашэа, стр. 42).

— Амџа уакузыршэо **кыр** даџсами?!

«— Кто тебе укажет дорогу, он **что-то** значит?!

(Там же, стр. 40).

Акы **кака** — «один по-одному», џба **кака** — «два по-одно-
му» (из детской игры).

Отсутствие префикса **а-** в вышеприведенных примерах
говорит о том, что он не является корневым элементом слов
акы, **азэы**. Следовательно, префикс **а-** нельзя считать остат-
ком числительного **закы**, **зэзы**. В современном абхазском
языке префикс **а-** в словах **акы**, **азэы** не несет артиклевой
функции. Он превратился в детерминант. Но в некоторых
случаях в этих словах артиклевая функция все-таки проявля-
ется, например:

— Зака жэабей хаз икоу **какеи** (<кака-и) рыла еикур-
шэоузеи жэаа? Иара **а-кака-куа** ахџхыр ихзынхозеи?

— «Из скольких десятков и отдельных **единиц** состоит
число восемнадцать? Что остается, если из него вычестъ (эти)
единицы?» („Аџсны каџшь“ от 17 декабря 1971 г.).

В первом предложении слово **кака** «единицы» представ-
лено в нулевой форме в значении неопределенного количе-
ства, а во втором предложении — с артиклем **а-** (**а-кака-куа**)
в значении определенного количества единиц. Ср.

— Зака жэабей хаз икоу **какеи** рыла еикуршэоузеи
зеижэ?

Иахзынхозеи уи иаџхыр иара **а-жэаба**?

— «Из скольких **десятков** и отдельных единиц состоит
число девятнадцать? Что остается, если из него вычестъ (эту)
десятку?» („Аџсны каџшь“. Там же).

Точно так же, как и в вышеприведенных примерах, в
первом предложении слово **жэаба** «десять» представлено в

³² Примеры взяты из работы: К. В. Ломтатидзе. Ашхарский диалект
и его место среди других абхазско-абазинских диалектов. Тбилиси, 1954,
стр. 79, 54 (на груз. яз.).

нулевой форме в значении неопределенности, а во втором
предложении — с определенным артиклем **а-** (**а-жэаба**).

В абазинском языке в числительном **а-джвы** «один» в
морфеме **а-** также обнаруживается артиклевое значение. Так,
например, в предложении:

Аджв дхысуашт, агІвуджъ асагІындккъва дрыџаруштІ.

«**Один** будет стрелять, а двое — точить стрелы» («Аба-
зашта алокІва, стр. 53), если числительное **аджв** заменим его
дублером **заджвы**, то оно непременно будет оформлено пре-
фиксом определенности **а:** **а-заджв**, ср. каб. **зы-р**.

Для выяснения генезиса абхазо-абазинского неопределен-
ного артикля, а также абхазского числительного **акы**, следует
выяснить, имелись ли в адыгских и убыхском языках подоб-
ные сложные формы типа абазинского **закІы** «один» (для
класса вещей), **заджвы** (<задзвы) «один» (для класса чело-
века). О возможном наличии таких образований и в адыг-
ских и убыхском языках могут свидетельствовать следующие
формы: адыг. **зыгорэ**, каб. **зыгуэр**, убых. **загуара** «кто-то»,
«что-то», «кто-нибудь», «что-нибудь» и т. д., адыг.-каб. **закъуэ**,
убых. **захъа**³³ «один (единственный)», ср. абх. **заџэы** (<**зэзы**)
«один (единственный)». Например: Аџхэыс еиба лычкун
заџэы... «**Единственный сын вдовы**...» (взято из песни).

Во всех приведенных формах выделяется общий элемент
зы, **за**, т. е. числительное «один». Теперь для нас является
очень важным выяснить, для чего были использованы вто-
рые компоненты этих форм.

В отличие от адыгских и убыхских форм абхазо-абазин-
ские формы **заджвы**||**заџэы** (<**зэзы**), **закІы** употребляются
в языке как в роли числительного, так и в роли неопределен-
ного местоимения. С другой стороны, в них выражены классы.
Выразителем класса человека является **-джвы**||**-џэы** (<**-зэы**),
а класса вещей **-кІы**. Как известно, современные адыгские
языки и убыхский не различают категорию классов. Но исто-
рически категория классов предполагается и для этих язы-
ков³⁴.

Да и в абхазском и абазинском языках **заджвы**, **заџэы**
утрачивает свое специфическое значение, т. е. выражение
«класса человека». Это было отмечено А. Н. Генко в абазин-
ском языке: «Следует отметить, — писал А. Н. Генко, — что

³³ Н. Vogt. Dictionnaire de la langue Oubykh. Oslo, 1953, стр. 218.

³⁴ См.: Г. В. Рогова. К вопросу о структуре именных основ и кате-
гориях грамматических классов в адыгских (черкесских) языках. Тбилиси,
1956, стр. 1.

зджвы утрачивает уже нередко свое специальное отношение к классу разумных, например, джма **зджвыкI** «единственная (одна) коза»³⁵.

Ср. абх. Карандашъ **зацэык** ааихуеит. «Он купил **один** (единственный) карандаш».

Можно предположить, что исторически и в адыгских языках вторые компоненты приведенных форм использовались для выражения классов: **гуэрэ||гуэр**, для класса вещей (ср. абх.-абаз. **-кы**), адыг. **-къуэ**, убых. **-хъа** для класса человека (ср. абх.-абаз. **-зэы**). В настоящее время эти компоненты являются несамостоятельными.

С этим следует сравнить мнение авторов «Грамматики кабардино-черкесского литературного языка»: «Неопределенные местоимения представлены двумя формами: самостоятельной — **зы-гуэр** и не самостоятельной **-гуэр**. Они обозначают «некто, некий, кто-то, что-то, кто-нибудь, какой-то».

Неопределенное местоимение **зыгуэр** образовано от числительного **зы-** «один» и несамостоятельного неопределенного местоимения **гуэр**. Неопределенное местоимение **гуэр** может стоять только после определяемого слова»³⁶. То же самое можно сказать и относительно убыхского **за-гуара, гуара**³⁷.

Слово **зыгуэр** представляет отдельную словарную единицу и выступает в значении неопределенного местоимения. Когда речь идет об одушевленном предмете, оно переводится как «кто-то, кто-нибудь», а при неодушевленном предмете, как «что-то, что-нибудь». **Гуэрэ||гуэр**, сопровождая частицу **зы**, выступающую в функции неопределенного артикля, в сочетании с именем становится после него, но при этом **гуэрэ** нельзя рассматривать как суффикс, как это делает Ж. Дюмезиль³⁸. Оно еще не слилось с именем, как это имеет место с числительным **зы (зыгуэр)**.

В специальной литературе имеется попытка объяснить это местоимение. Впервые А. Дирр не находя объяснения в самом убыхском языке ставит такой вопрос: «Не является ли это (т. е. гуара — Т. Х.) заимствованием из грузинского языка? **гуари||гвари** «вид, род, природа»³⁹. Ж. Дюмезиль в своей сравнительной работе повторяет мнение своего предшествен-

³⁵ См.: А. Н. Генко. Указ. соч., стр. 178.

³⁶ См.: «Грамматика кабардино-черкесского литературного языка». М., 1957, стр. 89.

³⁷ См. J. Meszaros. Die Päkhy-Sprache. Chicago, 1934, стр. 318.

³⁸ См. G. Dumezil. Etudes comparatives sur les langues caucasiennes du Nord-Ouest, стр. 37.

³⁹ A. Dirr. Указ. соч., стр. 81.

ника⁴⁰. М. А. Кумахов в монографии «Морфология адыгских языков» по этому вопросу пишет: «Первая часть этого адыгско-убыхского неопределенного местоимения восходит к числительному **зы** (адыг.-каб.), **зэ, за** (убых.) «один». Сближение А. Дирром второй части убых. **за-гуара** с груз. **гвари** «вид, род, природа» представляется малоубедительным»⁴¹.

На наш взгляд, убыхское неопределенное местоимение **гуара** было заимствовано из адыгских языков (ср. адыг.-каб. **горэ||гуэр**). Это мнение подтверждается тем, что в слове **гуара** мы видим абхазо-адыгский детерминант **-ра**, которым пронизаны абхазо-адыгские местоимения [ср. абх.-абаз. **са-ра** «я», **уа-ра** «ты», **ари<арай** «это»; адыг. **хэт-рэ** «любой, всякий» (о классе человека), **сид-рэ шьид-рэ** «любой всякий» (о классе вещей), **адрэ** «другой, тот»]. Если бы форма **гуара** была убыхской, то она была бы представлена как **гуагъуа**, так как абхазо-адыгскому детерминанту **-ра** в убыхском соответствует **-гъуа**.

Итак, корневыми элементами вторых компонентов **зы-гуэр-рэ||зы-гуэр-р, за-гуа-ра, за-кы, за-къуэ, за-хъа, за-джвы, за-цэы** являются:

адыг.-каб.	-гуэ	-къуа
убых.	-гуа	-хъа
абх.-абаз.	-кы	-цэы джвы (<-зэы)

Следует думать, что сравниваемые нами корневые элементы **-гуэ, -гуа, -кы** одного происхождения и восходят к неопределенному местоимению, каковым, возможно, является абхазское неопределенное местоимение **агы<аги** «иной, другой, тот». Возможность звукосоответствия **гу, к** в этих языках вполне допустима, ср. адыг.-каб. **гуы**, абх.-абаз. **а-гуы**, убых. **а-гы**, авар. **ра-кI**, лак. **да-кI**, лезг. **ри-кI** «сердце»⁴².

На основе вышеизложенного материала можно прийти к следующим выводам:

1. Компоненты **-гуэ (адыг.-каб.), -гуа (убых.), -кы (абх.-абаз.)** произошли из одного источника — неопределенного местоимения, который используется в абхазском и абазинском

⁴⁰ G. Dumezil. Там же, стр. 38.

⁴¹ См.: М. А. Кумахов. Морфология адыгских языков. М.—Нальчик, 1964, стр. 212.

⁴² Г. А. Климов. Этимологический словарь картвельских языков. М., 1964, стр. 66.

языках для выражения категорий класса вещей (см. выше абхазо-абазинские примеры).

2. Возможно это же неопределенное местоимение в данных языках было использовано для уточнения категории неопределенности, выражаемой с помощью числительного **зы, за** «один», что имеет место и сейчас в адыгских и убыхском языках (примеры см. выше).

В дальнейшем в абхазском и абазинском языках сопроводитель категории неопределенности мог слиться с именем существительным и взять на себя артиклевую функцию сопровождаемого числительного.

Вероятность этого подтверждается некоторыми реликтами, сохранившимися, как отмечено К. В. Ломтатидзе, в синтаксических единицах типа абх. сы-з-бла-к «один из моих глаз» (букв. «один какой-то из моих глаз»), а-з-маху-к «одна (какая-то) из его веток»; абаз. (ашх.) а-з-щала-кI «одна (какая-то) из его ног»⁴³ (ср. каб. **зы** щалаIэ **гуэр** «один какой-то юноша»).

3. На ранних этапах оформления категории неопределенности, по-видимому, необходимы были дополнительные средства для подчеркнутого выражения этой категории, поскольку числительное «один» еще несло свое главное лексическое значение. Такими дополнительными средствами могли быть неопределенные местоимения. Именно этим можно объяснить сопроводительную роль неопределенного местоимения **гуэрэ, гуара** в адыгских и убыхском языках. Это явление (т. е. выражение категории неопределенности с помощью неопределенного местоимения) подтверждают и другие языки, где в настоящее время имеется развитая категория артикля.

О. И. Москальская в своей докторской диссертации пишет: «В памятниках древних германских языков встречаются уже попытки выражения неопределенности либо посредством числительного *gesp.* неопределенного местоимения древн. *ein*, либо посредством неопределенного местоимения древн. *sum*, готск. *sums* и т. п.»⁴⁴. Такое же положение имело и в древнеармянском языке. «В древнеармянском языке, — пишет Э. Г. Туманян, — существовали неопределенные местоимения, имевшие значение «некий, один, некто, нечто». На современ-

⁴³ К. В. Ломтатидзе. Категория единичности и образующие ее аффиксы в абхазском языке. «Изв. ИЯИМК», т. X. Тбилиси, 1941, стр. 207.

⁴⁴ О. И. Москальская. Развитие артикля в древних германских языках. Докт. дисс. М., 1952, стр. 583.

ный литературный язык они переводятся с помощью неопределенного артикля»⁴⁵.

4. Неопределенное местоимение **гуэрэ, гуара** в адыгских и убыхском языках не вытеснило частицу **зы, за**, выступающую в функции неопределенного артикля, как это произошло в абхазском языке. Оно сейчас в большинстве случаев употребляется как сопроводитель частицы **зы, за** по традиции, т. е. формально, хотя числительное **зы, за** «один» в функции неопределенного артикля давно потеряло свое лексическое значение. Но в адыгских языках как выясняется, не всегда его употребление носит формальный характер и не всегда его можно опустить. Это будет понятно из следующего примера: **Зы лы горэм хьакIэ кыфэкIуагь. «К какому-то мужчине пришел гость».** Конструкцию **«зы лы горэм»**, если исходить из чисто формальных показателей, мы должны были бы перевести: «один определенный (т. е. известный) какой-то мужчина», поскольку слово **горэ** представлено с морфемой **-м**, которая выполняет в языке функцию определенного артикля и показателя падежа. Но здесь формант **-м** никак не может нести артиклевую функцию, а лишь указывает на синтаксическую связь.

III. УПОТРЕБЛЕНИЕ НЕОПРЕДЕЛЕННОГО АРТИКЛЯ -К И ЧАСТИЦ **ЗЫ, ЗА**

1. Неопределенный артикль -к и частицы **зы, за**, с помощью которых в контекст вводится новый предмет

Выше мы частично касались этого вопроса и указывали, что неопределенный артикль **-к** в абхазском и абазинском языках, частицы **зы, за**, выступающие в функции неопределенного артикля в адыгских и убыхском языках, аналогично артиклю в европейских языках, появляются в именах существительных, когда в контекст впервые вводится новый предмет не имеющий никакой связи со всем сказанным раньше. Как отмечается исследователями, такой тип употребления артикля является типичным явлением для всех языков, обладающих категорией артикля. Такой тип артикля в лингвистической литературе называется вводным или вводящим. По-

⁴⁵ Э. Г. Туманян. Артикли в современном армянском языке. Ереван, 1963, стр. 191.

«сколько предмет (или идея), впервые вводящаяся в контекст с помощью неопределенного артикля, является новым и неизвестным, то при своем появлении он часто ставит читателя или слушателя в положение ожидания дальнейших сведений. Но это не является обязательным для всех случаев употребления неопределенного артикля. Такая особенность свойственна только вводному артиклю.

Типичным примером употребления вводного артикля является обычное начало эпического повествования и начало сказок. Приведем примеры, иллюстрирующие эти явления.

Абх. Уартан дындэылкьан али-цси рыбжьара еикужьац-цаха иказ **шэакь-к** има даафналан, Миха инаилркит. «Уартана быстро вышел из комнаты и, принеся заржавленную **какую-то винтовку**, подал Михе». (И. Папаскьыр. Ифымтакуа реизга, I-тәи атом, стр. 307).
Ажәытәза зны Цабал ацсацәа **мула-к** дрыман. «В древности Цебельдинские абхазцы имели **какого-то муллу** (священника). (Д. Гулиа. Ифымтакуа, II-тәи атом, стр. 236).

Абаз. Мырза, Хаджят лыхьызта; дзгъаб пшдза-кI дйыман. «Мырза имел **какую-то** красивую дочь, по имени Хаджят» («Абаза турыхква», стр. 5).

Каб. Зы хьыджэбз цыкIу гуэр мэзым кIуат. «**Какая-то** маленькая девочка ушла в лес». («Адакьэ цыкIу-дыщэ щхьэмажьэ», стр. 8).

Адыг. Зы лыжь цыкIу горэ, зы кьо закьо иIэу, шыIагъ. «Жил **какой-то** старичок, имея одного (единственного) сына». («Адыгэ тхыдэжъхэмрэ пшысэхэмрэ», стр. 136).

Убых. Фахьа за-татын с'ацхьа кабка. «В старину **какой-то** человек имел трех дочерей». (Dumezil, V, 139).

Во всех вышеприведенных примерах происходит выделение предмета из класса ему подобных и введение его с помощью неопределенного артикля в контекст.

Чтобы ясно представить разницу между абх. -к, адыг. зы, выступающим в роли числительного, с одной стороны, и в роли неопределенного артикля, с другой, приведем примеры, где абх. -к, адыг. зы являются именем числительным.

Абх. Уацәы дыжәбап, уацәы. **Уаха-к** шәгу шәмырҕыбын сшәыхәоит.

«— Завтра увидите его, завтра. Я вас очень прошу в этот (один) вечер не скучать». (М. Лакрба. Аламыс, стр. 57).

Здесь -к выступает в значении числительного «один», поскольку речь идет о сегодняшнем вечере.

Зина, Темыри ларей реикушәара ләацәылхьчон, аха **кыта-к** аҕы еицыкан еикумшәашьа рымамызт.

«Зина старалась не попадаться на глаза Темыра, но это было невозможно, поскольку они жили в **одном селе**».

(И п ы Иф а р и а I- э а а ом, стр. 284).

В этом предложении -к с существительным «село» выступает в значении числительного, поскольку здесь идет речь об их общем селе и выбора нет.

Адыг. — **Зы унэ** нахь тиIэп, мы унэм уилъын плъэкIыштәп, — ыIуагъ.

«— У нас только **одна** комната, ты не можешь в этой комнате оставаться».

(«Адыгэ тхыдэжъхэмрэ пшысэхэмрэ», стр. 167).

Здесь **зы** употреблено в значении числительного «один», и это значение единичности подчеркивается частицей **нахь**.

Ср. абх. — **Жэы-к** еиха амазара иацсазам.

«— Не выгодно иметь более **одной** коровы».

В адыгских языках значение единичности может быть подчеркнуто словом **закьо** и в убыхском **захьа** «единственный».

Адыг. Зы лыжь цыкIу горэ, **зы кьо закьо**, иIэу шыIагъ. «Жил какой-то старичок, имея **одного (единственного) сына**».

(«Адыгэ тхыдэжъхэмрэ пшысэхэмрэ», стр. 136).

Убых. Шьатла **за-цхьадыку-захьан** шыкаба бшахаимас шыка.

«Мы имели **одну** единственную дочь, она с ума сошла». (Dumezil, V, 144).

В абхазском значении единственность может быть подчеркнута послелогом **ада** «без», «кроме» и наличием отрицания в глаголе.

Еитазгурҕеит сыцстазара, исгуалашәеит анхара-анцыра ишаҕыу, еихачаҕа аҕны бзиакуа шдыргыло-сара **мацурта-к** ада шсымам.

«Еще раз скорбел о своей жизни, вспомнил, как люди живут и работают, как они строят великолепные здания, что у него **кроме одной** кухни (хижины) ничего нет».

(И Папаскьыр. Ифымтакуа реизга, I-тәи атом, стр. 25)'

В абхазо-адыгских языках наблюдается еще один случай, когда **-к** и **зы** выступают в значении числительного. Это имеет место при перечислении имен существительных в количестве более двух, когда при каждом имени повторяются в адыг. **зы**, в абх.-абаз. **-к**. Примеры:

Абаз.

Зны мшвы-кI, квыджьма-кI,
бага-кI йацшварацырныс
йангIалын, шварацара
йацджвыквылтI.
(«Абаза турыхква», стр. 102).

Абх.

Зны мшэы-к, куцмак,
бга-к еицышэарацаразы
еинаалан, шэарацара
еицдэыкулт.

«Однажды (один) медведь, (один) волк, (одна) лиса договорились вместе поохотиться и отправились на охоту».

В этом предложении **-к** с существительным «медведь», «волк», «лиса» выступает в значении числительного.

Каб. Зы лыжьрэ зы фызыжьрэ лсэут. Абыхэм зы мэл, зы къаз, зы адакъэ, зы кхъуэ яIэт.

«Жил-был старик со старухой. Они имели (одного) барана, (одного) гуся, (одного) петуха и (одну) свинью».
(«Адакъэ цыкIу-дыцэ щхъэмажьэ», стр. 41).

В первом (кабардинском) предложении мы имеем типичный пример употребления частицы **зы** в функции вводного неопределенного артикля, а во втором предложении **зы** с существительным «баран», «гусь», «петух», «свинья» выступают в значении числительного.

2. Неопределенный артикль -к у существительного, к которому относится придаточное определительное предложение

В абхазском и абазинском языках, как и в других языках, встречаются случаи, когда при появлении неопределенного артикля мысль бывает незаконченной и требуется ее дальнейшее пояснение. В этом случае после имени существительного с неопределенным артиклем часто следует то или иное придаточное определительное предложение. Это придаточное предложение по форме построения и по смыслу соответствует придаточным определительным предложениям индоевропейских языков. Этот факт можно подтвердить следующими примерами:

Абх. Сара иахьа шэку-к сапхьейт, уи еипш шэку бзиа сымбацт.

«Сегодня я прочел (какую-то) книгу, подобной книги вообще я не видел».

(К. Шыакрыл. Агьсуа бызшэа рцага (асинтаксис), стр. 66).

Иахьа убас куа-к аунт, уи еипш шамахамзар икам-лацт.

«Вчера прошел такой (какой-то) дождь, подобный которому вообще редкое явление».

(К. Шыакрыл. Там же).

Хара хбахчафы тама-к тагылоуп, уи еипш тама хаа ыкам.

«В нашем саду растет (какой-то) персик, такого сладкого персика нигде больше нет». (Там же).

В этих предложениях слова «книга», «дождь» и «персик» представлены с неопределенным артиклем **-к**.

Имя существительное, представленное с неопределенным артиклем в главном предложении, не просто выделяет предмет из ряда ему подобных, но благодаря союзным словам: **уи еипш**, **абас** («подобно тому, как») и придаточному определительному предложению подчеркивает качество или свойство определяемого предмета.

В адыгских языках встречаем такую же картину, ср. в кабардинском: Нобэ сэ зы тхылъ (гуэр) сыкъеджащи, апхуэдэ тхылъ зэи слъэгъуакъым.

«Сегодня я прочел какую-то книгу такую, подобной которой я никогда не видел».

В этом предложении слово «книга» представлено с частицей **зы** в значении неопределенного артикля.

3. Употребление неопределенного артикля -к с именной частью сказуемого

Употреблению неопределенного артикля с именной частью сказуемого (предикативом) в теоретической литературе уделяется большое внимание. Исследователями замечено, что в языках, где имеется развитая категория артикля, предикатив может употребляться то с нулевым, то с неопределенным, то с определенным артиклем.

Для индоевропейских языков, в частности английского и немецкого, обычным типом артикля у предикатива является неопределенный, например:

англ. He is an artist

«Он артист»

нем. Sie ist eine Studentin

«Она студентка»

Er ist ein Lehrer

«Он учитель»

3. Т. Х. Халбад

В адыгских языках в таких случаях обычно употребляется нулевой артикль. Например:

адыг.	Ар	студент	«Он студент»
каб.	Ар	студентш	

Здесь имя «студент» выступает в его самом абстрактном значении. «Существительное, лишенное артикля, представляет собою понятие с совершенно неточным объемом, чрезвычайно широкое и расплывчатое...»⁴⁶. Имя существительное в позиции предикатива теряет свою самостоятельность. В этой позиции оно приобретает свойство, характерное для глагола.

Существительные в положении предикатива теряют основные свойства существительного и приближаются по своим функциям к формам, выражающим категорию состояния.

Если в адыгских языках имена существительные в позиции предикатива употребляются с нулевым артиклем, то в противоположность им в абхазском языке существительное в роли предикатива часто встречается с неопределенным артиклем.

Например:

Уацэы дыжэбап, уацэы. Уахак шэгу шэмырэфыбын, сшэыхэоит. Сара шэысзымпышын, тахмада-к соуп.

«— Завтра увидите, завтра. Я вас очень прошу сегодня одну ночь не скучать. Вы меня не ждите, я **старик** (я есть какой-то старик)».

(М. Лакрба. Аламыс, стр. 57).

В этом предложении предикативное существительное «старик» употреблено с неопределенным артиклем -к.

— Уи саргы издыруеит, дад, аха **псыхуа-к** соуп хэа сымгуу'уеи!

«— Да, то я тоже знаю дад (вежл. обращ.), но ведь я должен иметь хоть **какую-нибудь помощь!**»

(И. Папаскыр. Ифымтакуа реизга, I-тэй атом, стр. 17).

Ишубо **саби-к** иоуп, уажэы адагы Акуа дмаацзаргы калап».

«Как видишь он (есть) **какой-то ребенок**, возможно впервые в Сухуми». (И. Папаскыр. Там же, стр. 45).

Существительные «помощь», «ребенок» также употреблены с неопределенным артиклем. Здесь возникает вопрос — ка-

кое различие имеется в языке между предикативом с нулевым артиклем и предикативом с неопределенным артиклем?

Если предикатив с нулевым артиклем показывает, что некое качество, состояние приписывается подлежащему как своеобразное определение, и при этом изложение получает заверченный характер, то в предложениях, где предикатив употреблен с неопределенным артиклем, большей частью положение бывает иным. Здесь неопределенный артикль выделяет из множества подобных предметов один, заостряет на нем наше внимание и ставит нас в положение ожидания дальнейших сведений об этом выделенном предмете.

В абхазском языке в отдельных случаях именная часть сказуемого может употребляться также и с определенным артиклем. И здесь артикль а- имеет утвердительное значение. Например: —

— Ашьабста акум, аха **а-мшэ ауп**, амшэ! — даахыччит Тут.

«— Это не тур, а — медведь, медведь! — шутливо засмеялся Тут».

(М. Ахашба. Аапынра мшкуа раан, стр. 97).

... Арцага **ашэкуы ауп** иахьа сара убри абиблиотекафы ирымсхоз.

«Сегодня, что я брал в той библиотеке есть учебник».

(М. Ахашба. Там же, стр. 273).

4. Употребление неопределенного артикля -к и частицы за с именем существительным при наличии определительного слова даеа||аеа «другой, иной» (убых. йама)

Как в абхазском, так и в абазинском языке часто встречается слово даеа обычно в сопровождении имени существительного, т. е. является определением к нему. Оно по своему морфолого-семантическому признаку относится к разряду неопределенных местоимений. Отнесение его к именным словообразовательным приставкам, как это делает К. С. Шакрыл⁴⁷, мы считаем спорным. Хотя слово даеа имеет тенденцию тесно примыкать к определяемому имени, но при всех обстоятельствах оно сохраняет свое лексическое значение и самостоятельность как словарная единица. Особенно эта самостоятельность заметна, когда оно относится к именной части сказуемого. Например:

⁴⁷ К. С. Шакрыл. Аффиксация в абхазском языке. Сухуми, 1961, стр. 118—119.

⁴⁶ М. А. Бабян. Роль и значение артикля во французском языке по материалам художественной прозы второй половины XIX в. Канд. дисс., М., 1945, стр. 102.

Ари зынзак даеа усуп. «Это совсем другое дело.

Уи аеа уаџуп. «Он совсем другой человек»⁴⁸.

Не случайно, что слова даеа||аеа в словарях даются как самостоятельная словарная единица⁴⁹.

В абазинском языке слово датша также является самостоятельной словарной единицей⁵⁰.

Слово даеа примечательно тем, что за исключением случаев, когда даеа относится к именной части сказуемого (см. выше), сопровождая имя существительное, оно делает его всегда неопределенным.

Для подтверждения этого факта приведем следующие примеры:

Абх. Мыса Барганџиа ираху иманы дцеит даеа кыта-к ахь.

«Мыса Барганджиа со своим скотом ушел в какое-то другое село».

(Д. Гулиа. Иџымтакуа, II-тәи атом, стр. 264.)

...Ахақым даеа хушәы-к ииржәит...

«Врач напоил его еще другим каким-то лекарством».

(Д. Гулиа. Там же, стр. 264).

В обоих предложениях «село», «лекарство» с помощью определяемого слова даеа и неопределенного артикля -к выделяются из ряда им подобных предметов.

Абаз. Дуся аконтора атдзы апны датша швы-кI гIалтIитIта днашылитI. (Т. Бемырза. Абазазара апша, стр. 81).

«Дуся открывает в конторе какую-то другую дверь и входит туда».

Исыдырбагьялу ажквa сыркъвгата датша нхара-кI аъахта йгъсзыбум.

«Кроме прикрепленных мне коров, какой-то другой работы не смогу». (Къ. Джьгватан. Гъын паса, стр. 176).

В этих предложениях неопределенность существительных «дверь», «работа» обусловлена наличием у них определительного слова датша.

Убых. Таку датцатын аџсакуау асәан дауаныу́тәайтын йама за-џса џтлы аџсакуауын бацатын айкьака.

⁴⁸ Примеры взяты из кн.: «Русско-абхазский словарь». Сухуми, 1964, S. V.

⁴⁹ См.: «Абхазско-грузинский словарь». Тбилиси, 1954, S. V. «Русско-абхазский словарь», S. V.

⁵⁰ См.: «Русско-абазинский словарь». М., 1956, S. V.

«Немного погодя, когда он вынул сеть из моря, в нее еще попалась какая-то другая красная рыба».

(Dumézil, V, 140).

Здесь также появление частицы за перед именем џса «рыба» связано с наличием определительного слова йама.

5. Особые случаи употребления неопределенного артикля -к

В абхазском и абазинском языках часто встречаются случаи, когда имя существительное для говорящего является фактически определенным, но он в стилистических целях делает его неопределенным и употребляет с неопределенным артиклем.

В новелле М. Лакрба «Тадгугу аиџамс» рассказывается как девушка по фамилии Агырба была обручена с Калдахварским парнем Чукбар. Чукбаровцы готовились к свадьбе, но неожиданно получили отказ от девушки. Чукбаровцы и Агырбовцы собрались в семье девушки, чтобы выяснить причину отказа. И вот перед этими уважаемыми старейшинами она выступает с такими словами:

— Асасцәа шәхаткы, сашьцәа дукуагьы шәхаткы сара сыкоуп, саташәымцан шәыбзиаракнытә ас зегьы нахьшәахауа сара џхәызба-к сышәџагыланы сахьшәацәажәо. Дук ишыџшзамгьы здыруеит, — шәыпату схы икуп, аха иатахзамкуа ацәгьара калар аткъыс схәан изгуаџьит.

«— Уважаемые гости и мои большие братья, извините меня, что перед всеми такими хорошими людьми разговариваю так я, какая-то девушка. Знаю, что это не красиво, еще раз извините меня, но я решилась выступить (букв.), чтобы из этого дела не вышло плохих последствий». (М. Лакрба. Аламыс, стр. 197).

В этом небольшом отрывке слово «девушка» намеренно употреблено с неопределенным артиклем -к, хотя ясно, что речь идет об определенной девушке, т. е. о той, которая говорит о себе. Здесь интересно также, что слово «девушка», употребленное с неопределенным артиклем, сопровождается еще личным местоимением «я», которое придает имени большой выделительный оттенок.

Ср. также: Шьмат Акуа аокруг аначальник иџы тарџьманс дыкан. Зны шьыжьымтанк абазарахь дцан џбака-хџака

кутабъ дзыцхыраахъаз азэы имихит. Ус дшааиуаз аначаль-
ник дааицълеит. Аббъаахэа диеихырхуарцы ихылца ааихьи-
цааит: акутабъкуа аттахэа аначальник инаимцапсан, ицыхха
ицент. Шьмат азнык азы дшэеит, аха ацыхутэан цааитит.

— Егъаурым уххъ згеит, **кутабъкуа-к** сцэыцеит хэа.
икалазеи еитаасхуап.

«— Шмат работал переводчиком у Сухумского окруж-
ного начальника. Однажды утром на базаре у одного чело-
века, которому он раньше помог, он взял несколько яиц.
Возвращаясь он встретил своего начальника. Не думая, он
быстро снял шапку и хотел поклониться ему. Из шапки вы-
пали к ногам начальника яички. Шмат сперва испугался, но,
наконец, произнес:

— Ничего, господин, если разбились **какие-то яички** ни-
чего не случится, куплю снова». (Д. Гулиа. Ишымтакуа, II-тэи
олэм, стр. 224).

В этом отрывке слово «яички» употреблено сознательно
с неопределенным артиклем. Здесь интересно также, что не-
определенный артикль **-к** сочетается с именем во множествен-
ном числе **кутабъкуа-к** «какие-то яички».

6. Сочетание неопределенного артикля -к и частицы зы с числительными

Некоторые исследователи индоевропейских языков нахо-
дят случаи сочетания неопределенного артикля с числитель-
ным. В таких сочетаниях числительное рассматривается как
самодовлеющая единица, взятая один раз. Подобное употреб-
ление неопределенного артикля (ein) было замечено в диа-
лектах немецкого языка. Л. И. Божно приводит следующие
примеры: Ein vier Stund (H. Sachs); ein 14 Tage (Goethe);
Wir lebten ein acht Tage zusammen (где ein в значении
«приблизительно») ⁵¹.

Подобный факт находит Г. М. Шампаньер и в англий-
ском языке. По его мнению, когда артикль **a** стоит перед при-
лагательными, обозначающими количество, он разрушает их
стройную определенность, выражая приблизительно оценку.
Здесь он сходен с английскими словами *some*, *a matter of*,
about или русским «около». Например: *a six years*; *a fifty*
men или *some fifty men* «около пятидесяти человек». Такое

⁵¹ А. И. Божно. Две функции артикля при имени нарицательном в
немецком языке. Канд. дис., Л., 1947, стр. 36.

употребление артикля, по мнению Шампаньера, было в анг-
лийском языке чрезвычайно распространенным в XIV—XVI
столетиях ⁵².

В современных абхазо-адыгских языках чрезвычайно ши-
рокое распространение имеют также сочетания неопределен-
ного артикля с числительными. Неопределенный артикль в
этих сочетаниях указывает на приблизительность количества
(«около, приблизительно»). Такие сочетания обозначаются
термином «приблизительные числительные» ⁵³, а в кабардин-
ском — термином «неопределенно-количественные числитель-
ные» ⁵⁴.

В обоих языках неопределенное количество передается
частицей **зы**. Примеры:

Каб. Цыху **зы-тхух** къэклуагъ.

«Прибыло **около пяти-шести** человек».

Здесь частица **зы** с числительным «пять-шесть» означает
«около, примерно пять-шесть».

Адыг. Шы **зы-тфы-зы-х** къащагъ.

«Привели приблизительно **пять-шесть** лошадей».

Как видно из этого примера, в отличие от кабардин-
ского, в адыгейском языке **приблизительность** выражается со-
единением основ двух числительных с повторяющейся части-
цей **зы**. Но в адыгейском языке встречаются и формы кабар-
динского **зы-щыпл** — «около трех-четырех».

По словам З. И. Керашевой, в адыгейском языке числи-
тельные первого и второго типа по своей семантике почти
равнозначны, но приблизительные числительные типа **зыщыпл**
более точно называют число, чем числительные типа **зытфы-**
зых ⁵⁵.

В адыгейском языке встречается и третья форма для вы-
ражения приблизительности числительного. Эта форма обра-
зуется сочетанием частицы **зы** с числительным плюс сопрово-
дитель **горэ**, например:

зы-тфы горэ «около пяти», **зы-щ горэ** «около трех».

Непэ илъэсибл мэхъу зыщыплоным мэзэ **зытлу горэ** илэу
сэ сыкъыооллэжъышт.

⁵² Г. М. Шампаньер. Английские артикли. Канд. дис., 1946, стр. 67.

⁵³ См.: З. И. Керашева. Грамматический очерк адыгейского языка.
Приложение к кн.: «Русско-адыгейский словарь». М., 1960, стр. 1075.

⁵⁴ См.: Б. М. Карданов. Грамматический очерк кабардинского языка.
Приложение к кн.: «Кабардинско-русский словарь». М., 1957, стр. 514.

⁵⁵ См.: З. И. Керашева. Там же, стр. 1075.

«Около двух месяцев осталось до окончания семи лет, после чего я вернусь к тебе».

(«Адыгэ тхыджэхэмрэ пшысэхэмрэ», стр. 10).

В этом предложении неопределенность передается частицей **зы** в сочетании с числительным «два» и сопроводителем **горэ**.

Сочетания частицы **зы** с числительным в адыгских языках возможны только с числами первого десятка.

В отличие от адыгских языков, как известно, в абхазо-абазинских языках числительные различают класс разумных и класс неразумных существ, и соответственно, сочетания неопределенного артикля **-к** с числительными дают разные формы. В одних случаях такие сочетания по форме и по своей семантике равнозначны соответствующим конструкциям адыгских языков, а в других случаях они составляют особенность абхазского и абазинского языков. Примеры:

Атабиакуа ыкакуоуп, аха **акы-к-ѳба-к** роуп.

«Есть окопы, но **одно** или **два**».

(М. Лакрба. Аламыс, стр. 204).

В этом предложении приблизительность («около») выражается соединением основ двух числительных класса неразумных существ с повторяющимися артиклем **-к** и означает «приблизительно, около одного-двух».

Ср. адыг. **зы-тфы-zych** «около пяти-шести».

Случай **акык-ѳбак** в абхазском языке является единственным. В речи не употребляются такие сочетания, как: **ѳбак-хѳак**, **пшьбак-хубак** и т. д., а встречаются только **ѳбака-хѳака** **пшьбака-хубака**, где функцию неопределенного артикля **-к** выполняет суффикс приблизительности **-ка**, который восходит к слову **афра** «около, столько». Например:

— Ужь шака каларызеи?

— Издыруада, **хуба-ка-фба-ка** калат соур калап.

— «Сколько получишь винограда?»

— Возможно, **около пяти-шести** акалатов».

Примеры на сочетание неопределенного артикля **-к** с числительными разумных существ:

— Икалап **азэы-к-и ѳыѳа-к-и** иргуаѳхаргы, аха жэлэры зегы ржьара мариахарым Ахмат.

«— Возможно одному-двум понравится, но весь народ обмануть невозможно, Ахмат».

(И. Папаскыр. Иѳымтакуа реизга, I-тэи атом, стр. 183).

Здесь неопределенный артикль **-к** сочетается с числительным «один-два» класса разумных существ и означает приблизительно, около одного-двух (людей).

Такой тип сочетания является более употребительным и распространенным в языке.

Цьарак дыштэу мацара енак **ааѳы-к-жэѳы-к** аку-шэаѳцэа икарпаша акара кайтоит.

«Сидя на одном месте, в день он мог сделать столько сколько могли (**около**) **восемь-девять** наборщиков».

(М. Ахашба. Ааѳынра мшкуа раан, стр. 281).

В абхазском и абазинском языках, кроме вышеприведенных типов сочетаний, имеется и другая конструкция. Эта конструкция образуется соединением основ числительного с существительным плюс неопределенный артикль **-к**. Такая конструкция возможна только в пределах первого десятка. Например:

Абаз.

Абх.

— ХI колхоз апны **хв-трактор-кI** нхитI.

— Аколхоз аѳы **ху-трактор-к** нхит.

(«Абаза бызшвала грамматика», стр. 94).

«В нашем колхозе осталось **пять тракторов**».

Причина подобного явления в абхазском языке была разъяснена уже П. К. Усларом в его абхазской грамматике. Говоря о счете «бессмысленных созданий», П. К. Услар писал: «Здесь весьма замечательно прибавление к существительному члена единства **-к** в первом десятке, но объяснить таковое прибавление легко. Говорится не две лошади, а одна пара лошадей, не три лошади, а тройка, не десять, а десяток. Такой способ выражения для всех вообще бессмысленных созданий. Пока число их не превышает десяти, они представляются в виде горсти, которой воображение придает характер единства. Свыше десяти бессмысленные существительные вообще не принимают **-к** на конце, но в сотнях принимают его, так как сотни представляются в виде единиц»⁵⁶.

К изложению П. К. Услара следует добавить, что к обозначениям миллионов и миллиардов, как и к сотням, прибавляется **-к**, а при обозначении тысяч — **зкы** **-к** отсутствует,

⁵⁶ П. К. Услар. Абхазский язык. Тифлис, 1887, стр. 99.

но когда имеется в виду тысяча людей, снова появляется -к (зкьџы-к).

Касаясь вопроса о счете «для существ разумных», по тому же вопросу, П. К. Услар замечал: «Соединение людей в горсти, начиная с трех, возможно для всех чисел, за исключением тех; в который входит азэы или џыџа, для этого к слогу џы присоединяется член единства -к. Таким образом хџы-к — «три человека», les trois hommes, жэаџы-к — «десяток людей», сто людей переводится через шэџы или шэџык безразлично»⁵⁷.

В абхазском языке имеются имена существительные, в которых в случаях их сочетания с числительными не появляется неопределенный артикль -к даже при числах первого десятка, кроме числительного «один». Эти имена существительные обозначают определенный отрезок времени. Такими именами являются: ашыкус «год», амза «месяц», амчабжь «неделя» и амш «день».

Гъшы-шыкуса атара еицахтон Акуатэи арџаџца рсеминариакны.

«Четыре года учились вместе в Сухумской учительской семинарии».

(М. Ахашба. Ааџыира мшкуа раан, стр. 197).

џы-мыз мџыцкуа иџстазаара далцит...

«Не прошло двух месяцев как он скончался».

(М. Хашба. Там же, стр. 80).

Но когда дело касается единиц измерения времени (часы, минуты и секунды), обязательно присутствует неопределенный артикль, но только при числах первого десятка. Здесь подразумевают не два часа, а пару часов; не десять минут, а десяток минут и т. д. Примеры:

Ихшэатшэа ф-саат-к рзыхэан, Надиа иара иахь лџаалхеит.

«Ровно в шесть часов Надя направилась к нему».

(И. Папаскыр. Иџымтакуа реизга, II-тэи атом, стр. 20).

— Ху-минут-к рышьтахь акино иалагоит.

«— Минут через пять начнется кино».

Это же положение распространяется на единицы измерения длины и веса. Примеры:

Гъшь-пъут-к ашыла аанхуент.

«Он купил четыре пуда муки».

Хабригада х-дистын-к азахуатра амоуп.

«Наша бригада имеет три гектара виноградника».

⁵⁷ См.: П. К. Услар. Указ. соч., стр. 120.

7. Неопределенный артикль -к и частицы -зы при именах существительных собственных

Имена существительные собственные — это «названия отдельных лиц и индивидуальных единичных предметов и явлений действительности, отличающие их от других однородных предметов и явления действительности»⁵⁸. Они охватывают личные имена, географические, астрономические названия, названия произведений искусств, клички животных и др.

Употребление артикля при этих существительных не всегда обязательно, а некоторые из вышеназванных групп вообще не принимают ни определенного, ни неопределенного артикля, т. е. представлены с нулевым артиклем.

Если употребление артикля с именами собственными в индоевропейских языках, отчасти и в адыгских (здесь мы имеем в виду определенные артикли -р и -м), объясняется выражением рода, падежа имени, то в абхазо-абазинском, а также и в адыгских языках, употребление частицы зы в функции неопределенного артикля связано только с выражением семантики собственных существительных. Это объясняется тем, что абхазо-абазинский неопределенный артикль -к и частицы зы не выражают категории рода, числа и падежа.

Если в именах нарицательных имя употребляется с неопределенным артиклем при первом упоминании и тогда имеется в виду один предмет (какой-то) из ряда ему подобных, а при повторном употреблении используется с определенным артиклем, то такого строгого правила в именах собственных не наблюдается. В большей степени здесь выбор того или иного артикля в именах зависит от субъективно-эмоционального отношения к названному лицу. Что это так, будет видно ниже.

Л. И. Илия в своей работе «Артикль во французском языке» пишет следующее: «Неопределенный артикль употребляется с именами собственными, если они служат обозначением типов людей или отдельных типических свойств, общих с другими. Употребление артикля при имени собственном указывает на то, что предмет (или лицо), обозначаемый существительным, уже не рассматривается как вполне индивидуальный, особый от других. Собственное имя становится обозначением типа лиц или вещей, и этим именем могут быть названы другие лица и предметы, приближающиеся к этому типу».

⁵⁸ «Грамматика русского языка». М., 1952, стр. 104.

Имя собственное в таком употреблении сближается с нарицательным»⁵⁹.

Неопределенный артикль в абхазском языке принимают в основном фамилии, имена лиц, клички животных, географические названия (только населенных пунктов), названия дней недели, фамилии и личные имена в сочетании с фамилиями. Неопределенный артикль систематически употребляется с фамилиями при первом упоминании, если отсутствует имя носителя этой фамилии и если фамилия не употреблена в форме обращения. Но возможно также употребление неопределенного артикля в конструкции, когда имя и фамилия стоят вместе. Как употребляется неопределенный артикль -к в таких конструкциях, видно из следующих примеров:

- 1) **Хацъарат хэа Кяхьба-к** иашэа ацъара, кыр цуеит гук ала сашытоужьтени сара.

«Много лет от души я хотел сложить песню про (некого) Хаджарата Кяхбы».

(Б. Шынкуба. Ахра ашэа, стр. 13).

- 2) **Хацъарат Кяхьба** дыкан, ицъсы тан, тоурыхла ирцабыргра автор ихутан.

«Был Хаджарат Кяхба, он жил, автор хотел увековечить его имя». (Там же.)

- 3) Дааскъоит **Хацъарат аеабура** нкыло,—ассир, **Зацъшь-ицъа-к**, мчыла дынеыжэхэа изалшарц икоума **Кяхьба-к** деыжэло.

«Приближается Хаджарат, держа уздечку,—удивительно (некого) Дзапш-ипа силой снять с коня, возможно ли, чтобы (некий) Кяхба сядил на лошадь» (там же).

Первое предложение соответствует тому моменту, когда автор впервые вводит имя и фамилию главного героя «Хаджарат Кяхба» (имя «Хаджарат», а фамилия «Кяхба»). Оба они являются неопределенными. Фамилия «Кяхба» употреблена с неопределенным артиклем -к, а имя «Хаджарат» тоже является неопределенным, поскольку оно сопровождается частицей хэа, которая имеет здесь значение «некий». Эта частица хэа по своей функции и семантике соответствует немецкому прилагательному *gewisser*, которое принимает значение «некий». Ср.: *Er stieß auf einen gewisser Nadler*.

«Он наткнулся на некоего Надлера»⁶⁰.

⁵⁹ Л. И. Илия. Артикль во французском языке. М., 1958, стр. 95.

⁶⁰ Пример взят из работы: Л. И. Божно. Артикль в современном немецком языке. М., 1956, стр. 86.

Неопределенный артикль -к в фамилии «Кяхба» выполняет такую же функцию, как и при существительном нарицательном. Эту функцию В. Я. Пропп сформулировал как «первое упоминание предмета вне связи с предыдущим»⁶¹. Но разница здесь заключается в отсутствии того фона, который мы имеем при существительном нарицательном.

Во втором предложении приведен пример употребления тех же слов «Хаджарат Кяхба», но уже при вторичном упоминании автором.

Здесь имя и фамилия «Хаджарат Кяхба» для читателя и слушателя являются определенными, поскольку речь идет о ранее упоминавшемся герое, хотя они (имя и фамилия) и представлены с нулевым артиклем.

В третьем отрывке имя и фамилия героя разобщены. В первой строке дается имя героя «Хаджарат», которое вполне определено, хотя оно представлено в нулевой форме, а в третьей строке его фамилия «Кяхба» представлена с неопределенным артиклем -к. Там же во второй строке дается другая фамилия «Дзапш-ипа», лицо, ранее упоминавшееся в поэме. Она тоже представлена с неопределенным артиклем -к.

В обеих фамилиях употребление неопределенного артикля -к является преднамеренным со стороны автора и имеет определенное стилистическое назначение. Здесь посредством неопределенного артикля автор как бы противопоставляет представителей двух классов — имущего и неимущего. Фамилия «Кяхба» берется в качестве представителя класса неимущих людей, какими являлись «Кяхбы» в значении «любой Кяхба», а фамилия «Дзапш-ипа» берется в качестве представителя класса имущих, какими являлись «Дзапш-ипы» в значении «любой Дзапш-ипа».

Здесь имеет место применение абсолютного или обобщающего неопределенного артикля.

Как правило, в абхазском языке употребление неопределенного артикля ведет к нарушению обычного порядка расположения имени и фамилии, т. е. имя предшествует фамилии («Хаджарат Кяхба»), а следовало бы наоборот («Кяхба Хаджарат»), но без такой перестановки артикль не употребляется.

Агыр-цъха Тадгугу калдахуаратэык Мсоуст хэа **Чукбар-к** дизхэаны дтэан.

«Агырба Тадгугу была засватана за некоего Калдахварца (за кого-то) Чукбара Мсоуста».

⁶¹ В. Я. Пропп. Указ. соч., стр. 225.

(М. Лакрба. Аламыс, стр. 197).

Ср. Агыр-п̄ха Тадгугу (Агырба Тадгугу) с констр. Мсоуст х̄аа Чукбар-к, Хац̄арат х̄аа К̄яхьбак (некий) Мсоуст Чикубар, (некий) Хаджарат К̄яхба.

Обычной конструкции фамилия+имя может быть придан неопределенный смысл посредством частицы х̄аа в значении «какой-то, некий». Например:

Бзып̄ан, Аббархыку ақытан гулак дсыман сара Баз Хабыба х̄аа.

«В Бзыбском районе в селе Абгархуку я имел (какого-то) соседа (какой-то, некий) Баз Хабыб».

(М. Лакрба. Аламыс, стр. 88).

Теперь приведем пример, когда неопределенный артикль -к, употребляясь с фамилией, выделяет ее на фоне многих таких же фамилий: Сара иаха Хагба-к ситан.

«Вчера я гостил у **какого-то Хагбовца**».

В адыгских языках имеем такую же картину.

Ср. каб.: Зы К̄ьардэн гуэр мак̄уэ.

«**Какой-то Карданов** идет».

а) Имена лиц и клички животных.

Обычно имена лиц и клички животных представлены с нулевым артиклем и определены по значению. Но они могут быть употреблены в неопределенном значении. Для этого используется частица х̄аа, а к именам лиц, кроме этой частицы, может еще прибавляться неопределенное местоимение аз̄эы «какой-то».

Примеры: Чац̄э Чагу сасра дылтан п̄х̄эысенбак Ш̄ьефиа х̄аа.

«Чац̄э Чагу гостил у какой-то вдовы, **некой Шефи**».

(М. Лакрба. Аламыс, стр. 199).

— Алхас х̄аа аз̄эы, уи уаргы дудыруеит, абра сгулара ашьха дыкунхоит.

«— **Какой-то, некий Алхас**, ты его знаешь, он живет по соседству на горе».

(Д. Гулиа Ишымтакуа, II-тәи атом, стр. 299).

Х̄ьап̄шь х̄аа ж̄эык х̄аман.

«Мы имели **какую-то корову** по имени **Х̄ьап̄шь**».

Хотя и редко, но в абхазском языке наблюдается сочетание неопределенного артикля -к с именами лиц и кличками животных. Особенно это имеет место в живой разговорной речи. Здесь неопределенный артикль употребляется для осо-

бого подчеркивания того, что сообщается о новом лице. Например:

— Ш̄эгу ш̄эеаныз, ш̄эаншьа Елдыз-к дынханы дыказаап, мрагыларах̄тә даауеит, икамчы ш̄ьтыбж̄ь сахаоит...

«— Будьте внимательны (**какой-то**) один Елдыз ваш дядя оказывается жив, он идет с востока, я услышал голос его плети...».

(„Нарт Сасрыкуеи п̄шьынш̄ажәи зеж̄эык иара иаш̄ь-цәи“, стр. 154).

...Леуан-к—уи зынзак аччара изнымкылазт дд̄эылцын абарцаф̄ы дт̄еит.

«А (**какой-то**) один Леван, совсем не выдержав смеха, вышел на крыльцо и сел».

(Д. Гулиа. Ишымтакуа, II-тәи атом стр. 85).

— Мыбра-к хакухшахароуп хаазуеитеи!

«— Мы должны благодарить **Мыгру (одну)**, ведь она нас кормит!».

Здесь имена «Елдыз», «Леван» и кличка коровы «Мыбра» представлены с неопределенным артиклем -к.

б) Географические названия.

Географические названия, как, например, названия городов, населенных пунктов, употребляются с неопределенным артиклем -к. Здесь артикль -к выделяет данное географическое название от других ему подобных названий по особым отличительным признакам его внутреннего содержания и имеет утвердительное значение. Примеры:

Абх. Хуап̄-к ам̄оакуа зынзаск ип̄хастахазит.

«В **Хопи** особенно совсем дороги испортились».

Гудаута-к иах̄ьа кашырроуп ахухахутразы.

«В **Гудаутах** особенно сегодня полная свобода для торговли».

В адыгских языках имеем такую же картину, но в этом случае речь идет не о городе или селе, а о жителях этих населенных пунктов. Например:

Каб. Зы Аргудан гуэр тек̄уаш. «**Какой-то аргуданец** победил».

Зы Нартан гуэр жӣащ. «**Какой-то нартанец** сказал».

8. Неопределенный артикль -к и частицы зы при именах существительных вещественных

В лингвистической литературе уделяется большое внимание вопросу употребления артикля при именах существительных вещественных.

Имеется много интересных работ по этому вопросу как в теоретическом плане, так и в плане семантического употребления. Всеми исследователями утверждается, что появление определенного артикля в именах вещественных более позднее явление, чем в других именах. Появление определенного артикля в вещественных именах объясняется необходимостью выражения категории рода и падежа. А что касается неопределенного артикля в именах вещественных, то здесь мнения исследователей расходятся. Одни исследователи увязывают употребление неопределенного артикля с исчисляемостью и неисчисляемостью предмета. Вот что говорит по этому вопросу О. И. Москальская: «Основной особенностью имен существительных — названий веществ, продуктов питания, злаков, металлов, материалов и т. п. с точки зрения употребления артикля является неупотребительность неопределенного артикля, обусловленная их неисчисляемостью и объясняемая исторически невозможностью сочетания названий веществ (в широком смысле слова) с определенно-количественным числительным, в том числе с числительным один, из которого развился неопределенный артикль.

Таким образом, для существительных — названий веществ характерны следующие соотносительные формы артикля:

ед. ч.

Опред.	Нулевой
das Brot	Brot
das Eisen	Eisen

А несколько ниже в той же работе читаем:

«Неопределенный артикль употребляется с существительными-названиями веществ только в том случае, если речь идет о различных сортах, разновидностях данного вещества. Например:

Das ist ein sehr alter Wein⁶².

⁶² О. И. Москальская. Грамматика немецкого языка. М., 1956, стр. 135.

Л. Р. Зиндер придерживается иного мнения по этому вопросу. Он пишет: «Всякое существительное может выступать в речи как с определенным, так и с неопределенным артиклем или без артикля, поскольку всякое существительное может иметь любой разряд соотнесенности. Представляется поэтому неправильным существующее в грамматической литературе последнего времени стремление связывать употребление того или иного артикля с так называемым «считаемостью» или «несчитаемостью» имен существительных. Согласно этому взгляду рассмотренные выше правила употребления артикля в полной мере приложимы только к так называемым «считаемым» именам, как например: Mensch, Tisch и т. п., в отличие от Liebe, Schönheit и т. п. При этом критерием принадлежности к считаемым именам является, якобы, возможность образования от них множественного числа.

Кроме того, не подлежит сомнению, что и для так называемых «несчитаемых» слов противопоставление различных разрядов категории соотнесенности имеет весьма существенное значение. Если сравнить, например, такие два предложения, как Haben sie schön Milch getrunken? и Haben sie Milch schön getrunken? То при всей их близости они имеют отчетливо различный смысл. В первом предложении вопрос идет о том, пил ли спрашиваемый молоко, т. е. поел ли он уже. Во втором — речь идет о том молоке, которое ему было, например, оставлено. Указание различия подчеркивается и различным порядком слов: в первом случае Milch стоит в непосредственном примыкании к глаголу, образуя с ним как бы единое целое; во втором случае Milch занимает более самостоятельное положение»⁶³.

Что касается употребления определенного и неопределенного артикля с именами вещественными, то в абхазо-адыгских языках это не связано с так называемой «считаемостью» и «несчитаемостью» имени. Все имена существительные вещественные потенциально могут принять как определенный, так и неопределенный артикль. В этом отношении полностью подтверждается концепция Л. Р. Зиндера. При этом следует отметить, что употребление неопределенного артикля с названиями веществ намного реже, чем с именами нарицательными. А в адыгских языках употребление частицы зы в функции неопределенного артикля с именами вещественными еще реже, чем в абхазском языке.

⁶³ Л. Р. Зиндер и Т. В. Строева. Современный немецкий язык. М., 1957, стр. 89—90.

а) Как и в индоевропейских языках, неопределенный артикль **-к** в абхазском языке, частица **зы** в адыгских языках употребляются с существительными вещественными при выделении вещества в особый вид и сорт, при описании вещества и сообщений о нем каких-либо дополнительных признаков. Как правило, такое выделение осуществляется посредством какого-либо определения. Приведем примеры:

— Шьта урт харкуацyp, какал хкyp, — рхэан, акры-фара напы надырkit. **Фы-замана-к** аарымтадыргылан ажэра, аибаныхэара иналагеит.

— «Теперь оставим все это, закусим. — Сказав, они принялись за еду. Поставив перед собой **какое-то прекрасное вино**, стали пить за здоровье друг друга».

(Д. Гулиа. Ифымтакуа, II-тэи атом, стр. 296).

В этом предложении идет речь о каком-то сорте вина. Ср. нем. Das ist ein sehr alter Wein.

Адыг. Ащ зы сэнэ шлуцлэ горэ столым кьытыригъэуцуагъ.

«Он поставил на стол **какое-то черное вино**».

Здесь слово «вино» представлено с частицей **зы** в значении неопределенного артикля и указывает на качество и сорт вина.

Убых. Зэпсыцъ-шашын афхьадыку башьы айнашьс'а йанафьн ацэанатэай шьыба за-бзы назэанай уа-бзы афхьадыку дымашьайт.

«Каждый вечер после ужина, когда девушку укладывали спать, давали ей **какую-то воду**, от этой воды она теряла сознание». (Dumezil, V, 141).

б) Неопределенный артикль **-к** в абхазском языке и частица **зы** в адыгских языках употребляются при существительных вещественных для выделения некоторой части вещества из целого количества. Эта часть конкретизируется и ограничивается, например, как количество, необходимое для утоления голода, как количество, находящееся на поверхности какого-либо предмета, или как количество, находящееся в пределах вмещающего сосуда и пр.

Примеры:

— Бара газ-к аабгар амца еикусымтарызеи!

«— Ей, ты принесла бы **керосин**, разжег бы костер».

Здесь слово «керосин» представлено с неопределенным артиклем, поскольку имеется в виду какая-то часть горючей жидкости.

— Афы ссир тоутэеит, **фамфа-к** снахуарын.

«— Прекрасное вино ты сделал, отведал бы **глоток (один глоток)**».

(Б. Шьынкуба. Ахра ашэа, стр. 53).

Еще более четко конкретизируется количество вещества в виде порции в стакане, в бутылке, в тарелке, в форме куска; в виде формата листа бумаги и др. Неопределенный артикль **-к** и частица **зы**, как правило, сохраняют при этом значение числительного местоимения. В абхазском языке артикль **-к** обычно прибавляется к названиям прибора, измерителя, а название самого вещества, как правило, стоит с определенным артиклем **а-**. Например:

Абх. — Азба сакуеит, **цэыца-к азы** сбыржэыр — ибцъыс-шьап даара!

— Уажэыцэкья! — лхэан дцан иааганы инаимталаргы-леит **цатлыка-к афи** ацэеи.

«— Хочу пить, напоила бы водой — очень благодарен был бы тебе!

— Сейчас! — сказала она, принесла и поставила перед ним **бутылку вина** и стакан».

(М. Лакрба. Аламыс, стр. 61).

В этом отрывке «стакан» и «бутылка» представлены с неопределенным артиклем **-к** и подразумевается количественное числительное «один», а «вода» и «вино» употреблены с определенным артиклем **а-**.

Адыг. Ащ зы лимонад бэшэрэй кьыщэфыгъ.

«Он купил **бутылку (одну)** лимонада».

Ср. нем.: Ich trank einen Kaffee im stehen.

«Я выпил **кофе** стоя (**стакан кофе**)».

А когда количество вещества конкретизируется в форме куска, в виде формата листа бумаги и др., то характеризующее слово представлено с неопределенным артиклем и выступает в значении числительного, а само название вещества представлено в нулевой форме. Например:

Абх. **Кьаад ббьыц-к** иитеит **цаха-к** иакраз.

«Он дал ему **кусочек бумаги** величиной с **лоскутик**».

(Б. Шьынкуба. Ахра ашэа, стр. 58).

Ср. нем.: Sie antwortet nicht... streich ihm ein Brot mit Butter und Pflaumenmus.

«Она не отвечает, намазывает ему **хлеб (кусочек хлеба)** маслом и сливовым вареньем».

Выше мы говорили, что неопределенный артикль **-к** реже сочетается с названиями веществ. Но абхазский язык в этом

отношении дает интересный факт, заслуживающий особого внимания. Это явление связано с национальным обычаем абхазцев. Что это так — легко можно убедиться из следующих примеров:

— Аџшәмацәа, хәцәи ҟхәыси рысас астол дадыртәа-лан ихуаџшуан.

Бара банаџалбейт, хасас ямла дахцәагейт, цъара акы хаабырцхандаз..., **быста-к** бундаз,—ихәейт ацыху-тәанза аџшәма.

«Муж и жена, посадив своего гостя за стол, смотрели на него.

— Наш гость так проголодался, может быть, ты сооб-разила бы что-нибудь... сварила бы (**какую-нибудь**) мамалыгу, — сказал напоследок хозяин».

(М. Лакрба. Аламыс, стр. 194).

— Дад, ирласны **быста-к** аахзыбур, хгулеи сарен **фы-к-гы** аажәып.

«— Дад (вежл. обращение), побыстрей сварила бы (**какую-нибудь**) мамалыгу с нашим соседом я выпил бы (**какого-нибудь**) винца».

(Д. Гулиа. Ифымтакуа, II-тәи атом, стр. 255).

В первом и во втором предложении слова «мамалыга» и «вино» представлены с неопределенным артиклем **-к**. Здесь неопределенный артикль служит не для подчеркивания качества вещества; в данном случае использование артикля **-к** несет этнографическую нагрузку.

В первом предложении, если слово «мамалыга» употребить с определенным артиклем, то изменится смысл всего предложения. Тогда предложение примет отпечаток приказа-ния жене, а это значило бы неуважение к гостю и к жене. Употребляя слово с неопределенным артиклем, он дает понять жене, что надо чем-либо угостить гостя.

Во втором предложении, если слово «мамалыга» и «вино» употребить с определенным артиклем, то предложение приняло бы такой оттенок, т. е. что сосед пришел к соседу с целью покушать и попить. Во избежание этого употребляется неопределенный артикль.

9. Сочетания неопределенного артикля **-к** с личными и указательными местоимениями

В абхазском языке неопределенный артикль в отличие от индоевропейских неопределенных артиклей может сочетаться с личными и указательными местоимениями. Правда, это яв-

ление редко наблюдается в художественной литературе, однако в устной разговорной речи в диалоге встречается довольно часто. Такое сочетание передает выделительную семантику с оттенком удивления или негодования. Приведем примеры:

— Ари ахуч-рацәа ран „афырҟхәыс“ рхәан днаганы аџшәа лархәейт ахәынтқараа, амидал лыртеит, аџара; бхучкуеи барей шәзын рхәан абагы рыртеит иршәырцара рызхара. **Сара-к** ахәахуда еиџш сныб-жыыз сцеит сагыргуаламшәейт.

«— Эта многодетная мать названа героиней, государство уделило ей внимание, дало ей медаль, деньги; детям и ей дали материю, чтобы одеться. А **я один** подобно свинье, у которой отрезали шею, бесследно пропал и обо мне даже не вспомнили».

(М. Лакрба. Аламыс, стр. 191).

Здесь личное местоимение «я» находится в сочетании с неопределенным артиклем **-к** и имеет оттенок удивления. С помощью такого сочетания глава семьи еще более выделяет себя из всех членов семьи, ставя себя в обособленное положение.

— **Уара-к** адуниа умбароуп иумырсытуахәа акыкам!

«— Ты, чтоб тебе света не видать, нет такого дела, которое ты не сотворил!»

— Ишәахама асуд рҟы зус рызбуаз шака рыкурцаз?

— Ани ауаџаџшь ду жәа-шыкуса икурцеит.

— **Уи-к** Аџсны иҟы мхәыроуп, ижәлар ыкуихит!

«— Слышали, сколько дали тем, которых судили?

— Тому длинному, рыжему, дали 10 лет.

— **Тому (одному)**, чтоб ему не видеть больше Абхазии, он разорил народ!».

— Ухьшь ачакуа' аков? — **Ари-к** амца ыкунапоит!

«— Ну, как ловит перепелок твой ястреб? — **Этот (один)** чудеса творит!».

— **Абри-к** таха литазомызт.

«— А вот **этот (один)** не давал ей покоя?!»

(М. Ахашба. Ааџынра мшкуа раан, стр. 8).

В вышеприведенных примерах личное местоимение «ты», указательное местоимение «тот, этот» употреблены с неопределенным артиклем **-к**.

10. Сочетания неопределенного артикля -к и частицы зы, за с местоимением, прилагательным и т. д., образующие устойчивые лексикализованные единицы

В абхазо-адыгских языках имеются слова, которые в сочетании с неопределенным артиклем -к и частицей зы превратились в устойчивые фразеологические единицы. Такими являются следующие:

абх. хучы-к, мац-к, пыт-к; каб. зы-тлэкIу «немного, немножко» (ср. нем. ein wenig);

абх. пытра-к, рацэа-к; каб. зы-тэлай «немного» (в смысле времени); каб. зы-бжанэ, абаз. кьом-кI «несколько», абх. пытфы-к, убых. за-уыльа «некоторые», пыт-чыт-к «кое-что, несколько».

абх. ду-к, уама-к «немного» (в смысле много), убых. за-кальа «где-то, куда-то» и т. д.

Неопределенный артикль -к в абх.-абаз., в адыг.-убых. зы, за в этих примерах не выражают категории неопределенности. Они здесь превратились в своеобразный детерминант. По своему значению некоторые из этих слов примыкают либо к наречиям, либо к неопределенно-количественным числительным, либо к неопределенным местоимениям. Приведем примеры:

Абх. Хучы-к ианыфеидаскуа ианыхучкуазтэи рыказшьакуау рызкамыршэит.

«Когда **немного** подросли, не смогли бросить свои ранние детские взаимоотношения».

(И. Папаскыр. Ифымтакуа реизга, I-тэи атом, стр. 151).

Абаз. — МачI-кI счмазагIвышIта акIвпI.

— «Я **немного** заболел».

(Къ. Джьпватан. Гьын паса, стр. 100).

Абх. Афны акы сааргуафын шыапылагы пыт-к еныкуа-хьан...

«— Что-то меня дома побеспокоило, потому так **немного** пешком прошелся».

(И. Паласкыр. Там же, стр. 25).

Гьхэыс дааигеижьтеигы ду-к цуамызт.

«**Немного** времени прошло с тех пор, как он женился».

(М. Лакрба. Аламыс, стр. 119).

Ашьжьымтан асеминаристцэа пытфы-к хаицны халбааит акалакъ ашка.

«Утром **некоторые** семинаристы вместе спустились в город».

(М. Ахашба. Аафынра мшкуа раан, стр. 154).

Каб. Зы-тэлай декIаш «Прошло **некоторое** время».

(Русско-кабардинский словарь, 1955).

Абаз. Сквшы кьом-кI «несколько лет». («Русско-абазинский словарь, 1956).

Убых. За-мсэ за-кальа акьанайт.

«Однажды **куда-то** шел». (Dumezil, V, 179).

Особо следует обратить внимание на хучы-к и ду-к. Эти слова восходят к прилагательным ахучы «маленький», аду «большой».

В отличие от вышеприведенных слов, они могут выступать как определение к имени и в этом случае они являются прилагательными. Неопределенный артикль -к, приставленный к ним, выполняет ту же функцию, что и в именах нарицательных, т. е. он выражает категорию неопределенности имени. Например:

— Убрака, хумаргацас злагара хучы-к тасыргылан, сызхара асырлагоит.

«— Там я соорудил **какую-то** маленькую, как игрушечную мельницу, она меня удовлетворяет».

(Д. Гулиа. Ифымтакуа, II-тэи атом, стр. 295).

— Нас дхуцхуца дыштэаз, акьбурафы цьам ду-к илафш накушэит.

«— Потом сидя и думая, обратил внимание на (**какую-то**) большую чашку в углу».

(Д. Гулиа. Там же, стр. 223).

11. Употребление неопределенного артикля -к с именем существительным для подчеркивания качества

В абхазском и абазинском языках артикль, главным образом неопределенный, употребляется при существительных, когда дается характеристика имени по одному признаку и более. При этом, как правило, имя существительное сопровождается еще и соответствующими прилагательными. Часто такие конструкции встречаются в художественной литературе в случаях, когда дается описание внешних и внутренних черт того или иного героя. Это будет понятно из следующих примеров:

Абх. Игнат уахьихуафшуаз уафы еилатэах-к, тахатыфьа-к иакун.

«По виду Игнат был человек (**какой-то**) слаженный, рослый».

(И. Папаскыр. Ишымтакуа реизга, I-тәи атом, стр. 236).
Зыкур ауаф бар диџан. Иаб Кут рыцха, уафы халал-к иакун.

«Дзыкур был сыном бедняка. Бедный его отец Кут был человеком (каким-то) добродушным».

(И. Папаскыр. Там же, стр. 166).

Чкуна бзиаза-к, чкуна бубуа-к иакун Кап Пас.
«Кап Пас был парнем (каким-то) очень хорошим, парнем (каким-то) сильным».

(М. Лакрба. Аламыс, стр. 115).

Абаз. ИхыгIвхуз хIара щардала йхIахIбахушыз чкIвын шIа алакъя-кI, ласы-кI, хьацIахIахIа-кI йакIвын.

Третий во многом старше нас был парень (какой-то) плотный, (какой-то) быстрый, (какой-то) возмужалый».

(Къ. Джыгватан. Гын паса, стр. 36).

В вышеприведенных предложениях сочетания уафы еила-тэах-к, тахатыџа-к, уафы халал-к, чкуна бзиаза-к, чкуын ласы-к употреблены с неопределенным артиклем -к. Здесь неопределенный артикль выступает в функции обобщения.

12. Случаи сочетания неопределенного артикля -к с определенным

В лингвистической литературе по вопросу об артиклях была высказана мысль, что употребление неопределенного и определенного артикля с одним и тем же именем одновременно или исключено или является очень редким случаем. И это действительно справедливо по отношению к европейским языкам.

Что касается абхазского и абазинского языков, то этот вопрос, как и сам неопределенный артикль, пока еще не исследован. Если в европейских языках невозможно употребление одновременно определенного и неопределенного артикля, то в абхазском и абазинском языках, хотя и редко, но встречается скрещение семантических типов определенного и неопределенного артиклей. Например:

Абх. Нартаа рыфныка ианцоз Алхуз иабхундацэа имачымкуа араху тиаа ритеит. Абоура иаатыганы хазы икуиргылт ашэарахкуа зегы рыцыџхьаза акака.—
Нарт Сит ушреихабу еиџш, — ихэан атэыџакуа ҕар-тэины а-бџаб ду-к иитеит.

«Когда нарты собрались в обратный путь домой, Алхуз братьям своей будущей жены дал много домашних жи-

вотных. Вывел из скотного двора диких животных и поставил отдельно для каждого из братьев по одному из них. Нарту Ситу как старшему преподнес **большого тура** с завитыми рогами». («Нарт Сасрыкуеи џшындажэи зежэџык иара иашьцэеи», стр. 136).

Здесь употребление неопределенного артикля -к в слове «тур» вполне понятно, поскольку он выделяется сказителем на фоне ряда ему подобных. Но, с другой стороны, употребление еще и определенного артикля а- следует объяснить намерением сказителя обратить всеобщее внимание слушателей.

— Абыржэы сара **ажэабжь-к** уасхэоит, — убри еиха гыы уархуцып хэа сыкоуп.

«— Сейчас я тебе расскажу **один рассказ**, возможно, это тебя заставит подумать больше, чем когда-либо».

(Там же, стр. 265).

Здесь в слове «рассказ» употребление определенного и неопределенного артикля объясняется тем, что речь идет не о каком-нибудь простом рассказе, а об одном особом назидательном рассказе, заслуживающем известности.

Абаз. — уара, а-тдзы-кI уыцIал, саргыи а-тдзы-кI сыцIалпI.
«— Ты зайди в (один) дом, и я тоже зайду в (один) дом».

(«Абаза бызшвала грамматика», 1961, стр. 62).

Здесь слово «дом» представлено одновременно с неопределенным артиклем -к и определенным а-.

В абхазском языке довольно часто как в художественной литературе, так и в устной речи встречаются слова **ажэа** «слово» и **ажэабжь** «рассказ» одновременно в сочетании с неопределенным артиклем и определенным.

Абх. Кучыт, а-жэа-к уасхэашт...

«— Кучыт, скажу тебе **одно слово**...»

(М. Лакрба. Аламыс, стр. 21).

В этих словах одновременное употребление обеих артиклей объясняется слабой позицией одного из артиклей. Таким является определенный артикль а-. Следует отметить, что в некоторых случаях присутствие его носит формальный характер.

Енак зны Алхузаа иреиуаз а-рџыс-к шэарацара хэа аџстара дталент.

«Однажды (какой-то) **парень** из Алхузовцев, чтобы поохотиться, спустился в ущелье».

(«Нарт Сасрыкуеи џшындажэи зежэџык иара иашь-цэеи», стр. 131).

Здесь определенный артикль **а-** в слове «парень» не носит артиклевой функции. Он находится в состоянии окаменения.

В адыгских языках встречаются также одновременное сочетание частицы **зы** и определенного артикля с именами существительными. Но в отличие от абхазского и абазинского неопределенного артикля **-к** эта частица (**зы**) здесь имеет только числовое значение.

Каб. А унэ цыкIум мышцIщ шыпсэурт. **Зы** мышэр адат, абы зэреджэр Михаил Ивановичт.

«В домике этом жили три медведя. **Один медведь** был отец, звали его Михаил Иванович».

(«Адакьэ цыкIу-дыщэ щхьэмажьэ», стр. 8).

В этом отрывке слово «медведь» впереди имеет частицу **зы**, а сзади определенный артикль **-р**. И здесь речь идет об одном определенном медведе.

Си **зы дамэ-р** зыщIэзулщIэнщ, адреир зытеспIэнщи-сэркIэ щIыIэ шынатъуэ шыIэкъым.

«Я **одно крыло** постелю, другим накроюсь — меня никакой мороз не пройма».

(«Адакьэ цыкIу-дыщэ щхьэмажьэ», стр. 8).

ГЛАВА ВТОРАЯ

КАТЕГОРИЯ ОПРЕДЕЛЕННОСТИ

1. ПОНЯТИЕ ОПРЕДЕЛЕННОГО АРТИКЛЯ И ЕГО МОРФОЛОГИЧЕСКОЕ ВЫРАЖЕНИЕ

Категория определенного артикля в европейских языках уже давно привлекает к себе внимание исследователей. В литературе имеется множество работ, посвященных изучению закономерностей его употребления в том или ином языке. В связи с этим появилось также немало теорий и различных соображений, порою весьма противоречивых. Много работ посвящено и специальному разбору этих теоретических положений в их научной оценке.

В этих работах наиболее спорными вопросами являются следующие: вопрос о сущности определенного артикля, вопрос о том, что лежит в основе правил употребления, является ли артикль словом или морфемой, обладает ли определенный артикль выделительной функцией и т. д.

Все эти вопросы не могут не интересовать и исследователей абхазо-адыгских определенных артиклей. Но определенные артикли в абхазо-адыгских языках, как и морфологические показатели категорий неопределенности, малоизучены, и об этой категории нет еще достаточно полного представления. Монографических исследований об артиклях нет. Правда, в специальной литературе морфемы **а-** (абх., абаз., убых.), **-р**, **-м** (адыгские языки) выделяются как выразители категории определенности, но это делается с большой степенью гипотетичности, так что их можно сравнить только в известной степени с европейскими определенными артиклями.

Чем же объяснить тот факт, что вопрос об абхазо-адыгских определенных артиклях долгое время оставался без должной разработки?

Недостаточное внимание адыгovedов и абхазоведов к абхазо-абазино-убыхскому префиксальному определенному артиклю **а-**, а в адыгских языках — к функции определенности **-р**, **-м**, на наш взгляд, вызвано тем, что они являются аффиксальными морфемами имени существительного, а в европейских языках артикли стоят отдельно от имени существительного и выражают категорию рода, числа и падежа имени (ср. нем. *der, die, das*).

Недооценка артиклевой функции морфем **-р** и **-м** в адыгских языках связана также с тем, что они выражают еще и категорию падежа, которая получила более детальную разработку в адыгovedении¹.

Однако, хорошо известно из лингвистической литературы, что наряду с наиболее распространенными в западно-европейских языках артиклями, которые стоят в виде отдельных частиц перед существительными с их определениями, существуют суффиксированный и префиксированный артикли, присоединяемые к существительному в качестве особого рода суффикса и префикса².

¹ Анализ работ по вопросам склонений см.: Г. В. Рогава. К вопросу о падежах нижеадыгейского языка. «Изв. ИЯИМК», т. IV. Тб., 1938; А. К. Шагиров. Сравнительная характеристика системы склонения в адыгских языках. «Вопросы изучения иберийско-кавказских языков». М., 1961; У. С. Зекох. Система склонения в адыгейском языке. Майкоп, 1969; Х. Т. Таов. Склонение в адыгских языках в сравнительном освещении. Нальчик, 1967 и др.

² См.: И. К. Крамской. К проблеме артикля. ВЯ, № 4, 1963; Б. А. Ильиш. Современный английский язык. М., 1948, стр. 119.

Для лучшего осмысления специфики абхазо-адыгских определенных артиклей представляется целесообразным остановиться на некоторых теоретических положениях, относящихся к категории определенного артикля вообще.

В работе Е. Н. Зверевой приводится мнение Поутсма об артикле: «Первой и важной функцией как определенного, так и неопределенного артикля является указание на то, что предмет, о котором у нас составляет понятие, выделен или определен в своих границах, т. е. мыслится нами в пределах некоторых физических или воображаемых очертаний или границ»³.

На вопрос о том, в чем выражается значение артикля в языке, Л. И. Божно пишет следующее: «...Значительной языковой ценностью, присущей артиклю, является его способность выразить особый оттенок понятия при описании или выделении лица, предмета, вещества или абстрактного представления»⁴.

По вопросу о сущности определенного артикля у разных исследователей находим разные ответы. Но все они, как справедливо заметил В. Я. Пропп, сходятся в том, что «определенный» они понимают в смысле «известный», «знакомый». Однако с таким мнением В. Я. Пропп не согласен. Он пишет: ««Известность» никоим образом не может считаться объективным критерием. Критерий здесь субъективно психологический. То, что известно мне, другому может быть неизвестно и, наоборот»⁵.

Причина определенности имени существительного, по мнению В. Я. Проппа, заключается не в том, что оно известно или неизвестно, а в том, что при данной ситуации оно является единственно мыслимым. «Единственность эта, — пишет далее В. Я. Пропп, — может быть различна, так, например, есть предметы, которые мыслятся как единственные во всем мире (солнце, луна и т. д.), и по отношению к ним определенный артикль будет применяться всегда, и предметы, единственность которых в рамках данной речи (разговора, письма, романа и т. д.) постулируется известной ситуацией»⁶.

³ Е. Н. Зверева. Опыт анализа системы артикля в современном английском языке. Канд. дисс., Л., 1946, стр. 40.

⁴ Л. И. Божно. Две функции артикля при имени нарицательном в немецком языке. Канд. дисс., Л., 1947, стр. 9.

⁵ В. Я. Пропп. Проблема артикля в современном немецком языке. «Сборник статей памяти акад. Щербы». Л., 1951, стр. 220.

⁶ Там же, стр. 220.

Примерно такую же позицию занимает и Б. А. Серебренников.

По его мнению, одна из причин, вызывающих определенность имени существительного — это наличие указания на него, т. е. наличие дейксиса⁷.

Вместе с тем, указание не является единственной причиной, ведущей к определенности имени существительного.

Имя существительное может быть определенным и в силу того, что оно обозначает единственный в мире предмет, как, например, солнце, луна, земля и т. д., и мыслится единственным. Такие существительные почти всегда употребляются с определенным артиклем. Определенность имени существительного может зависеть и от конкретной ситуации.

Наконец, определенность может быть результатом наличия так называемой анафоры, т. е. ссылки на уже встречавшееся однажды в контексте слово, выражающей либо в простом повторении того же существительного, либо в употреблении его синонима.

Определенность имени существительного может быть результатом его логической связи со всем сказанным в контексте, благодаря которому оно мыслится как известное и определенное, хотя и встречается в контексте впервые.

В абхазо-адыгских языках определенный артикль, подобно европейскому определенному артиклю, может, кроме способности выражать определенность того или иного определенного предмета, еще выполнять функцию обобщения. Приведем пример:

Каб.

Абх.

Ек1эпц1э-р жыгш

А-л цлоуп

«Ольха — дерево».

В этом примере ни о какой определенности существительного «ольха» не может быть и речи, однако тем не менее оно употреблено с определенным артиклем как в абхазском языке, так и в кабардинском. Существительное «ольха» в обоих языках употреблено с определенным артиклем по той причине, что в данном случае подразумеваются все ольхи, вместе взятые, и каждая в отдельности.

⁷ Б. А. Серебренников. Общие вопросы теории артикля и проблема семантики употребления артикля в древнегреческом языке. Канд. дисс., М., 1947, стр. 135.

Такая функция определенного артикля в специальной литературе названа обобщающей функцией артикля. Обобщающий артикль, как правило, употребляется с названиями животных, растений и т. д., а также со многими такими словами, которые не могут составлять некую совокупность, род. В отличие от адыгских, абазинского и убыхского языков обобщающий артикль в абхазском языке представлен в именах существительных и в словарной форме, т. е. в именах существительных, взятых вне контекста.

О наличии двух значений в абхазском определенном артикле указывал также Н. Ф. Яковлев. Он пишет: «Определенная форма, кроме указанного значения, имеет также в абхазском и другое значение. Она может обозначать не только отдельный известный предмет или лицо, но и весь вид или род однородных предметов и лиц в совокупности»⁸.

Наличие значения определенности и обобщенности он находил и у адыгейского оформленного имени, т. е. имени, представленного с морфемой **-р** или **-м**⁹.

Не менее важным является и другой вопрос о том, обладает ли определенный артикль выделительной функцией. Как отмечает В. Пропп, многие исследователи приписывают обобщим (неопределенному и определенному) артиклям выделительную функцию. Но с этим положением он не согласен. По его мнению, выделительной функцией обладает только неопределенный артикль. «Для того, чтобы осуществилось выделение, — пишет Пропп, — необходимо множество, из которого предмет выделяется. Это условие имеется налицо только при неопределенном артикле. Определенный же артикль употребляется не для выделения, а, наоборот, для обозначения уже выделенных предметов или для таких, которые не допускают выделения из равных им, так как они этих равных не имеют и мыслятся единственными»¹⁰. Свой вывод В. Я. Пропп обосновывает тем, что в рамках одной связной речи (разговора, письма, статьи и т. д.) для каждого предмета неопределенный артикль может употребляться только один раз, а при вторичном упоминании тот же предмет фигурирует уже с определенным артиклем.

Положение В. Я. Проппа подтверждает и материал абхазо-адыгских языков. Абхазо-адыгские определенные артикли

не имеют выделительной функции, в отличие от неопределенного артикля **-к** (абх., абаз.) и частицы **зы, за** (адыг., убых.), выступающих в функции неопределенного артикля. Как и в индоевропейских языках, в рамках одного отрезка связной речи для каждого предмета в абхазо-адыгских языках **-к, зы, за** могут употребляться только один раз, а при вторичном упоминании тот же предмет выступает уже с определенным артиклем. Так, например, в одном из убыхских текстов, записанном Ж. Дюмезилем, слово **нарт** упоминается около шестидесяти раз, из них всего один раз это слово употреблено с частицей **за** и сопроводительным неопределенным местоимением **гуара** (за нарт **гуара** «какой-то нарт»), а в остальных случаях оно представлено с определенным артиклем **а-** (**а-нарт**) «нарт» или с указательными местоимениями¹¹.

Эти данные говорят о том, что определенный артикль **а-** в убыхском языке не имеет выделительной функции. Здесь функцию выделения слова «нарт» выполняют частицы **за** и сопровождающее ее местоимение **гуара**, а также указательные местоимения. Вполне естественно, что абхазо-адыгские определенные артикли не обладают выделительной функцией, поскольку они, обратившись в морфемы имени существительного, давно потеряли свое прежнее указательное значение.

В специальной литературе по европейским языкам среди исследователей ведутся споры относительно определенного артикля; является ли он словом или морфемой. Большинство ученых приходит к выводу, что европейские определенные артикли являются особой разновидностью служебных слов, промежуточной единицей подобно «вспомогательным глаголам»¹². Что касается абхазо-адыгских определенных артиклей **а-, -р, -м**, то они, безусловно, являются аффиксальными морфемами, но морфемами особого рода. Как известно, морфема в составе слова обладает прочным сцеплением и не отрывается от слова в предложении. Напротив, абхазо-адыгские определенные артикли очень часто занимают удаленное положение по отношению к имени существительному. Приведем примеры:

1. Адыг. **ХьакIэ-р кIалэ-м** еджэ.
«Гость зовет юношу».

¹¹ G. Dumézil. Documents anatoliens sur les langues et les traditions du caucase, III. Paris, стр. 162-166.

¹² О. И. Москальская. Артикль в немецком языке. «Иностранные языки в школе», 1956, № 5, стр. 17; М. М. Щетинский. К вопросу о природе артиклей. «Уч. зап. Московского областного пед. института им. Н. К. Крупской», т. 132, 1965, стр. 25—37.

⁸ Н. Ф. Яковлев. Грамматика абхазского литературного языка (рукопись). М., 1951, стр. 346.

⁹ Н. Ф. Яковлев, Д. Ашхамаф. Грамматика адыгейского литературного языка. М.—Л., 1941, стр. 382.

¹⁰ В. Я. Пропп. Указ. соч., стр. 220—221.

(«Грамматика адыгейского языка», 1966, стр. 65).

Абх. **А-сас а-чкун** дидьхьонт.

II. Адыг. **Чэт огу цыкIу-р** кIэцIыгъэ.

«Маленькая серенькая **курица** снеслась».

(«Грамматика адыгейского языка», 1966, стр. 71).

Абх. Машьика **а-хьтэы мацэаз** аалхуеит.

«Машика купила золотое кольцо».

В первых двух примерах **-р**, **-м** и **а-** являются морфемами существительного «гость» и «юноша»; а в последних примерах **-р** и **а-** не могут считаться морфемами прилагательного, поскольку здесь они выражают характеристику существительного и относятся к нему (**-р** в адыгейском языке относится к слову «курица», а **а-** в абхазском — к слову «кольцо»).

Вышеприведенные факты дают нам основание рассматривать определенные артикли абхазо-адыгских языков как особые разновидности морфем.

К сказанному следует добавить, что адыгские артикли **-р** и **-м** служат орудием замыкания определений, стоящих после определяемого существительного.

Связь абхазо-адыгских определенных артиклей с именами существительными и систематический характер употребления их с этими именами обусловили то, что они стали одним из основных структурных признаков имени существительного как части речи. Вследствие этого, как и в европейских языках, всякое слово, подвергающееся субстантивации, получает вместе с другими характерными признаками имени существительного определенный артикль, например: **бзиа—а-бзиа** (абх.-абаз.) «хороший», **дахэ—дахэ-р (-м)** (адыг.-каб.) «красивый»; **зы—зы-р (-м)** (адыг.-каб.) «один»; **затцэы—а-затцэ** (абх.), **заджвы—а-заджв** (абаз.) «один» (единственный); **лэжьэн—лажьэ-р** (каб.) «работающий»; **а-чымазафы** (абх.) «больной» и т. д.

Хотя абхазо-адыгские определенные артикли выполняют множество функций (см. выше), но основной и первичной для них является определенность. Здесь же отметим, что адыгские артикли в результате развития языка приобрели еще новую функцию — функцию падежа (подробно см. ниже).

Как известно, круг функций определенного артикля находится в прямой зависимости от специфики словоизменительной системы языка. Отсюда функции определенного артикля в различных языках различны. Так, например, в немецком языке определенный артикль выражает род, число и падеж существительного, во французском языке — род и число, а в

английском языке определенный артикль не выражает ни рода, ни числа, ни падежа существительного. Но общим для определенного артикля в вышеназванных языках является выражение категории определенности, а также характеристика имени существительного как части речи.

Абхазо-абазинско-убыхский определенный артикль **а-** подобно английскому определенному артиклю **the** не выражает ни рода, ни числа, ни падежа. Адыгские же определенные артикли **-р** и **-м**, напротив, выражают категорию падежа (**-р** именительный падеж, а **-м** эргативно-косвенный). Но общим и для абхазо-адыгских артиклей является также выражение категории определенности и характеристика имени существительного как части речи.

Таким образом, абхазо-адыгские определенные артикли сближаются с артиклями европейских языков в первую очередь по таким наиболее общим функциям, как выражение категории определенности и характеристика имени существительного как части речи.

Поскольку функции определенного артикля в различных языках бывают далеко не одинаковыми, различным оказывается и его семантическое употребление по языкам. Но и здесь наблюдается сходство и различие как между самими абхазо-адыгскими артиклями, так и между ними и европейскими артиклями. Это вполне закономерно.

«Для каждого языка, — пишет Н. Ф. Иртеньева, — нужно раскрыть свои закономерности, логические или исторические, употребления или неупотребления артикля и от этого идти к обобщающим выводам классификации имен существительных вообще»¹³.

Каждый язык имеет свои закономерности в употреблении артикля, и это подтверждается даже при поверхностном сравнении правил употребления определенного артикля в европейских языках, с одной стороны, и в абхазо-адыгских, с другой.

Не учитывая своеобразия и особых закономерностей употребления и неупотребления артикля в различных языках, некоторые исследователи абхазского языка пришли к отрицанию функции определенности морфемы **а-**. Причиной этого явилось, по-видимому, то, что в абхазском языке в отличие от абазинского артикля **а-** употребляется с именами существительными в назывной форме, которая также является сло-

¹³ Н. Ф. Иртеньева. Употребление артикля с именами собственными личными в современном английском языке. Канд. дисс., М., 1947, стр. 26.

варной формой слова в словарях. Здесь мы имеем дальнейшее расширение сферы употребления определенного артикля *а-*, а не исчезновение его функции.

Далее, если в европейских языках определенный артикль отсутствует при наличии указательного местоимения перед именем существительным, то в абхазо-адыгских языках (абхазском, абазинском, кабардинском и адыгейском) он обязательно присутствует.

II. ФОРМИРОВАНИЕ ОПРЕДЕЛЕННОГО АРТИКЛЯ И ГЕНЕЗИС ЕГО ПОКАЗАТЕЛЕЙ

Выше мы говорили, что в абхазском, абазинском и убыхском языках морфологическим показателем категории определенности является препозитивный артикль *а-*, а в адыгских постпозитивные артикли *-р* и *-м*. Указывали также, что во всех этих языках определенные артикли, в отличие от западноевропейских артиклей, сливаются с именем существительным, образуя с ним слитную словоформу.

Интересно отметить, что если в абхазском и абазинском языках неопределенный артикль *-к* был суффиксальной морфемой, а в адыгских и убыхском языках в этой функции выступала препозитивная частица *зы*, *за*, то при выражении категории определенности картина совсем меняется. Теперь убыхский язык сближается с абхазским и абазинским, а адыгские языки стоят особняком.

Чем объясняется это расхождение между данными языками в морфологическом выражении категории определенности?

Чтобы ответить на этот вопрос, сначала следует остановиться на том, как освещается проблема формирования определенного артикля в общелингвистической литературе.

В специальной литературе, посвященной проблеме артикля, существуют два разных мнения. Одни лингвисты считают определенный артикль более поздним явлением в истории языка, а другие относят возникновение этой категории к более ранним этапам языковой истории. Исследователи, которые считают определенный артикль поздним явлением, ссылаются на то, что артикль обычно отсутствует в современных языках, сохранивших наиболее архаичное состояние. В качестве примера берут русский язык, где отсутствует категория артикля. Далее, возникновение определенного артикля увязывают с определенным периодом развития языка. Так,

например, появление определенного артикля в западноевропейских языках относят к периоду образования аналитического строя языка и разрушения падежной флексии.

В частности, такое объяснение мы находим у А. М. Мухина. В статье «Об артикле» он попытался объяснить не только развитие, но и возникновение определенного артикля морфологическими факторами. Автор пишет: «Наличие самой непосредственной связи между употреблением артикля и состоянием флективной системы имени существительного, обнаруживаемой на материале английского языка в его историческом развитии, подтверждаемой также фактами некоторых других индоевропейских языков, в частности немецкого и французского, дает основание предполагать, что появление и развитие артикля в языке обусловлено прежде всего необходимостью уточнения тех или иных грамматических категорий существительного, не находящихся достаточно четкого выражения в морфологии самого существительного. Это предположение подтверждается также тем фактом, что артикль в германских и романских языках появляется на определенном этапе их развития, который характеризуется постепенным угасанием флективной системы имени.

На то, что появление и первоначальное развитие определенного артикля, по-видимому, обусловлено прежде всего необходимостью уточнения грамматических категорий существительного (падежа, рода, а также числа), а не потребностью выражения определенности предмета, обозначенного существительным, косвенным образом указывает более позднее возникновение и развитие неопределенного артикля, который появляется к концу древнеанглийского — началу среднеанглийского периода и развивается в основном последующее время. Если бы развитие артикля было обусловлено прежде всего необходимостью выражения определенности — неопределенности, то следовало бы ожидать одновременно возникновения и развития обоих артиклей»¹⁴.

Большинство исследователей не согласны с этим мнением, так как во многих языках появление категории артикля нельзя объяснить предположениями А. М. Мухина.

По отношению к аргументации А. М. Мухина М. Щетинский ставит вопрос «как можно объяснить появление, например, древнегреческого артикля или турецкого?»¹⁵.

¹⁴ А. М. Мухин. Об артикле. «Вопросы грамматики. Сборник статей к 75-летию акад. Мещанинова». М., 1960, стр. 369—370.

¹⁵ М. Щетинский. Указ. соч., стр. 35.

В отличие от А. Мухина, появление категории артикля М. Щетинский представляет следующим образом: «Появление категории артикля объясняется стремлением к выделению. Выделение без слишком большой семантической «нагрузки» (например, притяжательной...) возможно или путем «указания»: «Я встретил этого человека» или путем извлечения из множественности: «Я встретил одного человека». Большинство языков, имеющих артикль, пошли по первому пути, в том числе западноевропейские языки. Можно считать исторически бесспорным тот факт, что они имели первоначально один артикль, близкий семантически к определенному. В совершенно разных языках этот артикль постепенно вошел в оппозицию со словом «один» (как два противоположных способа выделения). Это — межъязыковое явление и оно вполне закономерно (оно наблюдается в неиндоевропейских языках)»¹⁶.

Имеются основания полагать, что в абхазском и убыхском языках определенный артикль *а-* был в какой-то период также единственным. В пользу этого говорит, по-видимому, тот факт, что в убыхском языке, где также имеется категория определенного артикля, выражаемая префиксом *а-*, еще слабо развита сфера употребления частицы *за* в функции неопределенного артикля. Неопределенный же артикль *-к* в абхазском и абазинском, как нами указывалось выше, является вторичным по отношению к *зы*, *за* (см. об этом подробно в I главе).

В абхазском и абазинском языках, по всей видимости, нет никаких следов существования склонения и его разрушения, которое могло бы привести к возникновению артикля. В убыхском языке, где имеется склонение, падежные аффиксы не связаны с определенным артиклем. Казалось бы, адыгские языки подтверждают предположение А. М. Мухина, поскольку артикли *-р* и *-м* выражают и категорию падежа. Однако, как это будет видно ниже, эта функция является вторичной, по сравнению с функцией артикля.

В специальной литературе имеется также указание на то, что «возникновение аналитического строя само по себе не может быть причиной возникновения артикля. Чаще всего артикль возникает до периода образования аналитического строя»¹⁷.

¹⁶ М. Щетинский. Указ. соч., стр. 35.

¹⁷ Б. А. Серебренников. Указ. соч., стр. 117.

«Нельзя объяснить, — пишет Б. А. Серебренников, — возникновение артикля действием какого-либо одного фактора. Артикль чаще всего появляется в результате самых различных, иногда трудно уловимых факторов»¹⁸.

Другие исследователи, придерживающиеся теории раннего происхождения артикля, увязывают его с классными показателями. Наиболее ярко это проявляется у М. Я. Немировского и Де-ля-Грассери.

М. Я. Немировский делит историю развития артикля на два периода: на «старую» и «новую». По его мнению, старый период истории артикля связан с классными показателями. «Более древние этапы истории артикля, — пишет он, — относятся уже к «доистории». О них мы можем делать лишь предположения, исходя из материалов, которые можно найти в языках архаических систем.

Эта «доистория» артикля нам представляется связанной с классными показателями, на что указывает наличие артикля в языках таких, как например, американско-индейский понка, где артикль не что иное, как классный показатель.

Эта связь артикля с номинально классной системой обнаруживается еще и в том факте, что некоторые языки, как например, индонезийские сохраняют различие между особыми личными и вещными артиклями в соответствии, очевидно, с прежде существовавшим в этих языках делением имен на два класса: лиц (активного) и вещей (пассивного)»¹⁹. Таким же представляется М. Я. Немировскому и история развития абхазского определенного артикля *а-*²⁰.

Еще раньше М. Я. Немировского отождествление определенных артиклей индоевропейских языков с классными показателями различных языков встречается у Де-ля-Грассери. Он считает, что артикль является общей чертой кавказских языков, и система согласования посредством включения местоименных классных показателей является остатком артикля, бывшего некогда свойственным всем кавказским языкам²¹.

На ошибочности положений этих авторов довольно подробно останавливаются в своих работах Б. А. Серебренников и М. О. Москальская. Они указывают, что категория артик-

¹⁸ Б. А. Серебренников. Указ. соч., стр. 149.

¹⁹ М. Я. Немировский. Из истории глоттогонического (языкотворческого) процесса. «Уч. зап. Сев.-Осетинского гос. педин-та им. К. Л. Хетагурова», т. III (XVI). Орджоникидзе, 1942, стр. 76.

²⁰ М. Я. Немировский. Артикль в горских кавказских языках. «Сообщения АН Груз. ССР», т. VII, № 6. Тб., 1946, стр. 397—403.

²¹ См. об этом: М. О. Москальская. Развитие артикля в древних германских языках. Докт. дисс., М., 1952, стр. 6—7.

ля и категория классов являются разными категориями и при решении этого вопроса требуется дифференцированный подход для каждого языка в отдельности.

«Сами классные показатели, — пишет Б. А. Серебренников, — отголосками которых, может быть, являются в индоевропейских языках характеристики различных именных основ, генетически не связаны с местоимениями. Классные показатели — это языковое выражение сознания известной категориальности предметов окружающего мира.

Следовательно, классный показатель не местоимение или артикль, а показатель категориальности. Если мы видим классный показатель в предложениях типа зулусского иви-зики ви-валекиле — «ночь пролетела», то классный показатель **иви** в слове **зики** — «ночь» у нас нет никакого основания называть артиклем»²².

Нельзя не согласиться с мнением этих авторов о том, что артикль и классные показатели не одно и то же. Это легко понять из сравнения употребления классных показателей дагестанских языков, а также абхазского и абазинского, с употреблением определенного артикля **а-** в последних (см. ниже).

В отличие от сторонников теории позднего или раннего происхождения артикля Б. А. Серебренников в результате исследования артиклей ряда языков пришел к выводу: «Артикль исторически преходящее явление. Артикль не связан с определенным типом языка или определенной стадией его развития. Потенциально возможно его появление на самых различных стадиях развития языка и в самых различных языках мира. Появившийся артикль развивается в течение более или менее длительного периода. Его развитие в зависимости от различных условий может быть полным или недостаточно полным, и, наконец, может наступить момент, когда артикль утрачивает свое значение»²³.

В связи с этим Б. А. Серебренников вводит понятие артиклевых циклов. Циклами он называет повторяющиеся периоды существования в языке артиклей. Далее читаем: «...На протяжении длительной языковой истории потенциально возможно в отдельные периоды развития конкретного языка возникновение артикля и артиклоидов из слоя слов индикаторов (местоимение, притяжательные суффиксы и т. п.). Возникновение этих циклов артиклей и артиклоидов часто случайно и совершенно не предполагает никакой их взаимообусловлен-

ности. В языке может возникнуть артикль на очень древней стадии и отмереть. Могут пройти многие сотни лет, прежде чем возникнет другой цикл. В промежутках между циклами язык может совершенно не иметь артикля»²⁴.

Положение Б. А. Серебренникова по вопросу артиклевых циклов заслуживает особого внимания при выяснении истории абхазо-адыгских артиклей.

Переходя непосредственно к абхазо-адыгским определенным артиклям, мы с уверенностью можем сказать, что абхазо-абазинско-убыхский артикль **а-** является очень древним в истории этих языков. Это подтверждается наличием его в этнических самоназваниях **а-псуа** «абхаз», **а-база** «абазин», а также в топонимических названиях на территории распространения этих языков и за ее пределами (см. ниже).

О древности артикля **а-** свидетельствует также наличие его в окаменелом виде в некоторых фамилий героев нартского эпоса, который уходит в глубокую историю абхазо-адыгских народов. Обращает на себя внимание этимология одной из трех нартских фамилий — **Алэгатä** «Алаговы». В начальном гласном этого фамильного имени В. И. Абаев усматривает абхазский артикль **а**.

«Алэгатä «Алаговы», — пишет В. И. Абаев, — одна из трех нартских фамилий в эпосе; в отличие от двух других фамилий — **Хсäräггатä** и **Борätä**, которые упоминаются повсюду и известны всем сказителям, **Алэгатä** встречается только в некоторых вариантах...

Фамильное имя на **-тä**, производное из личного имени **Алäg**, западнокавказского происхождения; ср. каб. **Аллыг** (СМК XII 2 25) нартская фамилия, каб. **Алыгукьо** (→ ос. **Алэгукьо**) собственное имя, абадз. **Алагукьо id** (Записки Кавк. отд. русск. географ. общества XII 28) (**Алаг** + **кьо** «сын»). Исходить надо, быть может, из абх. * **а-лыг** (**а** — абхазский артикль). В этом случае **Алäg** оказывается в конечном счете связанным с **лäg** «мужчина» (кавказского происхождения)»²⁵. Ср. абх.-абаз. **а-лыгажэ** «старик (старец)», где **а-** артикль, (**а**)-**жэ** «старый».

Это нартское фамильное имя до сих пор бытует у абадзехов как собственное имя, ср. **Алэджыкью** (< **Алэгыкью**), **Аладж** < (**Алаг**).

В силу древности определенного артикля **а**, а также отсутствия письменных памятников нам трудно указать кон-

²² Б. А. Серебренников. Указ. соч., стр. 111—112.

²³ Там же, стр. 177.

²⁴ Б. А. Серебренников. Указ. соч., стр. 180.

²⁵ В. И. Абаев. Историко-этимологический словарь осетинского языка. М.—Л., 1958, стр. 44.

кретные пути формирования определенного артикля **а-**. По всей вероятности, процесс формирования определенного артикля в абхазском, абазинском и убыхском языках шел по тому же пути, который предполагает М. Щетинский для артиклей индоевропейских языков.

Однако в вопросе генезиса определенного артикля **а-** в этих языках возникают трудности, связанные с тем, что здесь определенный артикль совпадает с притяжательным личным аффиксом **а-** 3-го л. ед. ч. класса неразумных существ. Например: (абх.-абаз.) **а-џа** — «его (ее) сын (класса неразумных существ) и сын (данный, известный)»; **а-џха** — «его (ее) дочка (класса неразумных существ) и дочка (данный, известный)» и т. д.

В связи с этим в литературе высказано два противоположных мнения. Одни лингвисты возводят происхождение определенного артикля **а-** непосредственно к личному префиксу **а-** 3-го л. ед. ч. класса неразумных существ и отождествляют его с ним, другие — увязывают его с основой указательных местоимений. П. К. Услар впервые, называя именной аффикс **а-** в абхазском языке показателем категории неопределенности, смешивал его с притяжательным личным префиксом **а-**. Он пишет: «Такое **а-** считаю за характеристику 3-го лица единственного числа предмета неодушевленных»²⁶.

Таким образом, П. К. Услар отождествляет артикль **а-** с притяжательным префиксом 3-го лица.

В этом отношении интересно отметить, что в убыхском языке П. К. Услар считал определенным артиклем не именной префикс **а-**, а **џа-**, т. е. притяжательный префикс.

«Сличение множества примеров, — пишет Услар, — заставляет думать, что в убыхском языке существует определенный член **la, les**, который выражается присоединением к началу существительного **џа-** для единственного числа и **џау** или **џоу** для множественного»²⁷. Ср.

Убых.

Абх.

џа-на аџсашьс'а

И-ан аус уны

џа-хъуан џтлагъанайт.

л-џа дныкулгон.

«Мать (его) работая, воспитывала сына своего»²⁸.

²⁶ П. К. Услар. Абхазский язык. «Этнография Кавказа», т. I. Тифлис, 1887, стр. 77.

²⁷ П. К. Услар. Убыхский язык. «Этнография Кавказа. Языкознание», т. I. Тифлис, 1887, стр. 85.

²⁸ Убыхский пример взят из работы: G. Dumezil. Documents Anato-liens sur les langues et les traditions du Caucase, V. Paris, 1967, стр. 153.

Этот убыхский пример в сопоставлении с примером абхазского языка служит доказательством того, что принимаемый П. К. Усларом за определенный член **џа-** является притяжательным личным префиксом 3-го лица.

Отождествление личного префикса **а-** с определенным артиклем **а-** в абазинском языке находим и у А. Н. Генко. Он пишет: «...Одна частица, именно частица 3-го лица ед. числа класса неразумных **а** имеет, по-видимому, еще одно важное грамматическое значение определенного члена имени, в общем соответствующего аналогичному явлению в ряде западноевропейских языков (немецком, французском, английском и др.).

Не подлежит сомнению, что в современном употреблении этой частицы предполагаемая нами генетическая и смысловая связь ее с соответствующим притяжательным местоимением значительно ослаблена и опознается лишь в соотносительном противопоставлении другим притяжательным местоимениям»²⁹.

Такого же мнения относительно происхождения абхазского артикля **а-** и Н. Ф. Яковлев. «По своему происхождению, — пишет он, — префикс **а** (т. е. определенный артикль. — Т. Х.) представляет собою префикс притяжательного значения. Он до сих пор сохраняется в абхазском, как префикс третьего лица единственного числа класса природы в значении «его (предмета, животного)»»³⁰.

Смешение притяжательного личного префикса с определенным артиклем особенно ярко обнаруживается у Н. Ф. Яковлева в том месте работы, где он разбирает имя в так называемом орудном падеже с морфемой **ла||ала**, например, **џы-ла** «(неизвестной) лошастью», **аџ-ала** < **аџы + ала** «(известной) лошастью»; **напы-ла** «(неизвестной) рукой», **анап-ала** < **анапы + ала** «(известной) рукой». Исходя из этих форм, он пишет: «Мы видим в этих формах, что с определенной формой имени соединяется и определенная форма постпозиции «**ала**» (постпозиция) по своему происхождению представляет собою тоже имя. Благодаря этому в начале постпозиции появляется второй определенный префикс **а**, который поглощает окончание имени — краткий гласный **ы** независимо от его ударяемости»³¹.

Следует сказать, что здесь в послелого **а-ла** имеется притяжательный префикс 3-го л. ед. ч. класса неразумных су-

²⁹ А. Н. Генко. Абазинский язык. М., 1955, стр. 101.

³⁰ Н. Ф. Яковлев. Указ. соч., стр. 248.

³¹ Там же, стр. 248.

ществ. В этом легко можно убедиться, если на место этих существительных подставить имена существительные собственные класса разумных существ, например, **Даур и-ла** «с помощью Даура», **Циба лы-ла** «с помощью Цибы» и т. д. Нельзя сказать **Даур ала**, **Циба ала**.

Г. П. Сердюченко, соглашаясь с мнением П. К. Услара относительно характеристики, даваемой им артиклю **а-** и перечисляя тех авторов, которые придерживаются этого мнения, называет и Ж. Дюмезиля³². Но на самом деле Ж. Дюмезиль никогда не придерживался этого мнения; наоборот, он предупреждал исследователей о возможности такой ошибки. Он указывает: «В абхазском не следует смешивать определенный **а с а** — притяжательным префиксом 3-го лица неразумных существ, в убыхском — **с а** показателем 3-го лица ед. числа»³³.

В доказательство этого Ж. Дюмезиль приводит пример из абхазского языка **а-еада а-бжы** «осел его голос, голос осла». И дает следующее объяснение к нему: «**а-** в слове **аеада** представляет «определенный», но **а-** в слове **а-бжы** это притяжательный префикс 3-го лица единственного числа неразумных существ»³⁴.

Далее, полемизируя с П. К. Усларом, он заявляет: «В действительности **а**, — как это вполне естественно для определенного артикля, представляет собственно одну из указательных основ, которую легко определить: ее находят в абхазских словах **абри**, **ари** «этот» (параллельно **убри** «тот», **ани** «тот»), в убыхском языке в словах **а-буа** «сам он» (параллельно **сы-буа** «я», **у-буа** «ты»), **а-нан** «тот»...

Это **а-** находится в указательных черкесских **а-р**, **а-ш** «тот» (параллельно **мы-р**, **мы-ш** «тот»), **а-дрей** «другой» и т. д.»³⁵.

Мы считаем, что абхазо-убыхский определенный артикль **а-** генетически связан с основой вышеуказанных указательных местоимений, но, в тоже время не отрицаем общей генетической связи артикля **а-** с притяжательным префиксом 3-го лица, поскольку, как нам думается, определенный артикль **а-** и притяжательный префикс **а-** ведут свое начало из одного источника, а именно, от указательного местоимения. Мы полагаем, что притяжательный префикс **а-** и другие притяжатель-

ные префиксы более позднего образования, чем определенный артикль **а-**.

О позднем образовании морфем в функции притяжательных местоимений в абхазо-адыгских языках говорит тот факт, что в других иберийско-кавказских языках отсутствует эта форма. Там обычно принадлежность выражается лексически, т. е. притяжательным местоимением, как и в русском языке, например, груз. **чеми дзма** «мой брат», авар. **дир вуго** (ср. абх.-абаз. **са-шьа** «мой брат»).

С другой стороны, для самих личных местоимений 3-го л. ед. ч., из которых образовались притяжательные префиксы, первоисточником являются указательные местоимения. Ср. абх.-абаз. **йа-ра** «он», «тот» и убых. **йы** «тот» (**йы тыт** «тот мужчина») ³⁶, **ла-ра** «она, та (женщ.)» и убых. **ла-гъэ** — «здесь»³⁷ (ср. типологически абх. **ара** «здесь», **ари** «этот»). Отсюда следует предположить, что и источником для образования притяжательного префикса **а-** 3-го лица является лично-указательное местоимение. Возможно, таким местоимением был **ари** «этот». То, что в абхазском и абазинском языках первоисточником для образования личных местоимений 3-го лица являются указательные местоимения, подтверждается фактами и из других языков.

«В ряде языков, — пишет И. И. Мещанинов, — выделение указательных местоимений могло предшествовать включение 3-го лица в числе личных. В этом случае первоисточником последнего является само указательное местоимение, ср. в индоевропейских языках франц. **il** — **он** из латинского указательного местоимения **ille**, русск. **он**, при полной форме — **оный** и т. д.»³⁸. Определенный артикль **а-** в абхазском, абазинском и убыхском языках, развившийся путем постепенной грамматизации одного из средств лексического уточнителя, а именно из указательного местоимения, коренным образом отличается от притяжательного личного именного префикса **а-** 3-го л. ед. ч. класса неразумных существ, а также от других притяжательных аффиксов.

Определенный артикль **а-** отличается от притяжательных аффиксов абстрактностью своего значения: в то время как притяжательные аффиксы указывают на различные конкрет-

³² См.: Г. П. Сердюченко. Язык абазин. «Труды Ин-та национальных школ АПН РСФСР и Черкесского НИИ», вып. 67, стр. 135—136.

³³ G. Dumezil. Etudes comparatives sur les langues caucasiennes du Nord-Ouest. Paris, 1932, стр. 33.

³⁴ Там же.

³⁵ Там же, стр. 33—34.

³⁶ См.: К. В. Ломтатидзе. Из грузинско-абхазской грамматической встречи. «Труды Абх. НИИ», т. XXVIII, 1957, стр. 316.

³⁷ См.: Г. В. Рогава, З. И. Керашева. Грамматика адыгейского языка. Краснодар — Майкоп, 1966, стр. 67.

³⁸ И. И. Мещанинов. Члены предложения и части речи. М.—Л., 1945, стр. 236.

ные свойства определенных предметов (лицо, класс и число), артикль абстрагирован от этих конкретных характеристик. Выражение определенности с помощью артикля носит обобщенный характер.

Вместе с тем следует заметить, что в абхазо-адыгских языках наряду с определенными артиклями имеет широкое распространение употребление притяжательных префиксов в функции определенного артикля. Такое параллельное употребление притяжательных местоимений и артиклей широко известно и в европейских языках.

«Общеизвестно, — пишет О. И. Москальская, — что древнегерманским текстом так же как и древним текстам других индоевропейских языков, свойственно широкое употребление притяжательных местоимений, намного превосходящее по частотности употребления притяжательных местоимений в современных языках. Притяжательные местоимения являются излюбленными проводниками имен существительных в синтаксисе древних германских языков.

Вместе с артиклем они создают ту систему оформления имен существительных — названий материальных предметов показателями определенности, которой противостоит нулевое оформление имен существительных как показатель неопределенности. Подобно артиклю они служат одним из средств выражения логического членения коммуникации. Они не только имеют при этом функциональное сходство с артиклем, но и могут быть без ущерба для смысла высказывания заменены им»³⁹.

Можно указать ряд случаев, когда употребляются притяжательные префиксы вместо определенного артикля.

Во-первых, притяжательные аффиксы употребляются с именами, обозначающими родственные отношения. Например, в абхазо-адыгских языках имена родства (мать, отец, брат, сестра и др.) почти всегда употребляются с притяжательными префиксами. В русском языке сын, говоря о своей матери, может сказать: «Сегодня мать поедет в город», где существительное «мать» не имеет никаких формальных признаков, показывающих, что говорящий имеет в виду свою «мать». Об этом мы можем догадаться только из контекста в целом. В абхазо-адыгских языках в таких случаях существительные, показывающие имена родства, будут употребляться, как правило, в основном с притяжательными префиксами.

Вышеприведенное предложение на абхазо-адыгских языках будет передано следующим образом:

Адыг.

Абх.

Непэ с-янэ кьалэм кюшт.

Иахьа с-ан акалакь ахь
дцоит.

Здесь существительное «мать» как в адыгейском, так и в абхазском языке употреблено с притяжательным префиксом с- и имеет значение «моя мать».

Родители, говоря о своих детях, скажут с-кьо (адыг.), с-пъа (абх.-абаз.) «мой сын», с-пхъу (адыг.), сы-пъа (абх.-абаз.) «моя дочь», так же скажет брат о своей сестре, и, наоборот.

Адыг.

Абх.

Сэ с-шыпхъу ынэхэмэ
нэпсыр акIэгъукIын.

Сара са-хэшьа лыла-
бырзкуа боит.

«На глазах сестры моей слезы высохнут».

Костя ы-шыпхъурэ ы-шы
цIыкIурэ игъусэхэу
кьогъупIэм щыджэгущтыгъэ.

Костиа иа-хэшьей иа-шьа
хуачи акуакь афы драху-
маруан.

«Костя вместе со своей сестрой и маленьким братом
играл в углу»⁴⁰.

Во-вторых, притяжательные аффиксы обычно употребляются с именами существительными, обозначающими части тела человека и животных, части растений, а также отдельные детали одежды.

Выделение личного префикса, употребляемого с названиями частей тела человека, не представляют никакой трудности, но зато в остальных вышеназванных группах существительных узнать личный префикс довольно трудно, поскольку эти имена включаются в класс неразумных существ, и соответственно, притяжательный префикс 3-го лица будет совпадать в них с артиклем а-. Приведем примеры:

Абх.

Абаз.

Шьакуа лы-худа лыхъуеит.

ЩакIва лы-хъьва лыхъитI.

³⁹ О. И. Москальская. Развитие артикля в древних германских языках. Докт. дисс. М., 1952, стр. 550—552.

⁴⁰ Адыгейские примеры взяты из кн.: «Грамматика адыгейского языка». Краснодар — Майкоп, 1966, стр. 69.

«У Шакуа болит шея (ее)».

Ацэ а-худа ахьеит.

Ачв а-хьвда ахьитI.

«У быка болит шея (его)».

В первом и во втором предложениях слово «шея» представлено с притяжательными префиксами: в первом предложении префиксом л- показателем 3-го лица класса женщин, а во втором предложении префиксом а-, показателем 3-го лица класса неразумных существ.

Однако в абхазском и абазинском языках нередко случаи употребления определенного артикля с вышеназванными именами существительными. Ср.

Абх.

Абаз.

Ацэ а-тэыџа хнажэит.

Ачв а-чIвгIва хьнажватI.

«Бык сломал рога (свои)».

— А-тэыџа сутар, ахэыз-
ба узыкацoint.

— А-чIвгIва сутыркIвын,
ахIвспа узысчпапI.

«— Если дашь мне рог (опред.), то я тебе сделаю нож».

В первом предложении в абхазском и абазинском языках слово «рога» употреблено с притяжательным личным аффиксом 3-го лица класса неразумных существ а-, а во втором предложении это же слово — с определенным артиклем а-.

Из приведенных примеров ясно, что, когда имеется в виду понятие притяжательности в абхазском, абазинском и в адыгских языках, имя существительное всегда выступает с притяжательным префиксом, а где нет понятия притяжательности и имя существительное требует определенной формы, то для выражения такой определенности выступают унифицированные артикли а- (абх.-абаз.-убых.), -р или -м (адыг.каб.).

Что именно притяжательные префиксы в абхазском, абазинском, убыхском языках наряду с определенными артиклями выражают категорию определенности, доказывается тем фактом, что имя с префиксом притяжательности не принимает определенного артикля а-, а также неопределенного артикля к- (абх.-абаз.) и частицы за (убых.) (об адыгских языках см. ниже).

В абхазском и абазинском языках нельзя сказать а-сытцла сы-атцла, а-слá||с-алá; говорят сы-цла «мое дерево», с-лá «моя собака».

Возвращаясь к сказанному, т. е. к вопросу о происхождении определенного артикля а- из указательного местоимения, отметим еще, что в абхазском языке можно найти примеры, где префикс а- сохраняет свое указательное значение, например: а-ены «день» (опред.), букв. «в тот день»⁴¹; а-уха «ночь» (опред.), букв. «в ту ночь»; соответственно џенак «день (неопр.)», уахы-к — «ночь (неопред.)».

Что касается исторической общности определенного артикля а- с классным показателем, то сказать здесь что-либо определенное очень трудно. В абхазском и абазинском языках, где имеется категория классов, у указательных местоимений, с которыми увязывают артикль а-, нет различия по классам, а отождествление артикля с притяжательным префиксом а- 3-го лица класса неразумных существ, как ранее указывалось, является ошибочным.

Несобоснованно утверждение Де-ля-Грассери о некогда имевшей место во всех кавказских языках категории артикля и сохранении его остатков в классных показателях. Например, в дагестанских языках нельзя найти следов определенного артикля в классных показателях. Как было видно из приведенных примеров, классные показатели в абхазском и абазинском языках, кроме выражений категории классов, указывают и на принадлежность тому или иному лицу, а в дагестанских языках классные показатели лишены этой функции. Следовательно, они лишены и артиклевой функции, в отличие от притяжательных префиксов в абхазо-адыгских языках. Ср. лак. На б-уккав лу «Я прочел книгу»⁴² (классный показатель б в глаголе буквав говорит о принадлежности существительного лу «книга» к IV грамматическому классу), авар. ХIти-на-б чу хIани-б б-уго «Маленькая лошадь есть здесь»⁴³ (классный показатель б в прилагательном хIитинаб, в наречии хIаниб и в глаголе буго указывают о принадлежности чу «лошадь» к III классу).

Как явствует из приведенных примеров, классный показатель б служит средством согласования между собой членов предложения и не имеет никакого отношения к выражению грамматической категории определенности. С другой сторо-

⁴¹ К. В. Ломтатидзе. Грамматический обзор тапантаского диалекта абхазского языка. Тбилиси, 1944, стр. 73.

⁴² Лакский пример взят из работы: С. М. Хайдаков. Очерки по лакской диалектологии. М., 1966, стр. 126.

⁴³ Аварский пример взят из курса лекций И. И. Церцвадзе по грамматике аварского языка (1956 — 1957 гг.), прочитанной в Тбилисском государственном университете.

ны, классный показатель **б** в отличие от артикля **а** не имеет генетической связи ни с указательным, ни с личным местоимениями.

Наконец, следует отметить, что определенный артикль **а** в абхазском, абазинском и убыхском языках достиг полного развития и теперь намечается тенденция к его отмиранию. Об этом свидетельствует его наличие в ряде слов с нулевым значением, т. е. в лексикализованном состоянии, например, **а-х** (абх.) || **а-хIы** (абаз.) «князь», **а-хэа** (абх.-абаз.) «сабля», **а-жэа** (абх.-абаз.) «слово», **а-дгыл** «земля» (абаз.), **а-шьа** «рубашка», **а-нта** «змея» (убых.) и т. д. О нулевом значении префикса **а** в этих словах свидетельствует тот факт, что он не выпадает при прибавлении неопределенного артикля **к**. В абазинском и убыхском языках, где слова в словарях обычно приводятся в нулевой форме, вышеназванные слова даны с морфемой **а**⁴⁴. Ср.

Абаз.

Абх.

КытакI апны **ахIы-кI** дтан... Кытак афы аха-к дынхон.

«В одном селе жил какой-то князь...»
(«Абаза турыхкуа», стр. 142)

Особый интерес вызывает процесс отмирания артикля **а** и зарождения нового артикля в ашхарском диалекте абазинского языка. Для выражения категории определенности в этом диалекте начинает использоваться глагольно-инфинитивный суффикс **-з**⁴⁵. Процесс отмирания и зарождения нового артикля происходит буквально на наших глазах. В этом диалекте еще сосуществуют обе формы — старая и новая. Это явление начинает распространяться и на другой диалект абазинского языка, т. е. на тапантский диалект⁴⁶.

Приведем примеры:

Ашх. ...Адзв йаадала дымгIвейсан **хуаджа-з** дыйбейт.

«Кто-то проходил по дороге и заметил **муллу** (опред.)».

...Ауый **ахIа-з хIвыспак** иман. **А-хIвыспа** иманы дахь-цараакI анасып йауан... **А-хIвыспа-з** итан дцейтI.

⁴⁴ См.: «Русско-абазинский словарь». М., 1956; Абазинско-русский словарь. М., 1967; Н. V o g t. Dictionnaire de la langue Oubykh. Oslo, 1963, стр. 85.

⁴⁵ См. об этом явлении подробно в работе: К. В. Ломтатидзе. Ашхарский диалект и его место среди других абхазско-абазинских диалектов. Тбилиси, 1954, стр. 51—56.

⁴⁶ См.: «Грамматика современного абазинского языка» (рукопись).

«...Тот **князь** (опред.) имел **какой-то нож**. Куда бы он ни шел с **ножом** (опред.), везде находил счастье... Он ушел, отдав ему **нож** (опред.)»⁴⁷.

Тал. Сара сацкIыс рыцIагы дсгIахвыцта... хъвынчIвхва айшы-скIгы йымата, **ХIарун-ыз** снамдзаскIва йара дгIаспы-раххтI.

«**Харун** (опред.), который был ростом ниже меня..., с короткими вилами в руках... сам встретил меня».

(Джыр. XI. Абзазара азыпшгIара, стр. 22).

Переходя непосредственно к характеристике адыгских артиклей **-р**, **-м**, следует отметить, что здесь возникает вопрос — не было ли в этих языках определенного (префиксального) артикля **а**? Следует полагать, что и в адыгских языках некогда существовал этот вид артикля. Об этом свидетельствуют некоторые реликтовые явления этих языков. Как справедливо отмечается в специальной литературе, в адыгских языках почти все имена существительные с начальным гласным элементом **а** являются заимствованными из других языков⁴⁸, но среди них имеются и исконные слова, в которых и следует признать этот пережиточный артикль **а**. Таким является слово **а-фэ** || **а-шьуэ** «кольчуга». При этимологизировании этого слова не исключается возможность истолкования начального **а** как пережитка определенного артикля.

Следует думать, что этот элемент **а** пережиточно сохранился в кабардинском языке в именах, обозначающих родителей, и производных от них словах: **а-на** «мать», **а-нэшхуэ** «бабушка» (букв. «большая мать»), **а-наш** «родственник по матери»; **а-дэ** «отец», **а-дэнэпIэс** «отчим», **а-дэшхуэ** «дедушка» (букв.) «большой отец»), **а-даш** «родственник по отцу» и т. д.

Впервые мысль о пережиточно сохранившемся префиксе **а**, общим с абхазо-абазинским, была высказана К. С. Шакрыл в заметке «О пережиточном состоянии аффикса **а** в адыгских языках»⁴⁹.

Серьезным подтверждением того, что в этих словах мы имеем пережиточно сохранившийся некогда определенный артикль **а**, является отсутствие его в адыгейском языке. Ср.

⁴⁷ Примеры взяты из работы: К. В. Ломтатидзе. Ашхарский диалект., Тбилиси, 1954, стр. 95 (327).

⁴⁸ См.: А. К. Шагинов. Этимологический словарь адыгских языков (рукопись).

⁴⁹ К. С. Шакрыл. О пережиточном состоянии аффикса «а» в адыгских языках. «Труды Абх. НИИ», т. XXIX. Сухуми, 1958, стр. 313—314.

ны «мать» ты «отец», тынэплос «отчим», нынэплос «мачеха» и т. д.⁵⁰.

Да и в абхазском и абазинском артикль а- в словах а-н||а-ны «мать», а-б||а-ба «отец» находится в состоянии окаменения. Но в них легко опознается определенный артикль а-. Как правило, он отсутствует в назывной форме нан «мать» баба «отец». Ср. также абиџара < а=б+и=џа+=ра «род» (опред.)⁵¹, но биџара-к «род (неопред.)». Биџара-к акынтэи биџара-к ахь.

«Из рода в род» («Русско-абхазский словарь», 1964, стр. 50).

Определенный артикль а- ясно прослеживается в убыхском языке в словах атэ «отец» и ана «мать». А. Дирр в своем грамматическом очерке указывает, что эти имена в убыхском языке не употребляются отдельно, т. е. без префиксов. Они встречаются либо в притяжательной форме са-тэ «мой отец», у-тэ «твой отец», сы-на «моя мать», у-на «твоя мать», либо в определенной форме а-тэ «отец определенный, известный», а-на «мать определенная, известная»⁵¹. (См. также словарь Фогта: нэ, опред. а-на «мать»; тэы, опред. а-тэ «отец»⁵²).

К. С. Шакрыл приводит для подтверждения своей мысли также и заимствованные слова, не начинающиеся с гласного а-, например, аргуажьэ «рогожа» (русс. рогожа), арэзы «довольный» (араб. разы) и т. д., где, по его мнению, начальный гласный элемент а- является также пережиточным аффиксом, общим с абхазским⁵³.

Нам трудно добавить какие-либо дополнительные факты, подтверждающие положения К. С. Шакрыл по отношению к заимствованным словам (аргуажьэ, арэзы). Этот вопрос требует специального исследования.

В специальной литературе установлено, что особенностью адыгских языков является неупотребление согласного р в начале слова. Поэтому употребление аффикса а- в таких словах считается наращением⁵⁴.

Однако интересным в абхазском и абазинском языках является то, что в ряде слов с начальным согласным р артикль а- также находится в окаменелом состоянии.

⁵⁰ Адыгейские слова взяты из кн.: «Толковый словарь адыгейского языка». Майкоп, 1960.

⁵¹ А. Dirr. Die Sprache der Ubychen. Leipzig, 1928, стр. 72.

⁵² Н. Vogt. Указ. соч., стр. 151, 195.

⁵³ К. С. Шакрыл. Указ. соч., стр. 314.

⁵⁴ См.: А. К. Шагиров. Очерки по сравнительной лексикологии адыгских языков. Нальчик, 1962, стр. 30.

Ср. Арбаџь (абх.)||арыба (абаз.) «петух», арцына (абх.-абаз.) «курица», арцыш (абаз.) «ящерица», арма (абх.-абаз.-убых.) «левый»⁵⁵, арџыс «парень», ардэына «дрозд» (абх.) и др. Например: ...Иахьагьы иахэит ардэына-к ашэа... «Сегодня также поет какой-то дрозд» (Д. Гулиа. Ифымтакуа, II-тэи атсм, стр. 32).

Здесь артикль а- в слове «дрозд» представлен с нулевым значением и поэтому он не выпадает с прибавлением неопределенного артикля -к.

Вышеуказанное соображение об историческом наличии определенного артикля а- в адыгских языках можно подтвердить на основе анализа некоторых топонимических названий, фамилий, а также самоназвания адыгэ «адыг», в которых начальным элементом является а- (об этом см. ниже).

Исходя из вышеприведенных фактов, а также учитывая то обстоятельство, что в близкородственных (в абхазском, абазинском и убыхском) языках действует до настоящего времени префиксальный артикль а-, мы полагаем, что адыгские языки прошли этот этап артиклевого цикла и вступили в новый цикл — цикл суффиксированных артиклей -р, -м.

Переход из одного артиклевого цикла в другой хорошо известен из истории ряда языков. Так например, установлено, что в венгерском языке некогда имелись неопределенное и определенное склонения и определенность выражалась постпозитивным артиклем. В настоящее время этот древний вид артикля исчез, его можно найти в виде реликта в окончании винительного падежа. Новый цикл представлен в лице современного определенного артикля а, az⁵⁶.

Как отмечалось выше, этот процесс продолжается в настоящее время в диалектах абазинского языка.

Толчком к образованию постпозитивных артиклей -р и -м могло послужить изменение синтаксиса простого предложения — перемещение определения к определяемому слову с препозиции в постпозицию.

Из литературы известно, что во многих языках, обладающих постпозитивным артиклем, положение его в постпозиции связывается с процессом перемещения определения с препозитивного положения в постпозицию. Так объясняется постпозитивный артикль в румынском, армянском языках⁵⁷.

⁵⁵ См.: «Абазинско-русский словарь», стр. 83—84; Н. Vogt. Указ. соч., стр. 85.

⁵⁶ См.: Б. А. Серебренников. Указ. соч., стр. 180.

⁵⁷ См.: Р. А. Будагов. Функции личных местоимений в современном румынском языке. «Изв. АН СССР», т. VII, 1948, стр. 136; Э. Г. Туманян. Артикли в современном армянском языке. Ереван, 1963, стр. 35—36.

Однако следует отметить, что указательные местоимения в современных адыгских языках, из которых, как предполагают, произошли артикли **-р**, **-м**, обычно занимают препозитивное положение по отношению к определяемому слову. Но исторически, вероятно, они могли занимать и постпозитивное положение.

Наглядным примером возможности для указательных местоимений стать суффиксированными могут служить в абхазском и абазинском языках сами указательные местоимения **ар-и** «этот», **ан-и** «тот», **у-и** «то», где суффиксальная морфема **-и** является местоименным элементом (из местоимения **й-ара** «он, тот»)⁵⁸.

В специальной литературе генезис артиклей **-р**, **-м** решается в пользу местоименного происхождения.

Так, впервые Ж. Дюмезиль увязывает происхождение морфемы **-р** с суффиксальным детерминантом, который широко представлен в адыгских и абхазском языках. Он пишет: «Происхождение этого **-р** ясно. Эта частица, которую мы находим то в виде полной формы **-ри**, **-ры**, то в сокращенной форме **-р**, присоединяемой как суффикс к личным и указательным местоимениям, абаз. **сэ-ри** «я», **о-ри** «ты», **а-ри** или **а-р** «тот, он»...

Аналогичные указательные суффиксы встречаются в абхазском языке в местоимениях **са-ра** «я», **уа-ра** «ты» и т. д., **а-ри**, **аб-ри** «этот», **уб-ри** «тот»⁵⁹.

Н. Яковлев и Д. Ашхамаф считают морфему **-р** по происхождению местоименной. Они пишут: «Суффикс прямого падежа **-р** в современном адыгейском языке не сохранился в качестве отдельного слова — местоимения. Однако местоименное происхождение этого аффикса ясно из сопоставления его с местоименным префиксом, выражающим лицо орудного и отчасти дательного дополнения в составе глагола. В шапсугском диалекте этот префикс в виде **рэ** — употребляется в качестве показателя 3 л. обоих чисел непродуктивного субъекта в сложном спряжении (в том случае, если этот субъект в предложении словесно не выражен перед глаголом), когда в литературном языке мы имеем отсутствие субъ-

⁵⁸ См.: К. В. Ломтатидзе. Об историческом единстве указательных местоимений и наречий места в абхазском языке. «Труды Абх. НИИ», т. XXV. Сухуми, 1954.

⁵⁹ G. Dumézil. Etudes comparatives sur les langues caucasiennes du Nord-Ouest, стр. 36-37.

ективного префикса: шапс. **рэ-кйагъэ**, лит. **кйагъэ** — «потел»; шапс. **рэ-дагъэ**, лит. **дагъэ** — «шил» (вообще) и т. д.»⁶⁰

У Г. В. Рогава находим генезис морфемы **-р**, даваемой в двух редакциях. В первой редакции нет прямого указания на происхождение его из местоимения. Он пишет: «Определенный суффикс **-р** (resp. падежное окончание) в адыгских языках, надо полагать, является древнейшим детерминативным суффиксом, который генетически увязывается с классным по происхождению экспонентом — префиксом **р-**»⁶¹.

Наибольшее внимание заслуживает вторая редакция генезиса морфемы **-р**. «Можно допустить, — пишет Г. Рогава, — что суффикс **-р** местоименного происхождения, хотя такого местоимения нет в современном адыгейском языке. Возможно, что такое местоимение налично было в адыгских языках в виде **-лэ**, который мог перейти в **-рэ**; ср. абх. местоимение **ла-ра** «та (женщ.)» и убых. **ла-гъэ** «здесь»⁶².

Как видно из вышеизложенного материала, в целом адыговеды приходят к единодушному мнению о происхождении **-р** из местоимения.

Генезис морфемы **-м** решается аналогичным же образом. Н. Яковлев и Д. Ашхамаф указывают на то, что формант **-м** находится в несомненной связи с местоименными указательными корнями **мы** «этот», **мо** (**мэ-у**) «тот»⁶³.

Г. В. Рогава, соглашаясь с мнением, существующим по данному вопросу в специальной литературе, пишет: «Указательное местоимение в функции определителя имени в действительности могло стать падежным формантом. Этим объясняется тот факт, что формант эргатива **-м** имеет функции как падежа, так и определения»⁶⁴.

По мнению Г. В. Рогава, морфема **-м** идет из более древней формы **-мэ**. Он пишет: «Первоначальным видом аффикса **-м** надо считать **-мэ**, который сохранен, с одной стороны, в моздокском диалекте кабардинского языка — **ныбжьэгъу-мэ** «сосед» (в эргативном падеже), а, с другой стороны, в адыгейском языке в функции множественного числа того же эргативного падежа — **кIалэ-мэ** «мальчик»⁶⁵.

⁶⁰ Н. Яковлев, Д. Ашхамаф. Указ. соч., стр. 391—392.

⁶¹ Г. В. Рогава. К вопросу о структуре именных основ и категориях грамматических классов в адыгских (черкесских) языках. Тбилиси, 1956, стр. 102.

⁶² Г. В. Рогава, З. И. Керашева. Указ. соч., стр. 67.

⁶³ Н. Яковлев, Д. Ашхамаф. Указ. соч., стр. 391.

⁶⁴ Г. В. Рогава, З. И. Керашева. Указ. соч., стр. 67.

⁶⁵ Г. В. Рогава. К вопросу о структуре именных основ... Тбилиси, 1956, стр. 110.

Мы полагаем, что артикль **-м** в адыгских языках имеет общую генетическую связь также с указательной частицей **ба** в абхазском и абазинском языках. Интересно, что эта частица **ба**, включенная в указательные местоимения, придает им функцию конкретного указания на интересующий говорящего предмет. Ср. **ари** «этот», **абри** (<**а-ба-ри**>) «вот этот»; **ани** «тот», **абни** (<**а-ба-ни**>) «вон тот»; **уи||ауи** «то», **убри||а-ба-уи** «вон то».

Эту указательную частицу **ба** следует видеть в измененном виде и в указательных местоимениях **мы** (**мы-р**) «этот», **мо** (**мо-р**) «тот» в адыгских языках. Это предположение подтверждается тем фактом, что указательное местоимение **мо** (**мо-р**) построено по принципу построения абхазо-абазинских указательных местоимений. В специальной литературе интересующее нас указательное местоимение **мор** выводят из: **мы-уэ-р**, т. е. из: **мы** — «этот» и **уа-р**, сохраняющегося в адыгейском **бжед.**, шапс.: **у-р** «тот» и оно увязывается с абх.-абаз. **у-й||а-уй** «тот»⁶⁶. Ср. абаз. **абауй** «вон тот» из: **а-ба-у-й**, где **ба** указательная частица, **а-у-й** (абаз.) «тот», абх. **у-й** (й — также является указательным элементом из **йа-ра** «он, тот»).

Фонетический переход **б > м** вполне возможен в этих языках. В диалектах абхазского языка параллельно **а-б-ни** встречается форма **а-м-ни** «вон тот»⁶⁷. Ср. также абх. **амыстхуага** «мешалка (для размешивания мамалыги)»; **амызкатах** **абызкатаха** «паутина».

Наконец, следует остановиться на вопросе о первоначальной функции морфем **-р**, **-м**. Этот вопрос является принципиально важным и для общей теории артикля.

Среди адыговедов нет исследователей, которые отрицали бы двойственную функцию морфем **-р**, **-м**, если не считать Т. М. Борукаева, который не признавал за этими морфемами падежной функции, видя в них только функцию определенности⁶⁸.

Разделяя мнение адыговедов о том, что в современных адыгских языках морфемы **-р**, **-м** имеют две функции — функцию падежа и определенности, мы считаем вполне оправданным их изучение как в плане падежа, так и в плане артиклевой функции.

⁶⁶ См.: Н. Ф. Яковлев. Краткая грамматика кабардино-черкесского языка. Ворошиловск, 1938, стр. 107.

⁶⁷ См.: М. Циколиа. Абжуйский диалект абхазского языка. «Труды Абх. НИИ», т. XXVIII, Сухуми, 1957, стр. 245.

⁶⁸ См.: Т. М. Борукаев. Грамматика кабардино-черкесского языка. Нальчик, 1932, стр. 24 — 25.

Следует согласиться и с тем, что первичная и более древняя функция этих морфем — функция определенности⁶⁹, а падежная функция — вторичное явление⁷⁰.

Первым и основным фактором, говорящим о первичности артиклевой функции, можно считать отсутствие их (**-р**, **-м**) у имен собственных, а также у личных местоимений 1 и 2 лиц. Поскольку они сами по себе, т. е. по своей семантике, определены и не нуждаются в артиклях.

Это явление встречается и в европейских языках (например, в немецком, французском и др.), где также отсутствует артикль.

На этот серьезный аргумент указывал еще Т. М. Борукаев, когда он отрицал вообще падежную функцию у этих морфем в кабардинском языке⁷¹. Приведем примеры:

Адыг.

Каб.

Аскарбий мэзым шылагъ.

Аскарбий мэзым шылащ.

«Аскарби был в лесу».

(Д. Ашъхъэмаф. Букварь, стр. 26).

Аслъан лъэрыгъэм рэчъэ.

Аслъан лъэрыжэм ирожэ.

«Аслан катается на коньках (букв. «бежит»)».

(Там же, стр. 27).

Сэ школым сэко.

Сэ школым соклуэ.

«Я иду в школу».

Сэ шъо шъусэгъашхэ.

Сэ фэ фызогъашхэ.

«Я вас кормлю».

В пользу первичности артиклевой функции говорит также отсутствие артиклей (**-р**, **-м**) в адыгейском языке при наличии притяжательных аффиксов перед именем существительным. Приведем примеры:

Нухъ **ы-шъхъэ** къыІэти старостым къеплъызэ джауап рытыжыгъ.

«Нух поднял свою голову и, глядя на старосту, дал ему ответ».

⁶⁹ См.: Г. В. Рогава, З. И. Керашева. Указ. соч., стр. 60.

⁷⁰ См.: Г. В. Рогава. К вопросу о структуре именных основ... Тбилиси, 1956, стр. 102.

⁷¹ См.: Т. М. Борукаев. Указ. соч., стр. 24 — 25.

Шъузым иллы кыфигъахыгыъ телеграммэр кыдыхыгъ.

«Женщина достала присланную ей мужем телеграмму»⁷².

Отсутствие падежных аффиксов -р и -м в именах «голова», «муж» с притяжательным аффиксом объясняется тем, что такие имена уже являются определенными (ср. нем. mein Kopf, meine Schwester).

Обращает на себя внимание еще один интересный факт, говорящий о первичности артиклевой функции -р и -м. Мы имеем в виду то, что в адыгских языках имя существительное во множественном числе в отличие от европейских языков всегда представлено в определенной форме, т. е. с артиклем -р или -м. Например: кIалэ «юноша», кIалэ-хэ-р||кIалэ-хэ-м «юноши»; лIыжь «старик», лIыжь(ы)-хэ-р||лIыжь(ы)-хэ-м «старики».

О том, что с употреблением -р и -м с именем существительным во множественном числе связано именно выражение определенности, говорит тот факт, что они отсутствуют в собственных именах в форме множественного числа. Ср. Мухъэмэд-хэ я дэж «у Мухамеда (в его семье)». Нэгъуей-хэ я унэ «Нагоевых дом»⁷³.

Это явление характерно также и для абхазского, абазинского и убыхского языков.

Абаз.

Абх.

А-пионер-ква йацы РТС
йыъан...

А-пионер-цэа ецы РТС
афы икан...

«Пионеры (опред.) вчера были в РТС...».

Убых.: чы «лошадь», а-чы-на «лошади», пхъадыку «девушка», а-пхъадыкуы-на «девушки» и т. д.

Но в абхазском и абазинском языках, как уже указывалось, неопределенный артикль -к может сочетаться и с именами во множественном числе, а в адыгских и убыхском языках сочетания частицы зы, за с именами во множественном числе исключены.

⁷² Примеры взяты из статьи: А. К. Шагиров. Сравнительная характеристика системы склонения в адыгских языках. М., 1961, стр. 62.

⁷³ Примеры взяты из работы: Б. М. Карданов. Грамматический очерк кабардинского языка. М., 1957.

Говоря о первичности артиклевой функции морфем -р и -м, нельзя не заметить, что артикли, придя на смену древнему префиксальному артиклю а-, также достигли своего полного развития и теперь в них намечается процесс отмирания артиклевой функции в пользу функции падежа.

Это явление отмечено в недавно вышедшей «Грамматике адыгейского языка». Авторы пишут: «В развитии морфологии адыгейского языка функция определения уступает место функции падежа»⁷⁴.

Об этом явлении говорит факультативное употребление морфем -р и -м с именами существительными собственными, с именами нарицательными при наличии перед ними притяжательных аффиксов, а также с неопределенным местоимением горэ||гуэрэ и т. д.

Следует здесь же отметить, что этот морфологический процесс происходит неравномерно в адыгских языках; более интенсивно этот процесс совершается в кабардинском языке, где форманты -р, -м распространились и на имена существительные с притяжательными аффиксами. С другой стороны, более интенсивной утере артиклевой функции подвержена морфема -м, которая намного чаще сочетается с неопределенным местоимением горэ||гуэрэ и полностью теряет артиклевую функцию (примеры сочетания -м с местоимением горэ||гуэрэ см. в I главе). Приведем примеры, подтверждающие раннееизложенное мнение:

Адыг.

Каб.

Пчэдыжым Есымкъо
Есхъоты-р шакIо кIуагъэ.

Пщэджыжым Есымкъуэ
Есхъуэты-р шакIуэ кIуаш.

«Утром (наш) Есымаков Эсхот отправился на охоту».
(Лъ. Юсыф. Къушхъэр къэнэфы, стр. 27).

Каб. Ди бригадиры-р хуабжыу лэжъэкIуэфIш.
«Наш бригадир очень хороший работник».
(«Грамматика кабардино-черкесского литературного языка», 1957, стр. 185).
Нагъуэу си щIалэ-р къэкIуэжаш.
«Вернулся мой сероглазый сын».
(Там же, стр. 184).

Здесь интересно также отметить, что адыгские языки начинают повторять этап, пройденный картвельскими языками.

⁷⁴ Г. В. Рогава, З. И. Керашева. Указ. соч., стр. 67.

Как известно, в картвельских языках нынешние падежные аффиксы **-и** (именительный), **-м** (эргативный) исторически выражали и функцию артикля, а в настоящее время они полностью потеряли эту функцию⁷⁵.

III. УПОТРЕБЛЕНИЕ ОПРЕДЕЛЕННОГО АРТИКЛЯ

1. Употребление определенного артикля с именами существительными собственными

а) Употребление определенного артикля с именами собственными, личными

Имена существительные собственные представляют собой особый структурно-семантический разряд существительных по сравнению с именами нарицательными. Особым является и их отношение к артиклю.

Имена существительные, личные в абхазо-адыгских языках не имеют определенного артикля как постоянного, обязательного сопровождения существительного.

По мнению О. И. Москальской, отсутствие определенного артикля у имен собственных в немецком языке связано с отсутствием обобщающего характера, присущего именам нарицательным. Она пишет: «Отсутствие у имен собственных обобщающей функции и есть причина отсутствия у них категории определенности и неопределенности и, следовательно, артикля»⁷⁶.

Но несмотря на это, как и в немецком языке, определенный артикль может употребляться факультативно с именами собственными в адыгских языках, что исключено в абхазском и отчасти в абазинском.

Распространение определенного артикля на имена собственные в адыгских языках, как уже указывалось, объясняется наличием второй (падежной) функции у морфем **-р** и **-м**.

Благодаря этому определенные артикли **-р** и **-м** при имени собственном выполняют структурные функции, а именно, указывают на синтаксические связи слов в предложении. Однако и здесь морфемы **-р** и **-м**, как справедливо указывает А. Шагиров, не теряют своего определительного значения⁷⁷.

⁷⁵ См. об этом подробно в работе: Г. А. Климов. Склонение в картвельских языках в сравнительно-историческом аспекте. М., 1962, стр. 36, 120.

⁷⁶ О. И. Москальская. Грамматика немецкого языка. М., 1956, стр. 136.

⁷⁷ А. К. Шагиров. Сравнительная характеристика системы склонения в адыгских языках. М., 1961, стр. 61.

Адыг. Пшы **Къамболэты-м** шъынэ ыукIи, **Айдэмыркъаны-р** къаригъэшагъ.

«Князь **Камболет** зарезал ягненка и привел **Айдамыркана**».

(«Грамматика адыгейского языка», 1966, стр. 63).

Трамы-р шэси, шымэ альежъагъ.

«**Трам** сел на лошадь и поехал вслед за конями».

(Там же, стр. 63).

Каб. ГуфIэгъуэ мыхыжыр зыгъуэта нартхэм лъэлукIэ ирагъэблэгъаш лы и лыж **Батэрэзы-р**.

«Нарты, получившие бесконечную радость, просьбой пригласили **Батараза**, мужа мужей».

(«Грамматика кабардино-черкесского литературного языка», 1957, стр. 191).

В своей статье А. К. Шагиров указывает на ряд случаев употребления определенного артикля при именах собственных, личных в адыгских языках.

«Оформление собственных имен, — пишет он, — чаще всего осуществляется в устных рассказах, когда слушающие лично не знакомы с лицами, о которых повествует говорящий, когда собственное имя, будучи определенным по своей семантике, является лично неопределенным для говорящего и слушающих или только для слушающих. Начиная свой рассказ о каком-либо лице, рассказчик берет его имя в неопределенной форме, но в процессе рассказа, при последующем упоминании об этом лице, он начинает употреблять его имя в определенной форме, указывая тем самым, что речь идет о названном выше лице.

Собственные имена в определенной форме употребляются также и тогда, когда при них имеются относящиеся к ним определительные слова. Например: **Мы Хьэсэнэм** игугъэр сщIарэт! «Хотел бы я знать, что думает **этот Хасан!**». В данном случае речь идет об определенном человеке — **Хасане**.

Собственные имена употребляются в определенной форме иногда в стилистических целях, в целях оживления рассказа. Это бывает тогда, когда действие, совершаемое персонажами рассказа, развивается интенсивно, напряженно. Например, в кабардинском: Пшы ебгъэжъыр къакIуэу щилъагъум, **Къамботым** сэшхуэр къырихаш. «Увидев, что идет князь-деспот, **Кембот** выхватил саблю»⁷⁸.

⁷⁸ А. К. Шагиров. Там же.

В «Грамматике адыгейского языка» отмечается, что имена лиц со сложной основой, в состав которых входят нарицательные имена (**кьо** «сын», **пшы** «князь» и т. д.), обычно употребляются с морфемами **-р** или **-м**⁷⁹. Например:

Дэгъотлы-кьо-м гушыIэр кыублагъ.

«**Доготлуко** начал речь».

(«Грамматика адыгейского языка», 1966, стр. 64).

Хьаткьо-кьо-р ежьэжьы кложьыгъэ.

«**Хаткоко** отправился и возвратился (к себе)».

(Там же).

Болэты-кьо-м икьэклогъум хьакIэщым цыфэу исыгъэ шыIагъэп.

«В этот раз, когда **Болотко** пришел, в кунацкой почти не было людей. (Там же).

Употребление определенного артикля в приведенных именах «Доготлуко», «Хаткоко», «Болотоко», на наш взгляд, можно объяснить тем, что здесь мы имеем ранние фамильные имена, превратившиеся в имена лиц, а поскольку адыгские фамилии обычно употребляются с артиклем, то эти имена лиц по традиции принимают определенный артикль (см. подробно ниже).

Употребление определенного артикля в некоторых именах лиц типа **Шумафэ** — имя мужчины (букв. «Добрый всадник») объясняется, видимо, происхождением из нарицательных имен, например:

Шумафэ-р кьэнэхъэжьы.

«**Шумаф** приходит в себя».

(«Грамматика адыгейского языка», 1966, стр. 64).

Однако и такие имена лиц в адыгских языках могут выступать без определенного артикля:

— МашIо схьыщт, — ыIуагъ **Саусыры-кьо**.

«— Огонь я понесу, — сказал **Сосрыко**».

(«Грамматика адыгейского языка», 1966, стр. 64).

Для абазинского языка употребление определенного артикля **а-** с именами собственными личными является не характерным, но в отдельных случаях его употребление возможно. Так, например, в одном тексте абазинского языка мы встретили употребление определенного артикля в имени **Адамей**.

Аколхозник **Адамей** аБруль ацIайхIван, мышI гара абна далацатI.

«Колхозник **Дамей** запряг Бруль и отправился в лес за дровами».

(«Абаза бызшвала букварь», стр. 140).

В этом предложении обращает на себя внимание личное имя **Адамей** — имя мужчины, в котором в начальном аффиксе **а-** следует видеть определенный артикль, который потерял свое значение и теперь стал частью собственного имени.

Что в действительности мы имеем здесь дело с застывшим определенным артиклем говорит абхазский язык, где это имя фигурирует только в форме **Дамей**, т. е. без аффикса **а-**.

В современном абазинском языке личные имена часто оформляются инфинитным аффиксом **-з**, который выступает в роли определенного артикля. Например:

Ашх. **СамкIапIикIа-з** дышцоз бжьыгIвтщца дрыквсвитI.

«**Самкапико** (опред.) встретил семь всадников»⁸⁰.

В абазинском языке определенный артикль **а-** часто употребляется с кличками животных, что исключено в абхазском языке. Например:

Апхъа йгылата ныхъваща бзила йахъуа йцуз **а-Чоки** **а-Шали** Къарашта кыт хIнарыларгатI.

«Впереди стоявшие **Чоки** и **Шали**, шагавшие стройным шагом, вошли в село Карашат».

(Къ. Джьгватан. Гъын паса, стр. 57).

Ср. Ай, **Чоки Шали** уахъа сгIата дрыдзтI...

«Ай, **Чоки** и **Шали** вчера подвели меня...»

(Там же, стр. 48).

б) Употребление определенного артикля с фамилиями

В абхазском и абазинском языках определенный артикль систематически употребляется с фамилиями, если они использованы не в роли обращения и вне сочетания с именем лица. Например:

Абх. Х-командир, **Мрамба Кубзач** ахапа иматэа хучкуа итынхаз шаны иритеит ишызцэа-даларгуалашэарц азы. Урт руазэы иаут **А-мрамба** иартмак.

⁸⁰ Пример взят из работы: К. В. Ломтатидзе. Ашхарский диалект... Тбилиси, 1954, стр. 96(328).

⁷⁹ Г. В. Рогава, З. И. Керашева. Указ. соч., стр. 64.

«Оставшиеся вещи **Мрамбы Кубзача** наш командир роздал товарищам, чтобы они поминали его. Один из них получил сумку **Мрамбы** (опред.)».

(М. Лакрба. Аламыс, стр. 205).

В первом предложении фамилия «Мрамбы» представлена с нулевым артиклем, поскольку наличествует имя лица, т. е. носитель этой фамилии — **Кубзач**. Во втором предложении имя лица отсутствует, а фамилия «Мрамба» представлена с определенным артиклем **а-**.

— Азин ит абри **А-шамба** чкун аеы ирхумаррац.

«— Дай разрешение этому **Шамбе** (опред.), чтобы он поиграл на лошади».

(М. Лакрба. Аламыс, стр. 169).

Ср. Ах **Шамы Синат** хамтас итеит иреибыз аеыцбар. «Царь дал **Шамбе Синату** в качестве дара самую лучшую лошадь». (Там же).

Ицан дааргеит ашыра зуз **А-гунба**.

«Привели **Гунбу** (опред.), совершившего убийство».

(М. Лакрба. Аламыс, стр. 24).

Абаз. АхI, фашала бзита йгIвыча **а-Бибард**, амаша дталта, йымъашIахIвартадза дылагыла, анышв йкIвхIара дазадцалхатI.

«Хорошо и богато одетого **Бибарда** (опред.), князь заставил его войти по пояс в канаву и месить глину».

(Къ. Джьгватан. Гын паса, стр. 121).

В адыгских языках фамильные имена, как правило, выступают с определенным артиклем.

Адыг. Ащ лыпытэу **Воронцовы-м** сыхьатыр Хьадж Муратэ фицэигъ.

«Затем **Воронцов** (опред.) протянул часы Хаджи Мурату».

(«Грамматика адыгейского языка», 1966, стр. 65).

Каб. **Маяковскэ-м**, Советскэ Союзым и поэт иным, произведение гъуэзджэхэр итхаш.

«**Маяковский** (опред.), великий поэт Советского Союза, написал замечательные произведения».

(«Грамматика кабардино-черкесского литературного языка», 1957, стр. 191).

Къэбэрдей советскэ поэзиэм лъабжьэ гъэтIылъ хуэхъуа **ЩоджэнцIыкIу-р** цIэрыIуэу, народым фIыуэ илъагъуу щытащ.

«Основоположник кабардинской советской поэзии **Шо-генцуков** был популярным и любимым среди народов».

(«ЩоджэнцIыкIу Алий». Налшык, 1956, стр. 31).

В адыгских языках фамилии, не склоняемые в русском языке, не принимают определенного артикля, например: Гёте, Руссо, Орджоникидзе и т. д.⁸¹, а в абхазском языке фамилии других национальностей вообще не принимают определенного артикля. Нельзя сказать: **а-Маиакowski**, **а-Воронцов** и т. д.

Если абхазские и адыгские языки в употреблении определенного артикля в фамилиях в единственном числе в основном совпадают, то во множественном числе они расходятся. В адыгских языках, как правило, фамилия с аффиксом множественного числа **-хэ** не принимают определенного артикля, а в абхазском языке фамилии с аффиксом множественного числа **-куа** не могут употребляться с нулевым артиклем. Они употребляются либо с определенным артиклем, либо с неопределенным.

Каб. **Къанокъуэ-хэ** я къуажэр Псыжь адрыщIкIэ къыщыст «Селение **Канокowych** стояло за рекой Псыж».

(«Грамматика кабардино-черкесского литературного языка», 1957, стр. 193).

Ар зэгуэрым **Устэкъуэ-хэ** я деж щIыхъэгъат.

«Однажды он зашел к **Устаноковым**». (Там же).

Абх. Аслангъари **А-гунба-куа** дыртан.

«Аслангъари гостил у **Гунбовцев**».

А-цъыкырба-куа еицны шэарацара ицеит.

«**Джикирбовцы** отправились на охоту».

Здесь артикль **а-** вместе с суффиксом **-куа** служит для обозначения всей семьи «Гунбовых» и «Джикирбовых» в целом.

Это явление характерно для немецкого и английского языков, где также употребление фамилий во множественном числе без определенного артикля совершенно невозможно.

Так, например, в фамилии the Browns, по мнению Б. А. Ильиша, «определенный артикль выражает в сочетании с суффиксом множественного числа своего рода замкнутый «предмет», т. е. объединенность нескольких человек, носящих фамилию Brown, в некую мельчайшую социальную единицу»⁸².

В абхазском языке имеется еще одна форма множественного числа фамилий, а именно: с суффиксом **-аа** в значении собирательности. Поскольку фамилия с этим суффиксом приобретает значение неопределенного количества, употреб-

⁸¹ Г. В. Рогава, З. И. Жерашева. Указ. соч., стр. 65.

⁸² Б. А. Ильиш. Современный английский язык. М., 1948, стр. 122.

ление определенного артикля в этом случае немыслимо. Такая форма обычно употребляется с нулевым артиклем. Например:

Чакуари-аа ркамбашь егъацэабуон егъакуахауан.
«Буйвол **Чакуариновых** пахал также и топтал». (Посл.)
Иаант **Гун-аа** рахьнтэ ху-фык ахацэа.
«Пришли от **Гунбовых** пятеро мужчин».
(М. Лакрба. Аламыс, стр. 24).

Адыгские фамилии с **-хэ** семантически совпадают с данной абхазской формой.

В абхазском языке имеется ряд фамилий, в которых определенный артикль **а-** находится в окаменелом состоянии, т. е. он составляет часть фамильного имени, уже обычно выделяемую и потерявшую свое значение. Почти все эти фамильные имена произошли из нарицательных имен и сохраняют определенный артикль. Таковы:

А-баху-ба «Абахуба» (<а-баху — «утес»);

А-рыш-ба «Аршба» (<а-раш — «клен»);

А-цъ-ба «Аджба» (<а-цъ — «дуб»)⁸³ и др.

На примере фамилий **А-жьиба** «Ажиба» и **А-хьиба** «Ахиба» можно наглядно показать, как происходила утрата морфемой **а-** артиклевого значения и слияние его с фамилиями указанного типа.

Фамилии **Ахиба** и **Ажиба**, как и ранее названные фамилии, по своему происхождению являются нарицательными именами: **Ажьиба** восходит к слову **а-жьи** «кузнец», а **Ахьиба** — к слову **а-хьи** «золоточеканщик». Хотя в этих фамилиях артикль **а-** уже потерял свое значение, но он еще полностью не слился с ними. Об этом говорит закономерное отсутствие его в собирательной форме: **Жьи-аа** «Ажибовы», **Хьи-аа** «Ахибовы».

Следует думать, что в некоторых адыгских фамилиях сохранился определенный артикль **а** в окаменелом виде (как и в уже названных абхазских фамилиях). Таковыми фамилиями являются, на наш взгляд, фамилии: **Аулъ** «Аутлев», **Ацумыжъ** «Ачмызов», **Ахцуэкъу** «Ахцуков», **Андрыхъуай** «Андрыхуай» и т. д.

⁸³ Г. Ф. Чурсин. Материалы по этнографии Абхазии. Сухуми, 1957, стр. 133.

в) Артикли при географических названиях

В абхазском и абазинском языках географические названия, например, названия городов, населенных пунктов, гор, рек и местностей употребляются без определенного артикля, как и имена личные. Например:

Пъсхэы, Санчара, Нахар, Клухор ухэа ашьха ахы-
цыртакуа реы нахьабалакъ иааны итэан арахь Аџс-
ныка иаахыџшуа.

«**Псху, Санчара, Нахар, Клухор** — все горные перевалы были заняты ими (т. е. немцами) и (которые) оттуда смотрели на Абхазию».

(М. Лакрба. Аламыс, стр. 178).

В адыгских языках, как и в абхазском, географические названия в большинстве случаев употребляются без определенного артикля. Например:

Каб. **Бахъсэни, Балкъи, Шэджем**и — псы уэр дыдэхэщ.

«И **Баксан, и Малка, и Чегем** — реки с довольно быстрым течением».

(«Грамматика кабардино-черкесского литературного языка», стр. 206).

Но в адыгских языках названия стран, местностей могут иметь и определенный артикль, а административно-территориальные названия, как правило, принимают определенный артикль.

Каб. **Европэ-м** псыежэхыу илэ псом нэхъра Волга нэхъ инщ нэхъ кIыхьщ.

«Волга больше и длиннее всех рек **Европы**».

(«Грамматика кабардино-черкесского литературного языка», стр. 205).

Севернэ Кавказы-м икIуэцIкIэ гражданскэ зауэр зэман кIыхькIэ лъы куэд шагъажэу екIуэкIа зауэщ.

«На **Северном Кавказе** гражданская война была кровопролитной и продолжительной».

(Там же, стр. 151).

Адыг. Джыри о **Усть-Невинскэ-м** укъэкIожьыгъ.

«И опять ты вернулся в **Усть-Невинскую**».

(«Грамматика адыгейского языка», 1966, стр. 65).

Боливи-м лъыр шагъачъэ.

«В **Боливии** проливают кровь».

(«Социалистическая Адыгея», 1966, 11 июня, стр. 4).

Америкэ-м жьыбгъэшхо щыIагъ.

«В **Америке** сильный ураган». (Там же).

Определенный артикль в приведенных примерах не противопоставлен никакой другой форме и не связан с выражением определенности или неопределенности. Здесь употребление морфемы **-м** скорее всего связано с выражением категории падежа.

В абхазском языке определенный артикль употребляется с географическими названиями, если перед ними наличествует определение, выраженное именем существительным. При этом артикль прибавляется к определению.

Зеиџыџамамыз арџысын Азын Темыр. **А-кыта Цыгьарда** дынхон.

«Адзын Темыр был прекрасным парнем. Он жил в селе **Джгерда**».

(М. Лакрба. Аламыс, стр. 136).

В адыгских языках подобные конструкции представлены без определенного артикля.

Адыг. **Къалэу Оуруо** Юфхэр къышыхьылъагъэх, военнэ хунтэм иполитикэ зэрымгъэразэхэрэр цыфхэм къаю.

«В городе **Оуруо** сложилось напряженное положение, массы выражают недовольство политикой военной хунты».

(«Социалистическая Адыгея», 11 июня, стр. 4).

В абхазо-адыгских языках определенный артикль употребляется при именах существительных собственных — географических названиях, если они употреблены в нарицательном значении.

Абх. **А-ткварчалтэ Хуат** уака дтазаарын.

«Видимо, **ткварчельский Хуат** находился там (внутри)».

(Д. Гулиа. Ифымтакуа, II-тэи атом, стр. 218).

Каб. **Налшыкы-р** теклуаш. «Нальчик победил». **Бахъсэны-м** жиаш. «Баксан сказал».

(«Грамматика кабардино-черкесского языка, 1957, стр. 47).

Здесь речь идет не о городе, не о селе, а о представителях **Ткварчели**, **Нальчика** и **Баксана**.

Если в современных абхазо-адыгских языках употребление или неупотребление определенного артикля с географическими названиями не представляет существенного научного интереса с точки зрения исторического единства этих языков, то рассмотрение этого вопроса в диахроническом плане дает богатый материал для суждения об общности этих языков по данной грамматической категории, а также древности самой категории. Следует учесть, что некоторые из географи-

ческих названий зафиксированы античными авторами, например: **Акампис**, **Арипса**, **Апсареа** и др.⁸⁴.

Особый интерес среди них представляют те топонимические названия, которые в своем составе содержат префиксальную морфему **а-**. Эта морфема (исторически определенный артикль) некогда, на наш взгляд, была общей для всех абхазо-адыгских языков. Ныне отсутствующая в адыгских языках, она (т. е. артикль **а-**) обнаруживается в топонимических названиях на территории распространения этих языков и за ее пределами в окаменелом виде.

Анализ абхазо-адыгских топонимических названий показывает, что в историческом прошлом употребление — неупотребление определенного артикля с топонимическими названиями подчинялось иному принципу, чем в современных языках.

Исходя из имеющегося материала, топонимические названия (особенно абхазские топонимы) с точки зрения исторического употребления и неупотребления с ними артикля можно разделить на две группы:

1. Названия рек и озер, как правило, за исключением некоторых единичных названий, представлены без артикля. Например: **Бзыџ** „Бзыбь“, **Пъсоу** „Псоу“, **Пъсырзха** „Псырдзха“, **Кудры** „Кодори“, **Мчышь** „Мчыш“, **Дџамшь** „Дгамш“, **Тоумышь** „Тоумыш“ и т. д.; убых. гидронимы: **Бзугу** „Бзгу“, **Мзымта** „Мзымта“ и т. д.; адыг. гидронимы: **Мэкъупсы** „Макопсе“, **Псыбэпс** „Псебепс“, **Псэкъупс** „Псекупс“, **Шэпса** „Шепси“ и т. д.

2. Названия местностей, сел, гор и возвышенностей, лесов; большинство из них, как правило, представлено с морфемой **а-**. Например: **Аџшьдэаны** „Апшдваны“, **Акуа** „Сухуми“, **Анхуа** „Анухва“, **Атара** „Атара“, **Азџбжъа** „Адзюбжа“, **Алра** „Алра“, **Арасазыхь** „Арасадзых“, **Абџархыку** „Абгархыку“ и т. д.; название гор и возвышенностей: **Азмаскья** „Адзмаска“, **Аџха** „Атшха“, **Аџура** „Агура“, **Абыстыку** „Абыстыку“ и т. д.; адыг. топонимы: **Афыпсып** || **Афыпс**, **Ашэбей** — старое название села Малки, **Агуй**, **Ашэ** — название поселка, **Афэбг** — название горы и т. д.

Чтобы убедиться, что именно в названных топонимических названиях префиксальная морфема исторически являлась определенным артиклем, рассмотрим некоторые из них:

⁸⁴ См.: З. В. Анчабадзе. История и культура древней Абхазии. М., 1964, стр. 123.

абх. **Апшьдэаны** „Апшдваны“ (селение) < **а-пшь** „красный, -ая, -ое“ + **(а)дэаны** „в поле“ (букв. „в красном поле“). **Азобжьа** „Адзюбжа“ (селение) < **а-зы** „вода“ + **о-ба** „два“, + **(а)бжьа-ра** „между“ (букв. „между двумя реками“). **Арасазыхь** „Арасадзых“ (селение) < **а-раса** „мелкий орех“ (ср. **раса-к**) + **(а)зыхь** „родник“ (букв. „орешниковый родник“).

Акуа — местное абхазское название города Сухуми, название, которое сохранилось до сегодняшнего дня, сосуществуя вместе с другими названиями, даваемыми различными пришельцами⁸⁵. Название Акуа Услар возводит к слову **а-куа-ра** «берег, дельта»⁸⁶.

Это подтверждается тем, что город этот возник на месте дельты рек Келасури и Гумисты, рек, которые тогда впадали в море прямо против нынешнего Сухуми, т. е. **Акуа**⁸⁷.

Потеря аффикса **-ра** для топонимических названий является вполне реальным. Ср. с приведенным топонимом **Азобжьа**, где следовало бы иметь также форму **Азобжьара**, так как вторая часть этого топонима восходит к слову **(а)бжьа-ра** «между».

Аеха «Атшха» (название горы) < **а-еы** «лошадь» + **(а)хы** «голова» (букв. «лошадиная голова»).

Абыстыку «Абыстыку» (название возвышенности) < **а-быс-та** «мамалыга» + **(а)ку** «поверхность» (букв. «мамалыжья поверхность»).

Адыг. **Афыпс** «Афипс» (л. п. Кубани) < **фы** «белый, -ая, -ое» + **псы** «вода» (букв. «белая вода»)⁸⁸.

На наш взгляд, присутствие префиксальной морфемы **а-** (исторически определенный артикль) в названии этой реки объясняется наличием определения перед определяемым словом **псы** — «вода».

Агуй «Агуй» (селение) < **гу** «сердце» + **й** (суффикс принадлежности)⁸⁹. Ср. с абх. топонимом **Агу-Беди** «Агу-Беди» (селение), где первая часть также восходит к слову **а-гуы** «сердце».

⁸⁵ Л. А. Шервашидзе. Повесть о городе, взятом волнами. Сухуми, 1967 стр. 14.

⁸⁶ См.: П. К. Услар. Абхазский язык. Тифлис, 1887, стр. 157.

⁸⁷ Л. А. Шервашидзе. Указ. соч., стр. 29.

⁸⁸ М. А. Кумахов. Морфология адыгских языков, ч. I. М.-Нальчик, 1964, стр. 116.

⁸⁹ Имеется и другая этимология, см. об этом: Дж. Н. Коков. Кабардинские географические названия. Нальчик, 1966, стр. 134.

Афэбг «Афабг» (название горы) < **афэ** «кольчуга» + **бг(ы)** «гора» (букв. «Кольчужная гора»)⁹⁰.

Присутствие морфемы **а-** (исторически выступавшей в функции определенного артикля) в названных топонимических названиях объясняется происхождением их из нарицательных имен.

По сравнению с ранее приведенными топонимическими названиями, в которых наличествует морфема **а-** в окаменевшем виде, особого внимания заслуживают отмеченные нами пока два топонима — **А-чандара** «Ачандара» (название села в Гудаутском районе) и **А-цъамеыбра** «Аджамчигра» (поселок в том же районе). Эти названия употребительны и без морфемы **а-**, т. е. в нулевой форме: **Чандара** „Чандара“, **Цъамеыбра** „Джамчигра“.

В настоящее время смысловая разница между этими двумя формами почти не ощущается, поскольку морфема **а-** в форме **А-чандара**, **А-цъамеыбра** имеет нулевое значение, т. е. она потеряла артиклевое значение.

Однако нетрудно установить прежнее артиклевое значение этой морфемы. От стариков, жителей села Ачандары, нередко можно услышать такое выражение: **Чандара** иахьабалакь **Чандара** ахьзуп, аха **А-чандара** Медарадэ ауп. — **Чандара** везде называется Чандарой, но **А-чандара** есть Медварадэ“.

В этом выражении под названием «Чандара» подразумевается вообще все село с примыкающими к нему поселками, а в названии «А-чандара» — только центральное место села, а именно, Медарадово поле и прилегающие к нему окрестности.

Исходя из этих примеров, можно заключить, что исторически употребление определенного артикля с топонимическими названиями нарицательного происхождения было связано с конкретизацией названия местности, но, видимо, в связи с обобщением названия местности и появлением обобщенного значения у определенного артикля, он в некоторых названиях слился с ними, как потерявший свою функцию, а в некоторых случаях он просто выпал. Это явление особенно касается адыгских топонимов.

В этих примерах также обнаруживается древнее противопоставление определенной и неопределенной формы имени.

Далее, в топонимике Абхазии широко представлены такие сложные названия, в которых обычно отсутствует морфе-

⁹⁰ Дж. Н. Коков. Указ. соч., стр. 134.

ма а-. Это топонимы, в которых первым компонентом является фамилия, а вторым — хуа или пшы в соединении с элементом -р-, который представляет собой окаменелый аффикс притяжательного местоимения 3-го лица множественного числа. Например: **Блабырхуа** «Блабурхва», **Куланырхуа** «Куланырхва», **Чигурхуа** «Чигурхва», **Мгузырхуа** «Мгудзырхва», **Жэандрыпшы** «Звандрипш», **Гулрыпшы** «Гулрипш», **Цандрыпшы** «Цандрипш», **Багрыпшы** «Багрыпш» и др. Отсутствие морфемы а- в приведенных топонимах объясняется тем, что здесь фамилии представлены в собирательном значении. **Блабырхуа** < **блабаа** «блабовы» + **р-хуа** «их возвышенность», букв. «возвышенность Блабов»; **Жэандрыпшы** < **Жэанаа** «Званбовы» + **р-пшы** и т. д. (см. об этом выше).

Наконец, отсутствие определенного артикля в некоторых топонимических названиях объясняется их иноязычным происхождением, например: **Дранда**, **Пицунда**, **Очамчира** и др.

г) Артикль и самоназвания абхазов (апсуа), абазин (абаза) и адыгов (адыгэ)

Наряду с топонимическими названиями большой интерес представляют самоназвания абхазов (**апсуа**), абазин (**абаза**) и адыгов (**адыгэ**) для определения общности грамматической категории определенности, выражаемой с помощью префиксальной морфемы а-, а также хронологической характеристики ее. В этнониме **а-псуа** «абхаз» в отличие от других ему подобных морфема а- пока еще сохраняет артиклевую функцию. Об этом говорит тот факт, что с прибавлением неопределенного артикля -к выпадает морфема а-, ср. **а-псуа** «(опред.) абхаз», **псуа-к** «какой-то абхаз».

Смел дааччан, — сара псуа е-хучы-к сымоуп ихэеит: «Засмеявшись, Смел сказал: «Я имею **какую-то абхазскую маленькую лошадь**».

(Д. Гулиа. Ишымтакуа, II-тәи атом, стр. 295).

Атыркуэа 300 шыкуса ирзынапшуа Апсны рнапаеы икан, уи аамтазы псуа-к игуапханы иара ихала Тыркутәылака дымцар каларымызт...

«Абхазия около 300 лет находилась в руках турок и не исключено, чтобы хотя бы **какой-нибудь абхазец** за это время не переселился в Турцию по своему желанию».

(«Алашара», 1967, № 9, стр. 89).

Однако встречается и такое сочетание: **а-псуа-к**. В этом случае морфема а- теряет артиклевую функцию. Например:

Дыкан апсуа рыцха-к Адгьагу хәа.

«Жил-был **какой-то** бедный **абхаз** по имени Адгату».

(«Апсуа афольклор аматериалкуа», стр. 31).

Основу этого этнонима, т. е. **апсуа**, мы находим и в названии самой страны **Апсны** «Абхазия», а также в Карачаево-Черкесской автономной области в топонимии абазин, в названии аула **Апсыуа** «Апсуа», где наличествует также префиксальная морфема а-. В этих названиях, однако, морфема а- не имеет артиклевой функции. Отсутствие артиклевой функции в морфеме а- в обоих названиях объясняется тем, что определенный артикль здесь не может быть противопоставлен никакой другой форме, следовательно, он не связан с выражением определенности или неопределенности. Определенный артикль здесь стал неотделимой составной частью данных названий.

Это явление наблюдается и в европейских языках. Вот что пишет Б. А. Ильиш по этому вопросу в грамматике современного английского языка: «Бесспорно лексическим элементом стал артикль в составе таких названий, как **the Crimea**, **the Ukraine**. Здесь, конечно, уже нельзя искать каких-либо следов грамматического значения артикля»⁹¹.

Казалось бы, и в этнониме **абаза** «абазин» префиксальная морфема а- имеет артиклевую функцию, поскольку он может быть противопоставлен неопределенной форме, т. е. допускает выбор. Однако с прибавлением неопределенного артикля -к (**а-база-к** «какой-то абазин») морфема а- не выпадает. Этот факт говорит о том, что префиксальная морфема а- потеряла артиклевую функцию и стала неотъемлемой частью этнонима. На наш взгляд, это явление вызвано тем, что данный этноним **абаза** без изменения, т. е. без добавочных аффиксов, выступал также для обозначения названия страны⁹², что уже не допускает противопоставления другой формы, т. е. неопределенной форме. На этой основе и произошло окаменение определенного артикля.

Этот этноним с окаменелым артиклем а- находим в названиях **Абзакыт** «Абзакыт» (букв. «Абазинское село»), **Абазахлабля** «Абазахабль» (букв. «абазинский отсенок»). Этноним **абаза** (адыгейская форма **абадза**) находим также с окаменелым артиклем а- в названии одного из адыгейских

⁹¹ Б. А. Ильиш. Указ. соч., стр. 123.

⁹² В данное время для обозначения страны употребляется сравнительно новая форма — **Абазаштла** < **абаза** «абазин» + **(а)шта** «площадь», букв. «абазинская площадь».

племен и страны **абдзах** «абадзех» (этимологизируется как жители «ниже абазин») ⁹³.

Что касается **адыгэ** «адыг» («адыгеец», «кабардинец»), то в нем, как в этнониме **абаза**, префиксальной морфемой **а-** артиклевая функция утрачена. Она сохранилась здесь возможно как пережиточное явление ⁹⁴. Окаменение определенного артикля **а-** в данном этнониме происходило, на наш взгляд, по пути, указанному выше для этнонима **абаза**.

Наличие префиксальной морфемы **а-** (исторический определен артикль) в ранее названных этнонимах объясняется их нарицательным происхождением.

Этноним **а-пс-уа** «абхаз» является сложным, состоит из двух частей. Первую часть (**а**)**пс** в специальной литературе производят одни от адыгейского корня **псы** «вода» ⁹⁵, другие от абхазского корня (**а**)**псы** «душа» ⁹⁶. Вторая часть **-уа** восходит к слову (**а**)**уа-оы** «человек». Ср. **а-кырт-уа** «грузин» (**акырт-цэа** «грузины»), **агыр-уа** «мегрел» (**агыр-цэа** «мегрелы»).

Аффикс **-уа** в этнониме **апс-уа** сравнительно позднего происхождения. Об этом говорит отсутствие его в тапантамском диалекте абазинского языка, а также в названии страны **Апс-ны** «Абхазия» и в форме множественного числа **а-пса-цэа** «абхазы».

Этноним **абаза** «абазин», вероятно, одного происхождения с этнонимом **а-пс-уа**, разница лишь в том, что здесь представлена звонкая форма от этнонима **а-пс**. Ср. (адыг.) **псы**, (убых.) **бзы** «вода».

Термин **а-дыгэ** является самоназванием всех адыгских племен. Полагают, что этноним **адыгэ** получен из промежуточной формы **а-дзыгэ**; в нем усматривают абхазское слово **а-зы** «вода» с суффиксом **гэ** ⁹⁷.

Важное значение имеют указанные этнонимы и для установления относительной хронологии определенного артикля **а-** в названной группе языков.

⁹³ См. об этом: А. К. Шагиров. Очерки по сравнительной лексикологии адыгских языков. Нальчик, 1962, стр. 4.

⁹⁴ К. С. Шакрыл. О пережиточном состоянии аффикса **А** в адыгских языках. (Предварительное сообщение), стр. 313.

⁹⁵ См.: П. К. Услар. Абхазский язык. Тифлис, 1887, стр. 78.

⁹⁶ Ш. Д. Инал-ипа. Абхазы. Сухуми, 1960, стр. 70.

⁹⁷ См.: Л. Г. Лопатинский. Краткая кабардинская грамматика, СМОМПК, вып. XII. Тифлис, 1891, стр. 1; М. Аутлев, Е. Зевакин, А. Хоретлев. Адыги. Майкоп, 1957, стр. 6; В. А. Никонов. Краткий топонимический словарь. М., 1966, стр. 16; А. К. Шагиров. Очерки по сравнительной лексикологии адыгских языков, стр. 4, 5.

Современные самоназвания абхазов и абазин — **апсуа** и **абаза** — с префиксальной морфемой **а-** впервые упоминаются античными авторами в I в. н. э. под названием **а-псилов** и **а-базгов** || **а-басков** ⁹⁸.

«Термин **Абадзе** или **Абаза**, — пишет А. Н. Генко, — очень древнего происхождения (первые его упоминания относятся ко времени, близкому к началу н. э., встречался уже примерно 1800 лет назад) и имеет собирательное значение...» ⁹⁹.

Возможно к этому периоду, т. е. к I в. н. э. относится и формирование современного самоназвания адыгов — **адыгэ**.

«В первые века н. э. наиболее крупным племенем, занимавшим значительную территорию Черноморского побережья, были **зихи**. В III—X вв. античные племенные названия на северо-западном Кавказе постепенно исчезают. Уже в VI в. н. э. **адыги** становятся известными под именем **зихи**. По-видимому, от этого названия происходит термин **адыге** (через промежуточную форму **а-дзыге**)» ¹⁰⁰.

На идентичность термина **зихи**, упоминаемого античными авторами, и нынешнего самоназвания адыгов **а-дыгэ** указывал еще Н. Я. Марр ¹⁰¹.

Этнический термин **зихи** известен и абхазцам в форме **а-зхуаа** «адыги» (черкесы), а также в названии страны **Зыху-ны** «Адыгея» (Черкесия) ¹⁰².

Однако указанную хронологию этнического самоназвания абхазов можно отодвинуть на несколько веков назад. Так например, по данным протохеттско-ассирийских источников еще во втором тысячелетии до нашей эры в северо-восточных районах Малой Азии бытовали многочисленные племена, известные под общим наименованием **кашков** или **абешлайцев**.

Так, Г. М. Меликишвили в ассирийских источниках приводит интересный случай замещения в «надписи на призме» Тиглатпалассара I (1115—1077 гг. до н. э.) в качестве синонима **kaska** (кашка) на **avesla** (абешла) ¹⁰³.

По мнению крупного специалиста по древней истории Урарту Г. А. Меликишвили и ряда других ученых, встреча-

⁹⁸ См.: «Очерки истории Абхазской АССР», ч. I. Сухуми, 1960, стр. 36—38.

⁹⁹ А. Н. Генко. Указ. соч., стр. 7.

¹⁰⁰ М. Аутлев, Е. Зевакин, А. Хоретлев. Указ. соч., стр. 6.

¹⁰¹ Н. Я. Марр. О языке и истории абхазов. М.-Л., 1938, стр. 69.

¹⁰² А. Н. Генко. Указ. соч., стр. 122; А. Дирр. Современные названия кавказских племен. СМОМПК, вып. 40, отд. III. Тифлис, 1909, стр. 6.

¹⁰³ Г. А. Меликишвили. Наири-Урарту. Тбилиси, 1954, стр. 71.

ющиеся в этих памятниках племенные названия **кашка** и **абешла** являются названиями древних предков нынешних абхазо-адыгских народов, о которых упоминали античные авторы уже на территории Кавказа.

Г. А. Меликишвили увязывает племенное название **каш-ков** с одним из наименований адыгов — **кашаги** или **косо-гов**, а племенное название **абешла** — с именем древнеабхазского племени апсилов (**апшилов**)¹⁰⁴, в котором усматривается самоназвание абхазов — **апсуа**.

На основании указанных фактов в «Очерках истории Абхазской АССР» делается следующий вывод: «Кашки (абешла) также должны рассматриваться как один из предков абхазского народа, но в ту далекую эпоху, по-видимому, еще не произошла дифференциация языков абхазо-адыгской группы¹⁰⁵. Следовательно, в данной работе «кашги» и «абешла» рассматриваются как названия племени, говорившего на одном общем языке.

На наш взгляд, эту мысль подтверждают сами племенные названия.

Как выясняется, «кашги» является термином иноязычного происхождения. Он известен и в наше время ближайшим соседям кабардинцев осетинам, на языке которых **касаг** означает «смотритель», «наблюдатель» или «смотрящий», «наблюдающий»¹⁰⁶. Масуди же термин **кешек** считает персидским, означающим «гордый», «непокорный», «независимый»¹⁰⁷. **Абешла** же следует считать термином местного происхождения, он этимологизируется на основе абхазо-адыгских языков (см. выше этимологию **а-пс-уа** «абхаз»).

Иноязычное происхождение термина **кашги** подтверждается еще тем фактом, что в данном термине отсутствует префиксальная морфема **а-**, тогда как в термине **а-бешла** она налицо.

Итак, в ту далекую эпоху общим самоназванием нынешних абхазо-адыгских народов мог быть термин «**а-бешла**», в котором усматривается префиксальная морфема **а-**, выражавшая грамматическую категорию определенности.

д) Некоторые исследователи европейских языков в числе собственных имен включают небольшую группу слов, ко-

¹⁰⁴ Г. А. Меликишвили. Урартские клинообразные надписи. М., 1960, стр. 9.

¹⁰⁵ «Очерки истории Абхазской АССР». Сухуми, 1960, стр. 35.

¹⁰⁶ См.: Г. А. Кокиев. Некоторые сведения из древней истории адыгов (кабардинцев). Нальчик, 1946, стр. 15.

¹⁰⁷ Там же.

торые, по их мнению, семантически приближаются к именам собственным. К ним относят названия месяцев, дней недели, праздников и т. д.

В абхазском и абазинском языках наибольший интерес представляют из этой группы названия месяцев. В этих языках названия месяцев являются заимствованными из русского языка и, как во французском языке, представлены с нулевым артиклем: **февраль** «февраль», **декабрь** «декабрь» и т. д. (ср. франц. *janvier, fevrier, mars* и др.). Приведем примеры:

Абх. Москва ишьакугылт ииун мза апхъазатәи амш шоу-ракуа...

«В Москве установились первые жаркие дни июня».
(И. Папаскыр. Ифымтакуа реизга, I-тәи атом, стр. 266).
— Уи калейт май мза жәафә рзы.

«То случилось 12 мая» (букв. «в мае месяце»).

(Там же, стр. 71).

Абаз. Февраль а 23 — Советска Ры амш.

«23 февраля — день Советской Армии».

(«Абаза бызшвала грамматика», стр. 106).

Декабрь а 5 — Советска Конституция амш.

«5 декабря — день Советской Конституции».

(Там же, стр. 106).

Однако исторически в абхазском языке существовали свои названия месяцев, которые исчезли, видимо, под влиянием русского языка, но частично сохранились у некоторых лиц старшего поколения. Интересно то, что и здесь названия месяцев представлены с нулевым артиклем. Например: **чыч-хадыл** «апрель», **куркухучы** «июнь», **куркуду** «июль», **нанхәа** «август», **мзыоры** «февраль» и др.

— Нанхәа мза атыхутәанзатәи амш ауха ачара аауейт, — ихәейт Алцыкугы.

«В самый последний день августа (августа месяца) сыграем свадьбу, — сказал Алцыку».

(М. Лакрба. Аламыс, стр. 40).

В приведенных примерах отсутствие определенного артикля в названиях месяцев объясняется сближением их с именами собственными.

Что касается названия дней недели, то принцип употребления и неупотребления артикля здесь ничем не отличается от имен нарицательных.

С названиями праздников в употреблении артикля связаны некоторые особенности. Обычно эти названия в абхазском

языке функционируют с нулевым артиклем, но не исключено и употребление их с определенным артиклем. Например:

Мшапы кутабь еиџш дкаџшьза.

«Красный как **пасхальное** яйцо». (Посл.)

Хьачхуама ауха ашьтэакуа ршьуеит.

«К **рождественскому** вечеру режут жертвенных животных».

Если в абхазском языке названия солнца, луны, земли (так называемых единичных в своем роде предметов) выступают почти всегда с определенным артиклем, то названия планет, например, Марс, Венера, Сатурн и др., а также названия созвездий употребляются с нулевым артиклем. Названия планет Марс, Венера, Сатурн и др. являются заимствованными из русского языка, и неупотребление артикля с этими словами объясняется тем, что они осмысливаются как имена собственные. Некоторые названия созвездий являются собственными, т. е. исконными, например, **Иацэацъаа** «Стожары», **Жэгараа** «Возничий» и др. Они употребляются с нулевым артиклем, поскольку здесь речь идет о неопределенном количестве звезд. Приведем примеры:

„**Венера-4**“ аџырра иаџуп...

«**Венера-4**» продолжает полет...»

(„Аџсны каџшь“, 1967, июн 14, стр. 1).

Иацэацъаа реиџш еиыцъаа инхоит.

«Живут густо подобно созвездию **Стожаров**». (Посл.)

Жэгараа реиџш еицыхухуа еишьтоуп.

«Растянувшись подобно созвездию **Возничего**, гоняются друг за другом». (Посл.).

2. Употребление определенного артикля у существительного в случае его вторичного упоминания в контексте

Имя существительное, как правило, является в абхазо-адыгских языках определенным для слушателя и читателя, если оно в одном и том же контексте или связном изложении упоминается вторично.

Этот тип определенности имени существительного имеет довольно широкое распространение в языках, обладающих развитой категорией артикля.

Такой тип определенности в лингвистической литературе получил название анафорического артикля.

Анафора сама по себе подразумевает ссылку на прошлое, на то, что уже упоминалось. Сущность анафорического артикля заключается в том, что имя существительное при его вто-

ричном упоминании в контексте мыслится уже определенным, ставшим известным, в результате чего оно получает определенный артикль.

Некоторые лингвисты склонны связывать появление самого определенного артикля с анафорическим употреблением указательного местоимения, т. е. местоимения, ссылающегося на упомянутое ранее слово. Указывают также, что вторично упоминаемое слово не обязательно следует непосредственно за первым его названием, оно может иметь место и в более широком контексте¹⁰⁸.

Анафорический артикль может употребляться в следующих случаях. Во-первых, причиной появления анафорического артикля может быть наличие двух тождественных слов в развернутой речи, где вторично упоминаемое слово является просто повторением того же слова, уже упомянутого раньше. Во-вторых, анафорический артикль может получить то существительное, которое, хотя и не просто повторяет уже ранее упомянутое слово, но является определенным, поскольку оно синонимично с этим словом или находится с ним в этимологическом родстве, т. е. логически связано с ранее упомянутым словом. В этом случае слова (ранее упомянутое и вторично упомянутое) не являются тождественными.

В абхазо-адыгских языках описанный тип анафорической определенности имени существительного встречается во всем разнообразии.

- а) Вторично упоминаемое слово является тождественным ранее упомянутому

Ниже мы приводим самый простой вид употребления анафорического артикля, когда оба слова, как упоминаемое впервые, так и его повторение, тождественны. Это наиболее типичный вид анафорического артикля для этих языков.

Абх. Хуат, имоу азын, зчеицъыка бзиа́з азэ иакун. Зны **сасы-к** дизааин, акрыфара ишаџыз, **а-сас** инапы ирыцкъар итаххеит, аха аишэа мпахъшь ыкумызт.

«Хуат был скромным гостеприимным человеком. Однажды к нему пришел **какой-то** гость. Во время еды **гость** хотел вытереть руки, но на столе не было салфетки».

(Д. Гулиа. Иџымтакуа, II-тэи атом, стр. 284).

¹⁰⁸ См.: Л. Р. Зиндер и Т. В. Строева. Современный немецкий язык. М., 1957, стр. 83.

В этом примере одно и то же существительное «гость» повторяется два раза. При повторении оно получает определенный артикль.

Ан ꝑсыцэгъа лхучы хумарра адэахъы данца, **кутабъ-к** амца иныхэалыргылт, изны илфаразы.

Убри аамтазы лхучы дыџуа аџны дааџнаххит. **А-ку-табъ** аниба, дааигурџьан. ихы-иџы ааихаччеит.

«Прожорливая мать, когда ребенок вышел на двор, поставила **какое-то яйцо** на огонь, чтобы поджарить, а потом съесть».

В это время прибежал в дом ее сын. Когда он увидел **яйцо**, он весь засиял».

(Д. Гулиа. Иџымтакуа, II-тэи атом, стр. 284).

Абаз. АпхIвыс **цIыкв ду-кI** азна хвша рчвата йылгун. Ауи данкIахIа **ацIыкв** лнапIыцIшвтI...

«Женщина несла **какой-то большой кувшин**, полный топленого масла. Когда она упала, выронила **кувшин**».

(«Абаза турыхква», стр. 5).

Каб. Щыпсэут-щыIэт мэзым **зы тхьэкIумэкIыхь**. Мис абы-хэм и щхьэм къахущытхьуу щIидзащ тхьэкIумэкIы-хьым...

„Жил был **заяц** в лесу... Вот **заяц** и начал им хвастать...”

(«Адакъэ цIыкIу дыщэ щхьэмажьэ», стр. 50).

В абхазском, абазинском и кабардинском языках в приведенных примерах одни и те же существительные — «яйцо, кувшин, заяц» повторяются два раза. Во второй раз они получают определенный артикль. Ср.

Убых. Уа-хъас'ыџа **за-хьы-гуара** џахъуа аџын хъуаџхьыны айнашьхъа... **а-хьын** џанкуаџын за-џхьадыку-анышэа-гуара льатэхъа.

«В это село повезли сына одного (**какого-то**) князя и и там воспитали... По соседству с **князем** жила какая-то красивая девушка».

(Dumezil, III, стр. 48).

В абхазо-адыгских языках довольно часто наблюдаются случаи, когда вторично упоминаемое слово, кроме определенного артикля, имеет при себе еще и указательное местоимение. Этот случай нами будет рассмотрен особо (см. ниже).

б) Употребление определенного артикля с вторично упоминаемым словом в случае, если оно является синонимом ранее упомянутого слова. Примеры:

Абх. Нактэирахъ амџа иџыкугылан ꝑсыуа нхаџы-к иџны. Аџшэма убра амџа ааигуара амжэа атка ашэшъыраџ ажъ атира даџын.

«С той стороны дороги стоял дом **какого-то абхазца-крестьянина**. **Хозяин** вблизи этой дороги под тенью шелковицы продавал виноград».

(М. Лакрба. Аламыс, стр. 201).

В этом примере существительные «абхазец-крестьянин» и «хозяин» имеют между собой одно и то же лицо и связаны по контексту. Поэтому слово «хозяин» представлено с определенным артиклем а-.

Ср. адыг. Гьогум адырабгъукIэ **зы адыгэ** гуарым иунэ итыгъ.

Унэр зиягъэм сэнашхьэ гьогум пэмчыжьэу щижэщ-тыгъ. «С той стороны дороги стоял дом **какого-то адыгейца**. **Владелец** дома вблизи этой дороги торговал виноградом».

в) Определенный артикль у вторичного-упоминаемого слова в случае его этимологического родства с ранее упомянутым словом

Отличительной особенностью этого типа употребления определенного артикля является то, что оба слова имеют общие корни, но принадлежат к разным частям речи.

Абх. Шьыжьымтанк, Мырзакан, Ахматраа рџы уаџы дааи-шьтит, ахкуажэ **дычмазаџуп**, абранза шэааи хэа. Ахматраа шынтааџэаз ахтныка иџеит. Ианнеи, **ачыма-заџ** даара дгуак'уан.

«Однажды утром Мырзакан прислал человека в семью Ахмата с известием о том, что **заболела** княгиня и чтобы они пришли к ним. Вся семья ушла к Мырзакану. Когда они пришли, **больная** находилась в очень плохом состоянии».

(И. Папаскьыр. Иџымтакуа реизга, I-тэи атом, стр. 81).

В этом примере ранее упомянутое слово **дычмазаџуп** «(она) болеет» представлено в личной форме глагола, а его повторение — субстантивированным существительным **а-чымазаџ** «больная».

...Аџшэма убра амџа ааигуара амжэа атка ашэшъы-раџ ажъ атира даџын...

А-тиџ акапанга имамызт.

«...Хозяин вблизи этой дороги под тенью шелковицы **продавал** виноград...»

У **продавца** не было весов».

(М. Лакрба. Аламыс, стр. 201).

Ср. адыг. Унэр зиягъэ-м сэнэшхь ыщэщтыгъ. Ау щакло-м щэчалъэ илагъэп.

«Владелец дома продавал виноград. Но у продавца не было весов».

3. Наличие определенного артикля при существительных-обобщающих словах

В абхазо-адыгских языках имя существительное обычно употребляется с определенным артиклем, если оно обобщает то, о чем шла речь в предыдущем контексте. При этом подобное существительное может сопровождаться еще и указательным местоимением.

Абх. Ари ахуч-рацэа ран „а-фырцхэыс“ рхэан днаганы ацсшэа лархэит ахэынткараа, амидал лыртеит...

— Эту многодетную мать, назвав ее «героиней», государство наградило медалью.

(М. Лакрба. Аламыс, стр. 190).

Атцкхэа игеит ахысбжъ. Ихаразаны цэкьарас икыдыз асаан цыхха ннтеит. Идырныхэалейт зегьы аиа-аира иигаз!

«Раздался выстрел. Висевшая далеко в качестве мишени чашка разлетелась вдребезги. Все присутствовавшие поздравили его с победой».

(М. Лакрба. Там же, стр. 191).

В первом предложении достоинства матери, родившей и воспитавшей много детей, обобщено словом «героиня», а во втором предложении таким обобщающим словом является «победа». Поэтому они представлены с определенным артиклем а-.

Ср. каб. Теклуэныгъэ-р илэру къэклуэжын.

«Вернуться с победой».

В абхазо-адыгских языках, как и в индоевропейских, часто встречаются случаи, когда содержание факта, о котором шла речь в предыдущем контексте, обобщено именуется словом аус — «дело», «вещь» (абх.-абаз.), а (адыгские) луэху, юфы (нем. Sache). Оно может сопровождаться также и указательным местоимением. Примеры:

Абх. — Баажьаз цыбшьозма хнеиуейт анаххэа. Хара амц. зхэакуо хреиуазам. Зина лыла ааихамыркузакуа иара (Темыр) дихуацшуан. Цхыз илбар ихалмыцашаз аус, алабѣаба илбейт лара.

«— Ты думала, что мы тебя обманываем, когда сказали, что придем к вам. Зина непрерывно смотрела на Темыра. Дело (вещь), в которое она не поверила бы, если бы увидела это во сне, она увидела наяву».

(И. Папаскыр. Ишымтакуа реизга, I-тәи атом, стр. 292)

В этом отрывке взаимоотношения девушки с любимым человеком обобщенно называет «делом», и это слово представлено с определенным артиклем.

Ср. каб. луэхур лэщлагъэллым щоцынэ.

«Дело мастера боится». (Посл.).

Абх. — Нас Леуан, абри аус ицэгьам акы акуны иануцхьаза, усыца убри аурыс икынза, ацара анафсгьы убри аус уара исзыкаца.

«— Ну, Леван, если ты считаешь это дело не плохим, пойдем со мной к тому русскому и сделай то дело».

(Д. Гулиа. Ишымтакуа, II-тәи атом, стр. 95).

В абхазском предложении два раза встречается обобщенное слово аус «дело».

В обоих случаях оно представлено с определенным артиклем и сопровождается еще и указательными местоимениями абри «это», убри «то».

Ср. абаз. Ари а-уыс ншизжытара щарда цитI.

«Это дело случилось давно».

4. Употребление определенного артикля со словами, обозначающими единичные в своем роде предметы

В абхазо-адыгских языках, как и в других языках, имеется определенная категория слов, которые почти всегда употребляются с определенным артиклем. К этой категории принадлежат обычно существительные, обозначающие единичные в своем роде предметы, которые по своей природе не допускают иного выбора в нашем сознании. Такими существительными являются: «луна, солнце, земля, небо» и т. д. Употребление определенного артикля с этими словами по-разному толкуется в научной литературе.

Критикуя своих предшественников по этому вопросу, В. Я. Пропп пишет следующее: «Говоря Ich sehe die Sonne, мы применяем определенный артикль не потому, что солнце общеизвестный предмет, как думает Бехагель, а потому, что мыслим его единственным. Наоборот, говоря Ich sehe einen Baum, мы допускаем существование многих деревьев, все равно известных нам или нет. Определенный артикль во всех

случаях применяется потому, что это вызвано явлением единственности»¹⁰⁹.

По этому вопросу иного мнения придерживается О. И. Москальская. Она отмечает: „I unica die Sonne артикль появляется также в связи с тенденцией к универсализации артикля и с функцией показателя имени существительного как части речи, но не может считаться совершенно незначительным, т. к. в случаях типа *blendend Sonne; eine Welt zu gewinnen haben* обычному определенному артиклю может быть противопоставлен неопределенный артикль как средство выделения «нового»¹¹⁰.

Что касается абхазо-адыгских языков, то эти слова, как и в индоевропейских языках, почти постоянно (за исключением некоторых особых случаев) употребляются с определенным артиклем.

Абх. Пхынран. **Амра** акыр ифаскьахьан.

«Было лето. **Солнце** уже высоко поднялось».

(М. Лакрба. Аламыс, стр. 145).

Ажэсан лаша ду ацынхурас Темыр, лашьцара дук ихатэазшэа ибон.

«Темыру казалось, что вместо большого светлого **неба**, какая-то темнота окутала его».

(И. Папаскыр. Ифымтакуа реизга, I-тэи атом, стр. 102).

Адунеи ифыкуршааз азэгьы дылтахымызт.

«Она не хотела никого в **мире**».

(М. Лакрба. Аламыс, стр. 209).

Абаз. Сара йуасхуаш ахъвшкьа йнардзата йуыдугалырк-вын, уачIвыхъа ныжъхта **а-мара** ташванацIыкIяра убзи-хапI...

(«Абаза турыхква», стр. 106).

«Если ты примешь те лекарства, о которых я скажу, ты не только завтра, но сегодня до захода **солнца** выздоровишь».

Каб. Щыр дыгъэ-м кьокIэрэхъуэкI.

«Земля вращается вокруг **солнца**».

(«Русско-кабардинский словарь», стр. 241).

Уафэ къащхъуэ-м вагъуэ пщтырхэр шолыд».

«В **синем небе** сияют горячие звезды».

(«Грамматика кабардино-черкесского литературного языка», 1957, стр. 213).

Мазэ-р зи патIэ.

«С лицом похожим на **луну**».

(«Кабардино-русский словарь», стр. 255).

Дуней-м щIыхуу тетхэр дэ кьыдоплъ.

«Взоры всего **мира** обращены на нас».

(«Русско-кабардинский словарь», стр. 346).

Убых. а-жэаўн с'ама жэеадака.

«С **неба** упало три яблока». (Dumezil, V, 156).

В приведенных предложениях слова «солнце, луна, небо, мир (вселенная)» употреблены с определенным артиклем. Из этих слов «луна и солнце» в абхазском языке в определенных случаях могут употребляться и с неопределенным артиклем. Это особенно часто встречается в разговорной речи.

— **Мра-к** аацэыртындаз, хеахмырпхозеи!

«— Хотя бы вышло (**какое-нибудь**) **солнце**, погрелись бы».

Здесь слово «солнце» употреблено с неопределенным артиклем -к, поскольку имеется в виду не все солнце со всей его энергией, а подразумевается какая-то определенная доля теплоты от него: Ср. нем. „eine blendend Sonne“.

— Нан, **а-мза** збит.

— Ус уара уамыст **мза-к** шуба уажэы.

«— Мать, я увидел **луну**».

«— Откуда ты мог видеть в такое время (**какую-то**) **луну**».

Во втором предложении слово «луна» употреблено с неопределенным артиклем -к и имеет стилистическую окраску. Если употребление неопределенного артикля со словами «солнце и луна» обычно носит частный характер, то при сочетании с частицей -да «без» они всегда употребляются в нулевой форме, т. е. с нулевым артиклем. Например:

Абар урт Нарттаа ран **мрада** дыпхьо, **мзада** дкаччо рапхьа дгылоуп.

«Вот мать Нартов стоит впереди них, сияя подобно **солнцу** и **луне**» (букв. «сияя без солнца и без луны»).

(„Нарт Сасыркуеи пшьынфажэи зежэфык иара иашь-цэеи“, стр. 45).

В этом предложении слова «солнце и луна» представлены с нулевым артиклем, поскольку у них имеется отрицательная частица -да. Словосочетание **мрада-мзада** является образным сравнением как символ красоты. Оно имеет очень широкое распространение в народных сказаниях и в сказках.

¹⁰⁹ В. Я. Пропп. Указ. соч., стр. 219.

¹¹⁰ О. И. Москальская. Развитие артикля в древних германских языках. Докт. дисс., М., 1960, стр. 31.

5. Определенность имени существительного при наличии указательного местоимения

В отличие от некоторых индоевропейских языков, в абхазо-адыгских языках наблюдается присутствие определенного артикля у имен существительных при наличии указательных местоимений перед ними.

Об этом явлении у Н. Ф. Яковлева читаем: «В соединении с указательными префиксами **мы**, **мо**, **а** — имена всегда ставятся в определенной форме»¹¹¹. Но Н. Яковлев ошибочно называет несамостоятельные местоимения (**мы**, **мо**, **а**) префиксами. Это корневые местоименные элементы с той спецификой, что без морфем **-р** и **-м** они употребляются только в сочетании с определенными словами.

Н. Ф. Яковлев отмечал также употребление определенного артикля с именами существительными при наличии указательных местоимений в абхазском языке¹¹².

В абхазо-адыгских языках очень часто наблюдаются следующие конструкции: в адыгских языках «указательное местоимение + имя существительное + определенный артикль», например, **цыху** «человек», а **цыху-р** «этот человек», а в абхазском и абазинском — «указательное местоимение + определенный артикль + имя существительное», например, **ари а-цла** «это дерево».

Как видно из примеров, в отличие от абхазского и абазинского адыгские языки образуют так называемую рамочную конструкцию. Такая конструкция возможна в адыгских языках в том случае, когда указательное местоимение выступает в роли определения к имени.

Однако, кроме констатации факта существования этой конструкции, исследователи абхазо-адыгских языков ничего не говорят о причинах, вызвавших это необычное явление в данных языках.

Точно такое же явление обнаружил Б. А. Серебренников в древнегреческом языке. Он пишет: «В древнегреческом языке довольно часто наблюдается случай, когда артикль при соотносимом элементе в последующем контексте сопровождается указательным местоимением. Такого рода артикль мы называем комитативным (или сопроводительным) анафорическим артиклем... Это явление зависит от двух причин: 1) от

¹¹¹ Н. Ф. Яковлев, Д. Ашхшмаф. Указ. соч., стр. 363.

¹¹² См.: Н. Ф. Яковлев. Грамматика абхазского литературного языка (рукопись), стр. 349.

особого эмфатического выделения соотносимого элемента, которое вызывает употребление местоимения вследствие неспособности артикля к сильному дейксису, и 2) от величины интервала между элементами анафорической связи»¹¹³.

Здесь, как и в древнегреческом языке, частое употребление указательного местоимения при имени существительном определенным образом связано с отсутствием выделительной функции у определенного артикля в этих языках. В этом отношении роль указательного местоимения в абхазо-адыгских языках такая же, что и неопределенного местоимения **гор||гуэрэ** в адыгских языках.

Но в отличие от европейских языков в абхазо-адыгских языках у имени при наличии указательного местоимения определенный артикль не опускается. Возможно, это объясняется тем, что **-р** и **-м** в адыгских языках являются суффиксальными морфемами и выражают, кроме категории определенности, еще и падежную функцию, а в абхазском и абазинском языках определенный артикль **а-** является префиксальной морфемой имени и образует с ним слитную словоформу.

В немецком языке, например, подобное явление невозможно в силу того обстоятельства, что при наличии артикля, который стоит перед именем существительным, ставить указательное местоимение нельзя.

Приведем примеры, подтверждающие сказанное:

Абх. Нас дхуцхуца, акыѳраѳы **цъам ду-к** илаѳш накушэан: — **Убри ацъам** ала исышэт **абри ахш...**

«Думая, он обратил внимание на **какую-то большую** чашку в углу.

— Вон в **той чаше** дайте мне **это молоко...**»

(Д. Гулиа. Иѳымтакуа, II-тэи атом, стр. 29).

В этом отрывке слово «чаша» в первом предложении представлено с неопределенным артиклем, поскольку автор впервые знакомит с этой чашей читателя, а во втором предложении это же слово, как уже знакомое, ранее упоминавшееся, представлено с определенным артиклем **а-**, но при этом присутствует еще и указательное местоимение **убри** «тот». В этом же предложении выделено указательным местоимением **абри** «этот» слово «молоко». В обоих словах указательное местоимение можно опустить, но от этого имена существительные «чаша» и «молоко» не перестают быть определенными, т. е. наличие определенного артикля **а-** у них не вы-

¹¹³ Б. А. Серебренников. Указ. соч., стр. 203 — 204.

звано присутствием указательных местоимений. Указательные местоимения здесь употреблены автором для подчеркнутого выделения этих предметов.

Каб. Ауэра мэзыр кызыэхиклухурэ, **зы унэ цыклу гуэрэм** хуэзаш... Хыджэбз цыклур **унэ-м** щлэплъэри, зыри зэрыщлэмысыр щилъагъум, щлыхъаш. **А унэ цыклум** мыщищ щыпсэурт.

«Пришла (она) в лесу к **какому-то домику**... Девочка посмотрела в дверь — в **домике** никого нет, и вошла. В **этом домике** жили три медведя.

(«Адакэ цыклу-дыщэ щхэмажэ», стр. 8).

В этом отрывке слово «домик» в первом предложении представлено с частицей **зы** в функции неопределенного артикля, а во втором предложении с определенным артиклем **-м**. В третьем предложении это же слово, т. е. «домик», имеет еще и указательное местоимение **а** «этот». Как видно из примеров, и в адыгских языках наличие определенного артикля в имени не связано с указательным местоимением. Одновременное употребление определенного артикля и указательного местоимения **а** связано с особым выделением предмета.

Абаз. — Учлва, **ари арымдза** уыкчлва!

«— Садись на **этот стул**, садись!»

(Т. Табулов. Зули, стр. 9).

В убыхском языке в отличие от абхазо-адыгской группы языков определительные указательные местоимения **йы, уа**, как и в индоевропейских языках, заменяют определенный артикль **а-**, т. е. артикль **а-** опускается при наличии указательных местоимений перед именем. Примеры:

Уа-найнсэуа иншышьа мыбуанит.

«**Тот мальчик** не хотел работать» (Dumezil, V, 153).

(ср. абх. **Уи а-чкуын** итахымызт аусура).

Уа-хынгы „афкыбы“ уанан кака нтэка.

«**Тот князь** также, сказав «хорошо», дал ему согласие» (Dumezil, V, 52).

В обоих предложениях слова «мальчик, князь» представлены без артикля.

В убыхском языке вторично упоминаемое слово, как правило, часто сопровождается указательным местоимением, а в абхазо-адыгских языках это явление наблюдается значительно реже. Ср.

Убых. Фахъа Тран ахъагы **за-хъсы-гуара** льальхъа.

Уа-хъасыба за-хъы-гуара бахъуа ауын хъуафхыны айнашьхъа.

«Раньше в (нашем) крае было **какое-то село** под названием Тран. В **это село** повезли сына одного (какого-то) князя и там воспитали» (Dumezil, III, 48).

Жаафсыцъ-шашын афхъадыку гашы айнашьс'а йанафын атэанаутэаи шыба **за-бзы** назэанай **уа-бза** афхъадыку дымашьнайт.

«Каждый вечер после ужина, когда девушку укладывали спать, давали ей **какую-то воду**, от **этой воды** она теряла сознание» (Dumezil, V, 141).

6. Определенность имени существительного, обусловленная наличием при нем порядкового числительного

Многим языкам, обладающим категорией артикля, свойственно употребление определенного артикля у имени существительного при наличии перед ним порядкового числительного.

Это явление в немецком языке, по мнению В. Я. Проппа, вызвано тем, что «при счете подразумевается, что каждый считаемый предмет представлен один раз, и именно этим, а не фактом счисления вызвано применение определенного артикля. Говорят: *Heute ist der erste januar, der erste Mai*, так как невысказанной предпосылкой здесь служит текущий год, который имеет только одно первое января или первое мая»¹¹⁴.

Этот способ употребления определенного артикля характерен и для абхазо-адыгских языков. Примеры:

Абх. — **Жаеиза шыкуса сыртоуп сара сынтэа**. Сдууп шыта.

Апъшьбатэи а-класс афы стэоуп.

«— В этом году мне идет одиннадцатый год. Теперь я большая. Учусь в **четвертом классе**».

(М. Лакрба. Аламыс, стр. 216).

В этом отрывке слово «класс» представлено с определенным артиклем **а-**, поскольку оно сопровождается порядковым числительным «четвертый».

Абаз. Ауи жвизсквшата дрылапI, **йпщбахуа а-класс** дапхьитI...

«Ему идет тринадцатый год, учится в **четвертом классе**». (Къ. Джьгватан. Гъын паса, стр. 15).

Каб. Абы щыгъуэ сэ еханэ **классы-м** сыщеджэрт.

«Тогда я учился в **шестом классе**».

¹¹⁴ В. Я. Пропп. Указ. соч., стр. 222.

(«Грамматика кабардино-черкесского литературного языка», 1957, стр. 194).

В приведенных предложениях в абазинском и в кабардинском слово «класс» представлено с определенным артиклем.

В абхазском языке выделение имени существительного может быть усилено прибавлением еще и указательного местоимения.

Аңхьащца ирыдаагало, ари актэи а-том ианылоит
еицырдыруа ароман Төмөр.

«В предлагаемый читателям (этот) первый том войдет всем известный роман «Темыр».

(И. Папаскыыр. Ифымтакуа реизга, I-тәи атом, стр. 6).

В этом предложении слово «том» выделяется двумя определениями: указательным местоимением «этот» и порядковым числительным «первый».

Как видно из примеров, в абхазо-адыгских языках порядковые числительные занимают препозитивное положение по отношению к имени и артикль прибавляется непосредственно к нему.

В адыгских языках может быть и конструкция с обратным порядком, тогда определенный артикль прибавляется не к существительному, а к порядковому числительному. При этом артикль одновременно указывает на определенность и падеж имени существительного. Например:

Мазэ ещанэ-м ихъауэ дЫкІуэр къэсыжащ.

«Когда наступил третий месяц, посланец возвратился».

(«Грамматика кабардино-черкесского литературного языка», 1957, стр. 187).

В отличие от абхазо-адыгских языков в убыхском имя существительное не принимает определенного артикля при наличии перед ним порядкового числительного, т. е. он здесь опускается. Например:

Йы-тхытлын ыза пц'адба.

«Первая страница этой книги».

(A. Dirr. Die Sprache der Ubychen, стр. 20).

В этом предложении слово «страница» представлено в нулевой форме.

Но в убыхском языке, как и в адыгских языках, может быть конструкция с обратным порядком, и тогда определенный артикль обязательно наличествует у имени существительного.

А-тахъан(а) аџа-тѣуах.

«Второй крик петухов».

(J. Meszaros. Die Päkhy-Sprache, стр. 75).

Здесь слово **а-тахъан(а)** употреблено с определенным артиклем **а-**.

7. Определенность имени существительного, обусловленная наличием у него прилагательного в превосходной степени

Давно было замечено исследователями артикля на материале европейских языков, что наличие превосходной степени обычно ведет к появлению определенного артикля у существительного.

Это явление разными исследователями толкуется по-разному. Например, О. И. Москальская по этому вопросу пишет: «Предмет трактуется как определенный потому, что обладает каким-либо свойством в наивысшей по сравнению с другими предметами степени (что выражает превосходная степень прилагательного)»¹¹⁵. Несколько иного мнения придерживается В. Я. Пропп. Он считает, что имя существительное в таких случаях употребляется с определенным артиклем, потому что «сама природа суперлатива ставит определенный предмет в положение единственности или исключительности, и эта единственность, а не превосходная степень как таковая вызывает применение определенного артикля»¹¹⁶.

Для абхазо-адыгских языков также характерно употребление определенного артикля у имени существительного при наличии у него прилагательного в превосходной степени. Приведем примеры:

Абх. Ах Шамы Синат хамтас ииҗеит иреиҗьыз
а-еыцьбара.

«Царь дал Шамбу Синату в качестве дара самую лучшую лошадь».

(М. Лакрба. Аламыс, стр. 170).

Абаз. Щмат *рахла* ибзиддзу а-тшы йахвгIатI.

«Шмат купил самую лучшую лошадь».

Каб. Нэхъ еджэкIуэфI дьдэ-р ди классным щоджэ.

«Самый лучший ученик учится в нашем классе».

В абхазском языке редки, но возможны случаи употребления неопределенного артикля с именем существительным и при наличии прилагательного в превосходной степени.

¹¹⁵ О. И. Москальская. Развитие артикля в древних германских языках. Докт. дисс., М., 1952, стр. 570.

116 В. Я. Пропп. Указ. соч., стр. 222.

Возможное употребление неопределенного артикля В. Пропп объясняет отнесением суперлатива сразу к нескольким предметам, т. е. имеется фон множества¹¹⁷. Например:

Абх. Ашьтахь, иналырџшын идлырбеит **цэ-дуузза-к** атэџакуа хыршланы.

«Потом она показала им **какого-то самого громадного быка** с большими рогами».

(Д. Гулиа. Иџымтакуа, II-тәи атом, стр. 78).

В этом предложении слово «бык» представлено с неопределенным артиклем -к, хотя имеется прилагательное в превосходной степени. Ср.

Нем. Vor etwa 25 Jahren, als die Naturwissenschaften eben wieder auf einem höchsten Gipfel standen.

«Почти 25 лет как наука поднялась на **самую высокую** вершину».

8. Определенность имени существительного, обусловленная наличием причастного определения в сочетании с относительным префиксом

В абхазо-адыгских языках категория причастий играет важную роль в построении предложений. Причастия с тяготеющими к нему словами составляют обособленные причастные обороты, функционально соответствующие в этих языках придаточным предложениям других языков (большей частью определительным).

Подобно прилагательным, причастия выступают при именах в качестве определений, при этом определяемое имя существительное почти всегда становится определенным. Причиной определенности имени существительного является то, что (атрибутивное) причастие делает определяемое существительное единственным и исключает возможность иного выбора. Это явление отмечал еще А. Н. Генко в абазинском языке¹¹⁸. Как правило, определительные причастия в абхазо-адыгских языках снабжены относительными префиксами, которые играют роль относительных местоимений. Такими аффиксами в абхазском и абазинском языках являются **и-**, **з-**, а в адыгских — **-зы**, **-зэ**. Приведем примеры:

Каб. Письмо **зыхуэстха ныбжьэгъу-м** жэуап кытыжащ.

«**Друг**, которому я написал письмо, уже ответил».

¹¹⁷ Там же, стр. 222.

¹¹⁸ А. Н. Генко. Указ. соч., стр. 186.

(«Грамматика кабардино-черкесского литературного языка», 1957, стр. 100).

Сэ **сызэрытха ручкэ-р** си кыуэшым ейт.

«**Ручка**, которой я писала, принадлежала брату».

Абаз. Щарда **йчваз а-пхIвыспа** дкIандзитI.

«**Девушка**, которая много сидит вянет».

(«Абаза бызшвала грамматика», 1961, стр. 193).

Апша **йагаз а-шыла** уаштамылхын.

«Не ищи ветром **унесенной муки**». (Посл.)

Абх. — Хараза **инаскьо ахатца** бицца хэа басхэеит, сараз ускан.

«— Я тебе тогда говорил, чтобы ты вышла за того **человека**, который далеко уходит...»

(М. Лакрба. Аламыс, стр. 41).

Ашыз **зыхьыз а уаџ** неиџш, акуарахэа деитасуан.

«Он дрожал как тот **человек**, который заболел малярией».

(И. Папаскыр. Иџымтакуа реизга, I-тәи атом, стр. 17).

В убыхском языке при наличии причастного определения артикль опускается. Например:

Анайпсэ ацэаџа с'ауынџабауны **бйака џхьадыку** дџабйатын џахаџса шцэан амгуычакайфас'а џабз'а куака.

«Когда парень вошел в комнату и увидел ту **девушку**, которую видел во сне, он онемел и больше не мог говорить». (Dumezil, V, 110).

9. Определенность имени существительного, обусловленная наличием определений типа «последний», «другой» и т. д.

В абхазо-адыгских языках наличие определений подобного типа обычно ведет к появлению определенного артикля у существительного, которое они сопровождают.

Появление определенного артикля в таких сочетаниях, по мнению Б. А. Серебренникова, вызвано семантикой самих слов «последний», «близкий», «следующий», поскольку в них заложено понятие компаративности. Чтобы понять является ли «другим» или «последним» данный предмет, необходимо иметь представление о каком-то другом предмете. Основанием для дейксиса в таких случаях является понятие исключительности, обособленности, выделяющее предмет из ряда ему подобных¹¹⁹. Приведем примеры:

¹¹⁹ См.: Б. А. Серебренников. Указ. соч., стр. 257 — 258.

Абх. **Ацыхутэантэи аицлабра** ырхумарран.
«**Последним соревнованием** была игра на лошадях».
(М. Лакрба. Аламыс, стр. 169).

В этом предложении определение «последний» закономерно вызывает употребление существительного «соревнование» с определенным артиклем, поскольку по своей семантике определение это исключает возможность иного выбора в нашем сознании и делает это существительное определенным: «последнее соревнование».

Абх. Зина дѡагылан **егъи а-уатах** дныѡналеит.
«Встав, Зина вошла в **следующую комнату**».
(И. Папаскыр. Иѡымтакуа реизга, I-тэи атом, стр. 276).

Каб. Абы нэгъуэщI **гугъэхэ-р** илщ.
«У него были **другие намерения**».

Адыг. **Ауажрэ** март **мафэм** колхозникхэр лъэшэу ыгъэштагъэх.
«**Последний день** марта сильно напугал колхозников».

Каб. Мыбы щыболъагъу **адрей Iуфэ-р**.
«Отсюда **виден другой берег**».

В абхазском языке часто встречаются случаи, когда определенное слово «последний» стоит в превосходной степени.
— Нанхэа мза **ацыхутэанзатэи а-мш** ауха ачара ааут, — ихэеит Алцыкугы.

«— В **самый последний день** нанху месяца вечером сыграем свадьбу, — сказал Алцыку».
(М. Лакрба. Аламыс, стр. 40).

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

НУЛЕВОЙ АРТИКЛЬ И ЕГО УПОТРЕБЛЕНИЕ

Уже давно внимание исследователей привлекал тот факт, что в языках, обладающих развитой категорией артикля, в определенных случаях отсутствует артикль перед именами существительными. При этом отсутствие артикля является значимым, как и его присутствие.

В абхазо-адыгских языках, как и в индоевропейских языках, отсутствие артикля у имен существительных также является значимым и имеет свои закономерности употребления.

Значимое отсутствие артикля большинство лингвистов называют «нулевым артиклем», подчеркивая этим его грамматическую роль при выражении категории определенности и неопределенности.

Имя существительное, употребленное без артикля, многие исследователи характеризуют как неуточненное в своем объеме, чрезвычайно широкое и крайне абстрактное понятие, не способное вызвать четкого представления о каком-либо реально существующем предмете.

«Существительное, лишенное артикля, — пишет М. Бабаян, — представляет собой понятие с совершенно неуточненным объемом, чрезвычайно широкое и расплывчатое; понятие крайне абстрактное, неспособное вызвать четкий образ реально существующего предмета, такое понятие, которое является как бы неким именованным словесным материалом, такой не оформленной... материей, из которой могут быть извлечены или оформлены потенциально содержащиеся в ней отдельные, конкретные образы реально существующих предметов»¹.

Несколько иного мнения придерживается Е. Н. Зверева. Она пишет: «Поскольку определенный и неопределенный артикли стали связываться с идеей ограничения в характеризуемом ими существительном, отсутствие артикля стало служить показателем отсутствия идеи ограничения в существительном, стало в определенных случаях известным образом характеризовать существительное и тем самым превращалось в артикль»².

И еще: «Назначением определенного и неопределенного артиклей является характеристика имени предмета, то есть имени существительного, обозначающего то, что нами мыслится в каких-либо границах. Следовательно, имена существительные, обозначающие то, что мы мыслим не имеющим границ, останутся не охарактеризованными этими артиклями»³.

В абхазо-адыгских языках имя существительное с нулевым артиклем показывает самое общее его представление, рассматриваемое вне каких-либо ограничений или конкретизирующих элементов. Существительное с нулевым артиклем имеет наиболее общее, отвлеченное значение.

Исследователи адыгских языков удовлетворительно решают вопрос о категории неопределенности имени существительного, выраженной нулевой морфемой, т. е. нулевым ар-

¹ М. Бабаян. Роль и значение артикля во французском языке по материалам художественной прозы второй половины XIX в. Канд. дисс., М., 1945, стр. 102.

² Е. Н. Зверева. Опыт анализа системы артикля в современном английском языке. Канд. дисс., Л., 1946, стр. 77.

³ Е. Н. Зверева. Указ. соч., стр. 73.

тиклем. По этому вопросу в «Грамматике кабардино-черкесского литературного языка» читаем следующее: «Имена существительные неопределенные называют предметы вообще и являются словарной, назывной формой. Морфологически неопределенность выражается нулевым окончанием или отсутствием аффиксов»⁴.

Такого же мнения придерживается Н. Ф. Яковлев относительно адыгейской нулевой формы имени существительного. «Неоформленное имя, — пишет Н. Яковлев, — по своему содержанию обозначает данный предмет вообще, предмет как общее (родовое) понятие... Неоформленное имя может выражать вместе с тем и некоторое неопределенное количество»⁵.

Однако, по-видимому, следует считать спорным встречающееся у адыгovedов соотносительное рассмотрение имени существительного в нулевой форме и имени с морфемой **-р** или **-м** и в связи с этим выделение, как и в европейских языках, наряду с определенным склонением имени так называемое неопределенное склонение (с нулевой морфемой).

По рассматриваемому вопросу Л. Р. Зиндер в грамматике немецкого языка пишет следующее: «Определенный и неопределенный артикли служат в основном для обозначения определенной и неопределенной соотнесенности имени существительного; нулевой обозначает несоотнесенность»⁶.

В адыгских языках также соотносительными формами следует считать, как кажется, имя существительное, оформленное артиклем **-р** или **-м** и существительное, представленное частицей **зы** в функции неопределенного артикля (примеры см. в главе «Категории неопределенности»), а имя существительное, представленное в нулевой форме, т. е. с нулевым артиклем, обозначает несоотнесенность.

От необоснованного выделения именительного и эргативного падежей в нулевой форме отказались авторы последней «Грамматики адыгейского языка», учитывая то, что они встречаются только в пословицах и поговорках⁷ (отсутствие определенного артикля в остальных падежах см. ниже).

⁴ «Грамматика кабардино-черкесского литературного языка». М., 1957, стр. 44.

⁵ Н. Ф. Яковлев, Д. Ашхамаф. Грамматика адыгейского литературного языка. М.—Л., 1948, стр. 382.

⁶ Л. Р. Зиндер и Т. В. Строева. Современный немецкий язык. М., 1957, стр. 80.

⁷ См.: Г. В. Рогава, З. И. Керашева. Грамматика адыгейского языка. Краснодар-Майкоп, 1966, стр. 62—63.

Что касается исследователей абхазского и абазинского языков, то здесь их интересует прежде всего словарная форма имени, т. е. в какой форме слово может даваться в словарях. Поскольку, в абхазском языке, за малым исключением, все имена существительные в словарях даются только с определенным артиклем **а-**, а в абазинском языке они возможны в нулевой форме, некоторые исследователи на этом основании ищут разницу в значении имен, представленных в обоих языках с нулевым артиклем.

Однако, если отвлечься от словарной формы имени, в случаях, когда в абазинском языке отсутствует артикль, в абхазском языке он также отсутствует, и здесь нет разницы в значении, о которой говорит А. Н. Генко. Он пишет: «Формы без **а** встречаются достаточно часто, например, на вопрос о том, как называется тот или иной предмет или явление, ответ содержит нормальную чистую основу слова, сохраняющую значение единственного числа. Примеры: **арый зач'ивыйа?** — «Это что такое?» Ответ: **арый-мзаб, багаб, рыб** и т. д. — «это — лампа, лисица, войско» и т. д. Несколько иначе обстоит дело в абхазском... в тех сравнительно немногочисленных случаях, когда употребляется чистая основа слова, значение ее приближается к идеальной бесформенности. Так, например, **тшы** — в абазинском языке «некая лошадь» (пока неопределенная, ранее в речи не упоминавшаяся), в абхазском же это выражение более отвлеченного, собирательного понятия «лошади вообще» и может быть переводимо как единственным, так и множественным числом, например: **тшы сымам** «у меня нет лошади» (вообще, одной или многих)⁸.

Примеры, приводимые А. Н. Генко для иллюстрации различий, якобы существующих между абхазским и абазинским именами в нулевой форме, не отражают действительного положения вещей. Точно так же, как и абазинец, на вопрос «**Ари закузеи?**» — «Это что такое?» абхазец скажет: **ари лампоуп, бгоуп** и т. д. — «Это — лампа, лисица». Ср. адыг. **мыр уан, джан** — «Это — седло, платье», ср. также каб. **мыр уанэ-щ, джанэ-щ**. В приведенных примерах как в абхазском и абазинском, так и в адыгейском и кабардинском, имена представлены в предикативной форме. Поэтому отсутствие артикля является закономерным. Имена имеют здесь абстрактное значение: «Это есть вообще лампа, вообще лисица, вообще седло, вообще платье». Второй пример: **тшы** — «лошадь», приведенный без контекста, в абазинском языке дает самое

⁸ См.: А. Н. Генко. Абазинский язык. М., 1955, стр. 101.

общее представление о лошади и переводится как «лошадь вообще». Ср. адыг.-каб. **унэ** «дом вообще», **жыг** «дерево вообще». А в абхазском языке без контекста слово **чы** «лошадь» в этой форме не употребительно. Поэтому трудно судить о его значении. Что касается примера **чы сымам** «нет у меня лошади (лошадей)», приводимого из абхазского языка, то он соответствует этому же значению и в абазинском языке. Например: Уаба йырхIаз **тшы** гьтагылам араѳа. «Здесь нет лошади, заработанной твоим отцом (букв. «здесь нет вообще лошади»)» (Къ. Джьгватан. Гъын паса, стр. 37).

Ср. адыг. Непэ мы уэным **цIыф** къыхъагъэп. «Сегодня в этот дом никто не входил (букв. «вообще человек не входил»)».

Отсутствие артикля в словах **лошадь**, **человек** обусловлено во многом наличием отрицания в глаголе (подробно см. ниже).

В отличие от абхазского и адыгских языков в абазинском языке можно наблюдать нарушение в системе употребления нулевого артикля. Например: Ахьта зсыз Аслан йщапIквa **санчасть** апны пслачва **шша** рхьырщI. «Отмороженные ноги Аслана в **санчасть** помазали **рыбым жиром**» (Б. ТхIайцIыхв. Абазара апша, стр. 21). Сара съацалакIгьн **книга** насахвитI. «Куда бы я ни шел, беру с собой **книгу**» (Къ. Джьгватан. Гъын паса, стр. 53).

В приведенных предложениях в словах **санчасть**, **книга**, употребление нулевого артикля грамматически не мотивировано.

Анализ текстов, из которых взяты наши предложения, показывают, что в действительности эти слова осмысляются как определенные. Отсутствие определенного артикля здесь вызвано влиянием русского языка. Влияние русского языка на абазинский язык в нарушении системы употребления нулевого артикля распространяется не только на заимствованные слова, но и на собственную лексику. Так, например, в первом предложении наличие нулевого артикля в **пслачва шша** «рыбий жир» также не мотивировано. Здесь должен быть употреблен определенный или неопределенный артикль.

Возможно, эти нарушения в абазинском языке вызваны также влиянием адыгских языков, не обладающих префиксальным определенным артиклем. Влияние адыгских языков на абазинский язык в этой области допускает и К. В. Ломтатидзе⁹.

⁹ К. В. Ломтатидзе. Грамматический обзор тапантского диалекта абхазского языка. Тбилиси, 1944, стр. 226.

Несмотря на отдельные отклонения система употребления нулевого артикля, однако, остается той же, что и в абхазском языке.

В абхазском языке также наблюдается некоторое влияние русских заимствований в употреблении нулевого артикля. Это касается терминов, пришедших из русского языка. Большинство их — это учебно-педагогические термины: **география**, **ботаника**, **физика**, **химия** и т. д. Эти термины, хотя они и даются в словарях с определенным артиклем **а-**, в разговорной речи учеников и учителей они обычно употребляются без артикля. Например, ученик абхазской школы скажет: **Ботаника** (география, химия) цъшьба хэа истит. «Я сдал ботанику (географию, химию) на хорошо».

— **Химия** цъшьэарак ацуп, **физика** хасабрак атахуп хэа згу иаанагодаз, иахзырбахьадаз.

«— Кто думал, кто нам показывал, что **химия** связана с каким-либо опытом, **физика** с каким-либо решением»

(А. Цьениа. Ашэткуа куахатэым, стр. 24).

Отсутствие артикля в этих терминах следует объяснить приближением их по своему значению к именам собственным.

С другой стороны, присутствие артикля является обязательным, когда указанные термины выражают профессию. Например: **а-ботаник** «ботаник», **а-географ** «географ», **а-физик** «физик» и т. д.

В абхазском языке слова **цъанат** «рай», **цъахным** «ад», вошедшие из арабского языка, также употребляются без артикля. Например:

Икоуп **цъанат** тэыла хучык, иахъзуп, иара Аѳсны хэа.

«Есть в **раю** одна маленькая страна ее зовут Апсны (Абхазия)».

(М. Ахашба. Ааѳынра мшкуа раан, стр. 398).

Хабацэа рыцхакуа **цъахным** итагыламыз ускантэи аамтазы...

«Бедные наши отцы в то время в **аду** же находились».

(И. Папаскьыр. Иѳымтакуа реизга, I-тэи атом, стр. 89).

Отсутствие артикля в словах **рай**, **ад** объясняется, судя по всему, осмыслением их как имен собственных.

Интересным является в абхазском языке также отсутствие артикля в слове **зызлан** «русалка». Например: **Зызлан** акма цэгъала дацэшэоит... — «**Русалка** сильно боится кинжала» (Д. Гулиа. Иѳымтакуа, II-тэи атом, стр. 24).

Отсутствие артикля в слове **русалка** также является осмыслением его как имени собственного. По преданию, это мифическое лицо почиталось как богиня воды. Ср. выражение **зыслан-захкуажэ** «царица воды» (букв. «русалка — царица воды»).

1. Отсутствие определенного артикля при существительном как грамматический архаизм

В абхазо-адыгских языках определенный артикль отсутствует во многих пословицах и поговорках, а также во многих устойчивых словосочетаниях.

Отсутствие определенного артикля в этих случаях следует объяснить отчасти стремлением к лаконичности выражения, а также исторической традицией, поскольку многие пословицы, поговорки и устойчивые словосочетания сложились в тот период истории абхазо-адыгских языков, когда употребление определенного артикля было гораздо более ограниченным. Здесь мы имеем дело с остатком прежнего неупотребления артикля при существительных с обобщенным значением. Приведем примеры:

а) В пословицах и поговорках:

Абх. **Еа** мбакуа **еа** зшьхьада?

«Кто убивал **оленья**, не увидев его?» (Посл.).

Кырк тшэа, **мгуа** тбаа.

«**Узкое горло** — **широкое брюхо**» (Посл.).

Еыцга таацаа ирыхуартоуп.

«**Отговорка для семьи** пригодится» (Посл.).

Ла иабо **хы** иаџсоуп.

«**Глазами** увиденное стоит **головы**» (Посл.).

Абаз. Ажв ащанџы **хџвыс** гящуам.

«**Коровья нога теленка** не убивает» (Посл.).

Каб. **Мыщэ дыгъужь** фџбэлацэщ.

«**Медведю волк** кажется слишком **лохматым**» (Посл.).

Шыгъу зышх **псы** џофэж.

«Кто есть **соль**, тот и **воду** пьет» (Посл.).

Адыг. Гъогурыкџо **гъогу** тенэрэл.

«**Путник** не остается на **дороге**» (Посл.).

Хьажь щэ фырахыжьырэл.

«**Взрослой собаке** уже не дают **молока**» (Посл.).

б) В устойчивых словосочетаниях, представляющих собой парное именное словосочетание:

Абх. **Махэи бхундеи** ахэа-гыла иазнеиуент.

«**Зять и шури** к разъяренному **кабану** подойдут» (Посл.).

Хацеи џхэыси ртызшэа ацэарта иадыруент.

«**Тайну мужа и жены** постель знает» (Посл.).

Абаз. Аколхоз апредседатель џпны џгџашџарышвта — **пхџвыс-гыи хъачвагыи** ауи ддыртшхъвун...

«**Начиная с председателя колхоза, и женщины и мужчины** хвалили его».

(Къ. Джьгватан. Гъын паса, стр. 39).

Примечание. В парных именных словосочетаниях отсутствие определенного артикля является правилом. Тенденция к опущению артикля в парных именных словосочетаниях действует и в современном абхазском языке.

Что касается адыгских языков, то в парных именных словосочетаниях с повторяющимся соединительным союзом **-рэ** могут употребляться как с артиклем, так и без артикля. Например:

Адыг. **Шъхьакџо-м-рэ укџытэ-м-рэ** Умарэ ыжэ зэтырагъэнагъэ.

«**Позор и стыд** закрыли рот Умару».

(«Грамматика адыгейского языка», 1966, стр. 336).

Кџалэ-м-рэ лџыжъы-м-рэ къэкџуагъэх.

«**И юноша, и старик** пришли».

(Там же, стр. 403).

Каб. **Гъуэмылэ-м-рэ шэмэджы-м-рэ** ди адэм къищтэри, щыри дьужьыхауэ, хъэжым къытхуищџыну унафэм дегупсысырт.

«**Наш отец** взял **еду и косу**, и мы втроем, измученные, стали думать о том, какое решение может нам вынести хаджи».

(«Грамматика кабардино-черкесского литературного языка», 1957, стр. 208).

Адыг. Ары шъхьакџэ пэсэрэ адыгэ бзылъфыгъэм а ыщџэ зэрџуштыгъэм **тхьамыкџагъо-рэ пщылџыгъэ-рэ** нэмыкџэу шџуагъэу зи къафыхыштыгъэл.

«**Но эта слава** прежней адыгской женщине, кроме **горя и рабства**, ничего доброго не приносила».

(«Грамматика адыгейского языка», 1966, стр. 336).

Ку-рэ жэ-рэ зэкџах-а.

«**Подвода и сани** догоняют друг друга» (Посл.).

2. Нулевой артикль у существительного, входящего в состав именного сказуемого

Уже давно замечено исследователями, что имя существительное, входящее в состав именного сказуемого, обычно употребляется без артикля. Однако в некоторых индоевропейских языках — немецком, английском, французском — именная часть сказуемого часто может употребляться и с неопределенным артиклем. Например: *Der Hund ist ein Haustier* «Собака — домашнее животное»; *Jean est un Capitaine* «Жан — капитан» и т. д.

В абхазо-адыгских языках в большинстве случаев имя в предикативе также употребляется с нулевым артиклем.

В специальной литературе употребление именной части сказуемого с нулевым артиклем объясняют главным образом тем, что предикатив обычно приобретает свойство, характерное для прилагательного. Если предикатив выражен именем существительным, то он утрачивает свой субстантивный характер и обозначает главным образом качество. По этому поводу В. В. Виноградов пишет: «То имя существительное, которое употреблено главным образом в функции приложения или сказуемого, выражает не столько предметность, сколько качественную характеристику или состояние»¹⁰. По мнению Л. И. Божно, при отсутствии артикля предикатив выражает неограниченность понятия, к которому причисляется субъект, совокупность качеств целого класса однородных индивидов, свойственных всему классу¹¹.

В абхазо-адыгских языках имя существительное, являющееся предикативом, перестает обозначать предмет, мыслимый в определенных границах, и приобретает абстрактный характер, выражает качественную характеристику другого предмета. Приведем примеры:

Абх. Уи имкьатазо, Аџсны зегьы зыркаччо **цэашь-уп**.

«То есть **лучина** неугасимая, освещающая всю Абхазию».

(И. Папаскыр. Иџымтакуа реизга, I-тәи атом, стр. 286).

Арт хара иахтәым, жәлары зегьы ирзеиџшу **мал-уп**.

«Это принадлежит не нам одним, а есть всенародное **богатство**».

(И. Папаскыр. Там же, стр. 64).

Тамшыгу аеилахәара бзиа избо **уаџ-уп**.

«Тамшигу (есть) **человек**, который любит хорошо одеваться».

(Д. Гулиа. Иџымтакуа, II-тәи атом, стр. 239).

— Уи **уаџ бжыс-уп**, аехырцәажәара дашьцылоуп.

«— Он **испорченный человек** (есть), ищет лишь хвастовство».

(И. Папаскыр. Иџымтакуа реизга, I-тәи атом, стр. 29).

... Зина иагьа умхән **кыта зџаб-уп**.

«...Что не говори, Зина — **деревенская девушка**».

(И. Папаскыр. Там же, стр. 222).

Абаз. Амазутгьи глазлырхуа **нефтпI**.

«Из чего делают мазут есть **нефть**».

(«Абаза бызшвала грамматика», стр. 125).

— Ари **бага-пI**, — йхIватI КIамагIа, тIакIвгьи дпшвырхьычнауа.

«Это (есть) **лиса**, — сказал Камата, чуть-чуть улыбувшись».

(Къ. Джьгватан. Гьын паса, стр. 48).

Адыг. Дәпкьым пылтагьэр уан.

«На стене висящее (есть) **седло**».

Столым телгыр **мыIэрыс**.

«На столе лежащее (есть) **яблоко**»¹².

Каб. Абы хуэдэ залымыгьэр зыгьэкIуэда Ленин сэркIэ адэш, анэш.

«Ленин, уничтоживший такое насилие, для меня **отец и мать**».

Как видно из приведенных примеров, в адыгейском языке в отличие от кабардинского, абхазского и абазинского предикатив выступает в чистой форме, т. е. без добавочных средств.

Убых. А-зәанкьы куабжьа, а-такьгы пьхьас'ы-йт.

«Блоха была **мужчиной**, вош — **женщиной**».

(Dimezil, V, 92).

¹⁰ В. В. Виноградов. Русский язык. М., 1947.

¹¹ См. Л. И. Божно. Две функции артикля при имени нарицательном: в немецком языке. Канд. дисс., Л., 1947, стр. 83—84.

¹² Адыгейские примеры взяты из статьи: У. С. Зекох. О системе склонения в адыгейском языке, «Уч. зап. АНИИ», т. II. Майкоп, 1963, стр. 65.

3. Нулевой артикль у существительного, обусловленный наличием отрицания

Почти во всех языках, обладающих категорией артикля, наблюдается закономерность, при которой неопределенность имени существительного обуславливается наличием отрицания в предложении, например, в немецком языке *Er hat kein Buch*. «У него нет книги». Отсутствие артикля при отрицании объясняется тем, что отрицание само по себе уже создает представление нереальности, неопределенности предмета. Эта закономерность также действует в абхазо-адыгских языках. Отрицание в абхазо-адыгских языках так же, как и в немецком языке, может относиться или к глаголу, или к существительному. В зависимости от этого употребляются разные формы отрицания.

а) Конструкция «имя существительное + отрицание у глагола»:

Абх. Леуарсагы азы дтытит, ухаа **псыз** ыкам ихэан.

«Леуарса тоже вышел из воды, сказав, что больше нет **рыбы**».

(И. Паласкыр. Ишымтакуа реизга, I-тәи атом, стр. 289).

— Уи акаратэкья **жъа** зыкаларымызт цъарак.

«Не может быть столько **зайцев** в одном месте».

(Д. Гулиа. Ишымтакуа, II-тәи атом, стр. 218).

Абаз. Ари ахла пхашари швари сзызымчауа **пхла** сара дыгьстахьм.

«Мне не нужна **дочь**, которая для меня не имеет стыда и боязни».

(«Абаза турыхква», стр. 5).

Абари азаман аглан ащхъа ащапIы йыщIачIваз кытк-вакI зтшпынчIвалаз рдзыгIв атIкьва йакIыта дзырмаууа гIапсара ду рыкьта йаъан.

«В это время в одном ауле, находящемся у подножия горы, всю воду захватил дракон, аул не находил **воды** и очень уставал от этого».

(«Абаза турыхква», стр. 7).

Адыг. Цыф зэрымысым насып илъэл.

«Где нет **людей**, там нет и **счастья**» (Посл.).

Чэтыу зэрымысым шыгъо щэджэгү.

«Где нет **кошки**, там **мышь** резвится» (Посл.).

Каб. Вы зимыIэм шкIэ щIешIэ.

«У кого нет **вола**, тот **впрягает** подтелка» (Посл.).

Алыхъ, зыгуэрым, ауэ и гъунэ кьыдывам, IэщIэзгуэни пхъу симыIэ.

«Клянусь аллахом, у меня нет такой **дочери**, которую я могла бы отдать какому-то пятому колесу».
(«Кабардинско-русский фразеологический словарь», стр. 57).

Убых. Фахъа за-хъы лътэка. **мызы** каџкама.

«В старину жил какой-то князь, не имел **ребенка**».
(Dumézil, V, стр. 177).

В приведенных предложениях в словах «рыба», «заяц», «дочь», «вода», «человек», «кошка», «вол», «ребенок» отсутствие определенного артикля связано с отрицанием в глаголе, указывающем на полное отсутствие предмета.

б) Конструкция «имя существительное + аффикс отрицания (лишения) -да (абх.), -даъа (абаз.)».

Абх. Нхыцаа иахаракгы ирзымбатэбарахаз уи акун, — арт **бцъар-да** ибналаз ауаа арскак бцъарлеи хи хушэyleи амџа излеикушэахаз.

«Жителей той стороны гор особенно удивляло одно: как эти люди, укрывшиеся **без оружия**, смогли приобрести столько оружия, дрови и пороха».

(М. Лакрба. Аламыс, стр. 177).

џныда нхара залшом.

«**Без дома** невозможно жить».

(К. Шьакрыл. Аџсуа бызшэа рцага, 1961, стр. 65).

Абаз. **Трактор-даъа** аколхоз адгьыл шарда чвагъвара барг-выпI.

«**Без трактора** трудно вспахать колхозные земли».

Ср. каб. Тенджыз гъунапкъа-ншэ.

«**Безбрежное море**».

Наличие того или иного отрицания в предложении необязательно приводит к отсутствию определенного артикля у существительного. В абхазо-адыгских языках есть и такие случаи, когда существительное является определенным и при наличии в предложении отрицания. Это явление объясняется тем, что наряду с отрицанием данное имя существительное имеет какие-либо другие признаки, которые делают его определенным.

Абх. — Ахшара цкъа думоуп Ахмат, анцэа шэеигимыр-хааит, умбои **аџара** сымам **шухэоз!**..

«— Хороший ребенок у тебя, Ахмат, пусть бог не разлучит вас; видишь, ты говорил, что нет **денег!**...»

Здесь слово «деньги» представлено с определенным артиклем, несмотря на наличие отрицания в глаголе, поскольку о деньгах речь уже шла.

4. Отсутствие определенного артикля у имен существительных при перечислении

В абхазо-адыгских языках при перечислении имена существительные могут быть представлены с нулевым артиклем, но это не является строгим правилом, как в индоевропейских языках.

Причина неупотребления определенного артикля в этом случае, т. е. при перечислении, во многих случаях объясняется отсутствием необходимости особого подчеркивания и выделения предметов. Приведем примеры:

Каб. Да школ хадэм **нарыху, сэхуран, гуадз, щIэп** щыдгъ-эжIаш.

«Мы вырастили на нашем пришкольном участке **кукурузу, подсолнух, пшеницу, коноплю**».

(«Грамматика кабардино-черкесского литературного языка», 1957, стр. 209).

Уэ кьуатынищ **фоч, автомат, ручной пулемет**, зэмыль-эпкьэгъу гранатхэр.

«Тебе дадут **винтовку, автомат, ручной пулемет**, разных образцов гранаты».

(А. Гайдар. Рассказхэр, стр. 28).

Абаз. Акыт **кIвтIу, кьаз, бабыш, гвагвышта** йту-зымгIвадзугъи бзыгIаскIпI, — ахIватI аквыджьма, — йбфауа брыдчIва-лазла.

«Сколько в ауле **кур, гусей, уток, индюшек** — всех для тебя поймаю, сиди и ешь, — сказал волк».

(«Абаза турыкква», стр. 105).

Аколхоз **машина, клуб, радио, кино** амапI!

«Колхоз имеет **машину, клуб, радио, кино**».

(«Абаза бызшвала букварь», стр. 61).

Абх. **Жэы, куты, ыы, хэа** — зегъы абахча итoup.

«**Коровы, куры, лошади, свиньи** — все пасутся в саду».

Ажэџан иаткакъысуама ухэаратэы ихаракыу ашьха уамтагылоуп, **хра-такнахай, бахуреи, џаџеи** урзыџ-шуа.

«Ты стоишь у подножья горы, вершина которой тебе кажется, доходит до небес, наблюдая за **висячими скалами, утесами и выступами**».

(Н. Хашыг. Ашьха рџашкуа ахьеилало, стр. 5).

5. Нулевой артикль у существительных с определением, выраженным числительным

В абхазо-адыгских языках довольно закономерно, как и в других языках, неупотребление определенного артикля у существительных при наличии в качестве определения количественного числительного, особенно в тех случаях, когда только констатируется количество предметов без их прямого выделения.

Здесь можно указать на два основных случая: а) количество предметов является точно определенным, б) количество предметов определено приблизительно.

В абхазском и абазинском языках употребление и неупотребление определенного артикля зависит также от определяемого им имени, т. е. от того, к какому классу оно относится — к классу разумных или неразумных существ, а также от места расположения числительного по отношению к нему.

Если определяемое имя относится к классу разумных существ и определение-числительное занимает препозитивное положение, то определенный артикль может присутствовать или отсутствовать. Определенный артикль опускается, если числительное сливается с существительным и образует фонетически единое целое. Например:

Ахак **хџы-џацэа** иман.

«Какой-то князь имел **трех сыновей**».

(„Аџсуа лакукуа“, стр. 132).

Инхон **хџ-еишьцэа**.

«**Жили трое братьев**».

(Там же).

Определенный артикль присутствует всегда у имени, если числительное-определение оформлено аффиксом -к.

Икан **х-џык а-ишьцэа**.

«**Было трое братьев**...».

(„Аџсуа лакукуа“, стр. 154).

Аиныжэ дышнениуаз **х-џык а-зџабцэа** ибеит.

«Аиныжэ, идя (по дороге), увидел **трех девочек**».

(Там же, стр. 142).

Определенный артикль отсутствует у имени, если числительное — определение класса разумных существ, занимает постпозитивное положение.

Уаа **џажэаџы** 'амџа ахьыркыу урыкушэар узрыџ-цару?

«Сможешь ли ты уйти, если попадешь в то место, где охраняют дорогу **человек двадцать**?»

Отсутствие определенного артикля в слове «человек» следует объяснить тем, что здесь количество людей определено приблизительно.

Если определяемое имя существительное относится к классу неразумных существ, то числительное-определение здесь также может стоять в препозиции или в постпозиции и соответственно употребление артикля будет связано с ним.

Определенный артикль отсутствует у имен существительных при наличии числительного-определения в препозиции, начиная с числительного «одиннадцать» и далее¹³.

— **Шэи хуба жба** еицырхухуа азы иаваланы ишнеи-уаз збеит.

«— Я увидел стадо в **сто пять зайцев**, идущих по берегу реки».

(Д. Гулиа. Ишымтакуа, II-тэи атом, стр. 248).

Фажэи жэоху порошок илтеит.

«Она дала ему **тридцать пять порошков**».

(Д. Гулиа. Там же, стр. 263).

Ср. убых. Дабуа-мса асэяба **ткѹамц'ткѹатэы цхьадыку** шыка.

«Таким образом в комнате стало **сорок девушек**».

(Dumezil, V, 144).

Имя существительное будет представлено с нулевым артиклем при наличии числительного-определения в постпозиции, начиная с двадцати и далее, а при числительных с двух до двадцати — с определенным артиклем. Приведем примеры:

Аекуа жэаба ааихуеит.

«Он купил **десять лошадей** (букв. «лошадей десять»)».

Атауан афы а-хнышьаркуа фба хшыын.

«На потолке висели **две надочажных цепи**».

Шьака фажэа ацеибыхэа имхара афадахьшэа игылаз амацуртагы уамажэ аамта ахыцуан...

«**Столбов двадцать** подпирали его очень старую кухню, которая стояла выше брачного дома...».

(И. Папаскыр. Ишымтакуа реизга, I-тэи атом, стр. 15).

Ср. абаз. уаса гIважва «**овец двадцать**», тетредь гIважви быжьба «**тетрадей двадцать семь**».

(«Абаза бызшвала грамматика», стр. 104).

В приведенных предложениях в словах «столб», «овцы», «тетрадь» отсутствует определенный артикль, поскольку количество предметов определено здесь приблизительно.

¹³ О сочетаний числительных первого десятка с именем существительным см. в I главе.

В адыгских языках, в отличие от абхазского и абазинского, числительные не различаются по классам и занимают, как правило, постпозитивное положение по отношению к определяемому слову.

Каб. Колхозым щывэну **трактор пшыкIутху** ягъэкIуаш.

«В колхоз на пахоту отправили **пятнадцать тракторов**».

(«Грамматика кабардино-черкесского литературного языка», 1957, стр. 187).

Колхозым **чэти-плI** иицIаш.

«Колхоз выстроил **четыре овчарни**».

(Там же, стр. 187).

Здесь слова «трактор», «овчарня» представлены без определенного артикля, поскольку констатируется только количество предметов.

Однако в адыгских языках имя существительное может иметь определенный артикль и при наличии числительного-определения. Обычно в таких случаях оно каким-либо другим способом определено и ограничено в своем значении. Например:

Каб. **А лъэныкъуи-тIы-р** зобий, зыр адрейм тоуэ, зэрошх.

«**Эти две стороны** враждуют, одна нападает на другую, грызутся».

(«Грамматика кабардино-черкесского литературного языка», 1957, стр. 134).

Определенность существительного «сторона» обусловлена наличием у него указательного местоимения **а** «этот».

Во всех случаях, когда количество предметов определено приблизительно, имя существительное будет представлено в абхазо-адыгских языках с нулевым артиклем. Например:

Абх. Абра ашьха хакунхоит **жэохука-фажэака тзы**.

«— Здесь на горе живет **около пятнадцати-двадцати семейств**».

(Д. Гулиа. Ишымтакуа, II-тэи атом, стр. 294).

Каб. Завхозым унэм щIэсу кыгъуэтащ **цIыху зыхыбл**.

«Завхоз застал в комнате **семь-восемь человек**».

6. Нулевой артикль у существительного как результат семантических особенностей его сопровождения

В абхазо-адыгских языках существует целая группа местоимений и прилагательных, семантическая природа которых не совместима с определенностью связанного с ними имени. В эту группу местоимений входят главным образом неопре-

деленные и вопросительные местоимения. «Вопросительное местоимение — неизбежно эквивалент неопределенного». «Кто это воплощение неопределенного вопроса»¹⁴. Такова семантическая природа этих местоимений. Сюда же можно включить и определенную группу прилагательных. Наличие таких местоимений и прилагательных ведет к отсутствию определенного артикля у существительного, к которому они относятся. Ниже мы перечислим наиболее характерные для абхазо-адыгских языков случаи.

а) Существительное плюс суффиксальное местоимение — **цъхьаза||пхьдза** (в абхазском и абазинском), употребляемое в значении «каждый».

Абх. Далаа рхуаца ашыкусан, **тзы-цыцъхьаза**, кабык-кабык иртар акун.

«Жители Дала должны были давать своему мулле по одной тыкве в год с **каждого двора**».

(Д. Гулия. Ифымтакуа, II-тәи атом, стр. 235).

Арака шамахамзар **оната-цыцъхьаза** иубоит андуцаа, абдуцаа 70-80 шыкуса инартысхьоу.

«Здесь без исключения в **каждом доме** увидешь бабушек, дедушек старше 70 — 80 лет».

(А. Хутланзиа, Д. Киут. Имажэзо агу, стр. 18).

Абаз. **Класс-пхьдза** апхьаца бзиддзала хIахьысуан».

«Из **каждого класса** мы переходим очень хорошо».

(Къ. Джьгватан. Гъын паса, стр. 31).

б) Существительное плюс префиксальный элемент **есы-** (<**иасы-**)||**ансы-** со значением «каждый» в абхазском и абазинском, послелог **къас** в кабардинском языке, **пэпчъ** в адыгейском в том же значении «каждый», в убыхском — **шашын**.

Абх. — Дкат-като аракуа еипш, **ес-уаха**, **ес-ены** ишца-лызхауеи...

«— Тонкая, как тростник, она (Зина) растет **каждую ночь, каждый день**...»

(И. Папаскыр. Ифымтакуа реизга, I-тәи атом, стр. 73)

Каб. Лыжьхэмрә фэрә махуэ къэс фызэрылбагъунущ.

«Старики и вы будете видеть друг друга **каждый день**».

(«Грамматика кабардино-черкесского литературного языка». М., 1957, стр. 135).

Сэ гуыбгъуэм махуэ къэс сыщолажьэ.

«Я работаю в поле **каждый день**». (Там же).

¹⁴ И. С. Аксаков. Опыт русской грамматики. Сочинения филологические, ч. II, стр. 76.

Адыг. Ар лъэубэкъу пьпчъ къэуцущтыгъ.

«Он останавливался на **каждом углу**».

Убых. **Мысэа-шашын** асэуайшья хьатэанайль.

«**Каждый день** служанки вертелись вокруг нее».

(Dumezil, V, стр. 141).

в) Существительное плюс словообразовательный суффикс **-цас**, указывающий на способ, образ действия. Имя существительное с этим аффиксом приобретает значение наречия, следовательно, здесь не может присутствовать определенный артикль.

Абх. Даара пату акуитон Темыр, лара Надиа лхатагьы убас хатырла **џза-цас** дахьизныкуоз.

«Очень уважал Темыр Надю за то, что она так **подружески** относилась к нему».

(И. Папаскыр. Ифымтакуа реизга, I-тәи атом, стр. 249).

— Бара бус алам амулацаа ражэабжь, бызбабзар,

збаб-цас быказ!..

«Нет тебе дела до рассказов о мутлах, если ты девушка, то будь как подобает **девушке!**»

(М. Лакрба. Аламыс, стр. 131).

Ихааза инаихуапшит **шэахуа-цас** икаччоз Надиа лыла губракуа,

«Ласково взглянули на него, светящиеся как **искры**, Надины серые глаза».

(И. Папаскыр. Ифымтакуа реизга, I-тәи атом, стр. 250).

г) Существительное с вопросительным местоимением **закуи**, **закутэ** «какой».

Абх. — Иараби, **изакутэ** уаа мыждаузеи абарт Мыкыч-раа?!

«— Боже мой, **какие люди** эти Мыкычовцы?!

(И. Папаскыр. Ифымтакуа реизга, I-тәи атом, стр. 32).

— Уара **узакутэ** папузеи!?

«— Какой же ты **поп!**?»

(Д. Гулия. Ифымтакуа, II-тәи атом, стр. 233).

— **Изаку мышэ-думбениузеи** умхэо зызбаху рымоу?

«— Скажи, что за **медведь-великан**, о котором слухи распространились».

(М. Лакрба. Аламыс, стр. 28).

Ср. адыг. Нэпэ сьд мафа? — «**Какой сегодня день!**»

д) Местоимения **зака||зъара** «сколько», **дапшэ**, **сыт**, **хуэдиз** (каб.) с именем существительным.

Абх. **Зака ус мшы умоузеи уара?**
 «— Сколько трудней у тебя?»
 (И. Папаскыр. Ишымтакуа реизга, I-тәи атом, стр. 300).
 Уи **зака хъз** еилылхыз здырхуада, аха ацыхутәаны даагылеит хъзык афы.
 «Кто знает, сколько имен она перебрала, но, наконец, остановилась на одном».

Абаз. Ари асочинения **зъара том** йнадзауа?
 «В скольких томах это сочинение?»
 («Русско-абазинский словарь», стр. 456).
Зъара машина, **зъара**, **вагоня** ауи ауыс ихъвнакылуа?
 «Сколько машин, сколько вагонов, задерживает это дело?»
 (Б. ТхIайцIыхв. Абзазара апша, стр. 88).

Каб. **Ильэс дапцэ ухъуа?**
 «Сколько вам лет?»
 («Русско-кабардино-черкесский словарь», стр. 754).
 Мыбы щыцIэдзауэ кьалэм нэс сыт хуэдиз километр бжыгъэ дэлъ?
 «Сколько километров отсюда до города?» (Там же, стр. 754).

е) Существительное плюс слова: **къом**, **зыкъом** (каб.), **вызаул** (адыг.-каб.), **заулэ** (адыг.) «несколько».

Каб. **Цыху зыкъом** кьызэхуэсащ.
 «Несколько человек собралось».
 (Б. М. Карданов. Грамматический очерк кабардино-черкесского языка, стр. 1016).
 Шкаф бгъуфIэм тхылъ **къом** дэлът.
 «В широком шкафу лежало некоторое количество книг».
 («Грамматика кабардино-черкесского литературного языка», 1957, стр. 188).

Адыг. Николай списокэм хаплъи, **лэкъоцIэ** **заулэ** рицIэтхъ-укIыжыгъ.
 «Николай посмотрел список и вычеркнул несколько фамилий».
 («Грамматика адыгейского языка», 1966, стр. 81).

ж) Существительное плюс слова **куэд**, **зыбжанэ** (каб.); **акыр**, **рацэа** (абх.); **щарда** (абаз.), употребляемые в значении «много», «множество».

Каб. **Ильэс зыбжанэ** хъуауэ пхъэIэщэ земыIусэ щыщIэ вэн хуейт.

«Предстояло вспахать много лет нетронутую плугом целину».

(«Грамматика кабардино-черкесского литературного языка», 1957, стр. 170).

ФIуэ гъэплъа пэщым **цыху куэд** щIэст.

«В хорошо натопленной комнате сидело много народу».
 (Там же, стр. 176).

Сурэт куэд слъэгъуаш.

«Я видел много картин».

Абх. Ииашоуп, сара **акыр шэахкы** схэахъан, исымхэа-цызгъы цыхуаццэара рымазамкуа схы итан.

«Правда, я спел много песен, но было много в голове таких, которых я еще не спел».

(М. Лакрба. Аламыс, стр. 200).

Акыр шыкуса раахыс Темыр тынч дифымцэажэацызт, иуафъшъахаз, иказшъахаз лыздыруамызт.

«В течение многих лет она не разговаривала с Темыром и не знала теперь, каков у него характер».

(И. Папаскыр. Ишымтакуа реизга, I-тәи атом, стр. 202).

Абаз. Ачеркес-абаза уагIаква дрыуата Тобыль Толыыстан пычIвта советска драматургта **пьеса щарда** Черкесска театр ахъазла йалайцIатI.

«Тобулов Татлустан является первым советским драматургом из черкесов и абазин, создавшим для черкесского театра много пьес».

(Т. Табулов. Зули, стр. 1).

Аколхоз **нартыхв щарда** ланацIатI.

«Колхоз посеял много кукурузы».

(«Абаза бызшвала букварь», стр. 93).

Къара Къаз щарда лымапI.

«Қара имеет много гусей» (Там же, стр. 95).

з) Существительное со словом **тIэкIу** (адыг.-каб.), (а) **мач** (абх.) «мало».

Адыг.

Каб.

Псы тIэкIу ипшъун.

Псы тIэкIу ифын.

«Выпить немного воды».

Абх. — **Ха мач** ифахъоума ара дгылеижътеи?!

«— Мало разве груш поел, пока он здесь стоял?!»

— **Щара мач** ниххъоума Хауида ифны аргыларазы?!

«— Мало разве денег потратил Хауида, чтобы построить дом?!»

7. Неупотребление определенного артикля перед именем существительным + масдар и в застывших выражениях

а) В абхазском и абазинском языках часто имя существительное включается в сочетание с масдарной формой глагола, и это составное образование примыкает к сказуемому. В этом случае имя существительное, как правило, представлено без определенного артикля, поскольку данное словосочетание принимает обстоятельственное значение.

Абх. Гут дныкулан **быста аагара** дцеит.

«Гут пошла за **мамалыгой**».

(Д. Гулиа. Ифымтакуа, II-тәи атом, стр. 262).

Абаз. Аколхозник Адамей аБруль ацІайхІван, **мышІ гара абна** далацатІ.

«Колхозник Дамей запряг Бруль, поехал за **дровами** в лес (букв. «дров привезти»)».

(«Абаза бызшвала букварь», стр. 140).

Абх. Лани лареи **чмазаа бара** инеит агулара цъара.

«Мать и она (дочка) зашли к соседям проведать **больного**».

(И. Папаскыр. Ифымтакуа реизга, I-тәи атом, стр. 13).

Абаз. Нуси ХІасани **псІачва кІра** йцатІ.

«Нуса и Хасан отправились на **рыбалку** (букв. «рыбу ловить»)».

(«Абаза бызшвала букварь», стр. 133).

Приведенные типы сочетания последовательно употребляются с артиклем при обозначении ими лиц по действию и по роду занятий. Но в этом случае мы имеем не словосочетание, а сложное слово: **а-псызкы** (абх.), **а-псІачвкІгІвы** (абаз.), «рыболов»; **а-м҃хы** (абх.), **а-мшІхгІвы** (абаз.) «дровосек» и т. д. **Ап҃сызкы** дхынхәит «рыболов вернулся».

В адыгских языках аналогичные типы сочетаний (т. е. имя + масдарная форма глагола) также употребляются без определенного артикля.

Адыг. Дәхашә **псыхьэ** ежьагъ.

«Дахаш пошла за **водой**».

(«Грамматика адыгейского языка», 1966, стр. 381).

Каб. **ЩакІуэ** сыкІуэнущ.

«Пойду на **охоту**».

(«Грамматика кабардино-черкесского литературного языка», 1957, стр. 47).

Убых. Дбабзы бзатын **бзы-зәаўтын** абзыльахъ дбакьатын...

«Когда они пить захотели и пришли к **воде** напиться (букв. «пить воду»), вода сказала так...» (Dumezil, V, стр. 93).

Но эти же сочетания могут выступать как сложные слова с артиклем как в абхазском, так и в абазинском языках, если они обозначают лиц по действию и по роду занятий. Каб. **псыхьэр** кьэсыжащ «**водонос** вернулся»; **щакІуэм** жиІащ «**охотник** сказал» («Грамматика кабардино-черкесского литературного языка», 1957, стр. 48).

б) В абхазо-адыгских языках слова, обозначающие понятия **сын, дочь, муж, жена** часто, сочетаясь с глаголом, образуют устойчивое словосочетание. В этих сочетаниях имя существительное выступает не для выражения лица, а для уточнения характера или содержания действия. В силу этих обстоятельств артикль последовательно отсутствует в названных словах. Например:

Абх. Есма п҃а длоут...

«Эсма родила **сына**...»

(Д. Гулиа. Ифымтакуа, II-тәи атом, стр. 7).

Сан ашәку лзифит, сара хатас хәа уаха бысзым҃шын, **п҃хәыс** даазгеит хәа.

«Матери написал письмо, чтобы она больше не ждала его как мужа, что он женился (букв. «**жену** привел»)».

(И. Папаскыр. Ифымтакуа реизга, I-тәи атом, стр. 256).

— Камачыч **хатца** дцеит!

«— Камачич вышла **замуж**!».

(Д. Гулиа. Ифымтакуа, II-тәи атом, стр. 116).

Ср. адыг. Пш҃ашьэр **л҃ы** дэкІуагъ.

«Девушка вышла **замуж**».

(«Толковый словарь адыгейского языка», 1960, стр. 403).

Ащ **кІалэ** кьыфэхьугъ.

«У нее родился **сын**».

(«Русско-адыгейский словарь», 1960, стр. 800).

В приведенных примерах в словосочетаниях **п҃хәыс** даазгеит (букв. «жену привел»); **хатца** дцеит (букв. «к мужчине пошла»), адыг. **л҃ы** дэкІуагъ мы здесь уже не думаем отдельно о слове **ап҃хәыс** «женщина», **ахатца**, **л҃ы** «мужчина» или о глаголе **даазгеит** «взял», **дцеит** «пошла», адыг. **дэкІуагъ**, а воспринимаем лишь то значение, которое они выражают вместе.

Убых. Йына дымыц'ан куабжъы цыкбауыс?

«Кто не знеат этого, разве выходит **замуж** (букв. «за женщиной идет»)?» (Dumezil, V, стр. 54).

8. Нулевой артикль у существительных, стоящих в превратительном падеже

В существующих грамматиках и работах, посвященных склонению как в абхазском и абазинском, так и в адыгских языках, выделяется так называемый превратительный падеж.

Превратительный падеж в адыгских языках образуется с помощью суффикса **-уэ||-у**, в абхазском языке — с помощью суффикса **-с** в абазинском **-та**, в убыхском **-ны**.

В соответствии с различным пониманием значения этих суффиксов специалисты по адыгским языкам, а также по абхазскому и абазинскому, квалифицируют данный падеж по-разному¹⁵.

Для нас интересным является то, что имена существительные с этими суффиксами всегда представлены с нулевым артиклем как в абхазском и абазинском, так и в адыгских языках. Приведем примеры:

Абх. Имдыру **кыта пхэызба-с** лхы лыпхьазон, лхы кунылшьон Зина, ацараду итаз астудент Темыр иааста-«Зина считала себя незнайкой, **деревенской девушкой** по сравнению со студентом Темыром».

(И. Папаскыр. Ифымтакуа реизга, I-тэи атом, стр. 182). — Сыпсы ирцэызгаз зхуартоузеи, арахь хахдыртэеи-теи, хафна казентэны **школ-с** икартеит ишыббо!

«— На что годится моя жизнь, которую я спас, когда наше хозяйство забрало государство, а (наш) дом превратили в **школу**».

(И. Папаскыр. Там же, стр. 272).

Абаз. Ачеркес-абаза уаглаква дрыуата Тобыль Тольыстан пычлвта **советска драматург-та** пьеса щарда Черкесска театр ахьазла йалайцат!

«Табулов Татлустан является первым **советским драматургом** из черкесов и абазин, создавшим для черкесского театра много пьес».

(Т. Табулов. Зули, стр. 1).

¹⁵ См. об этом подробно в статье: А. Шагиров. Сравнительная характеристика системы склонения в адыгских языках. «Вопросы изучения иберийско-кавказских языков». М., 1961, стр. 59.

Араба асы дупI, цIолапI, лыжала бзита йызнымкьвауа **солдат-та** дгырпхьадзум.

«Здесь снег большой, глубокий, кто не может хорошо ходить на лыжах, того не считают **солдатом**».

(Б. ТхIайцIыхв. Абзазара апша, стр. 17).

Адыг. Съездым делегат-эу укьэкIуагьэщтын?

«Наверное, на съезд **делегатом** приехал».

(«Грамматика адыгейского языка», 1966, стр. 66).

Каб. Хьэжмэт бригадир-у мэлажьэ.

«Хаджимет **бригадиром** работает».

Убых. Абазэн уа-наинсэ **хьэ-ны** аинс'ка

«Старик сделал парня **сыном**».

В приведенных предложениях слова и словосочетания «деревенская девушка», «школа», «советская драматургия», «солдат», «делегат», «бригадир», «сын» представлены с нулевым артиклем.

Употребление нулевого артикля с данными словами является вполне закономерным, поскольку эти слова в сочетании с названными аффиксами имеют предикативное значение. Тем самым они утрачивают свое значение как имена предмета и приобретают обобщенное или абстрактное значение.

Но несмотря на это некоторые адыговеды, желая иметь два ряда склонения по типу индоевропейских языков, одной и той же форме, т. е. «имя+уэ||у», приписывают неопределенное и определенное значения¹⁶.

По этому вопросу Н. Ф. Яковлев в своей «Краткой грамматике кабардино-черкесского языка» писал следующее: «Превратительная форма **уына-уа, стол-уа** и т. д. помещена нами условно в определенное склонение. По своему образованию, однако, эта форма скорее напоминает неопределенное склонение, так как в определенном мы ожидали бы **стола-р-уа**»¹⁷.

Заслуживает особого внимания квалификация, даваемая аффиксу **уэ||у** А. К. Шагириным в отличие от других исследователей-адыговедов.

С нашей точки зрения, А. К. Шагиров прав, когда он видит в конструкции «имя+уэ||у» предикативную природу адыгского имени, а также рассматривает его «не как падежное окончание, а как формообразовательный элемент»¹⁸. Это мне-

¹⁶ См.: У. С. Зекох. Указ. соч. стр. 69.

¹⁷ Н. Ф. Яковлев. Краткая грамматика кабардино-черкесского языка. Орджоникидзе, 1938, стр. 130.

¹⁸ См.: А. К. Шагиров. Сравнительная характеристика системы склонения в адыгских языках. М., 1961, стр. 59.

ние подтверждается тем фактом, что имена существительные в адыгских языках с суффиксом **-уэ||у** не принимают артиклей **-р, -м**, а также примерами из абхазского и абазинского языков, где также отсутствует определенный артикль **а-** при наличии в имени суффиксов **-с** и **-та**.

9. Нулевой артикль у существительных, стоящих в орудном (в инструментальном) падеже

В абхазо-адыгских языках орудный падеж, как и превратительный, квалифицируется специалистами по-разному¹⁹.

Орудный падеж в адыгских языках образуется с помощью суффикса **-кIэ**, а в абхазском и абазинском языках — с помощью суффикса **-ла**. Имена существительные в орудном падеже, в отличие от превратительного падежа, употребляются как с нулевым артиклем, так и с определенным артиклем.

Имя существительное в орудном падеже с нулевым артиклем употребляется обычно при выражении орудия, средства действия.

Адыг.

Абх.

Нефтрэ бензинрэ мэшIоку-
кIэ Баку кыдащыгъ.

Анефти абинзини дэыбба-ла.
Бакуантэ иааргеит.

«Нефть и бензин поездом вывезли из Баку»²⁰.

Каб. Художникым кьэрэндащ-кIэ сурэт ещI.

«Художник пишет картину карандашом».

(«Грамматика кабардино-черкесского литературного языка», 1957, стр. 49).

Абх. Урт зегъ бцъар-ла, даара ихан исцацкъара.

«Они все были хорошо вооружены (оружьем) и были наготове».

(М. Лакрба. Аламыс, стр. 25).

Абаз. Мама дзадзы-ла дзахитI.

«Мать шьет шилом».

(«Абаза бызшвала букварь», стр. 70).

¹⁹ См. об этом подробно (для адыгских языков) в статье: А. К. Шагиров. Указ. соч., стр. 54.

²⁰ Адыгейские примеры взяты из кн.: «Грамматика адыгейского языка». Краснодар-Майкоп, 1966, стр. 66.

Ауи кIата-ла псыдз гIайкIитI.

«Он ловит рыбу сеткой».

(Там же, стр. 78).

Убых. Бачау-ны атыт тытын аўшьфамыт.

«Палкой человека не сделаешь человеком».

Адыг. Сомэ шьитфыр хозяиным-м-кIэ макIэ.

«Пятьсот рублей для хозяина мало».

(«Грамматика адыгейского языка», 1966, стр. 66).

Абх. Зака итахыз Мырзакан уажэы, ихэатэада егызымды-
руаз иматуцэа абра ивагылазар, деибытазар а-бцъар-
ла, имазар ичкунра, ицэцаз ижэытэ аамта.

«Как хотелось Мурзакану сейчас иметь около себя своих слуг, которые ничего не знали, кроме его желания, быть вооруженным соответствующим оружием, иметь молодость и ушедшее старое время».

(И. Папаскырь. Ифымтакуа реизга, I-тэи атом, стр. 65).

Если в абхазо-адыгских языках, как это видно из приведенных примеров, аффиксы **-кIэ** и **-ла** в орудном значении в определенных случаях могут присоединяться к имени с нулевым или определенным артиклем, то эти же аффиксы в неправильном значении присоединяются к имени только с определенным артиклем. Например:

Каб.

Адыг.

Абх.

ЩIалэр мэзы-м-кIэ
макIуэ.

КIалэр мэзы-м-кIэ
макIо.

Ачкун а-бна-ла
даауеит.

«Парень в сторону леса идет».

ЛIым губгъэ-м-кIэ
ЛIым губгъэ-м-кIэ

иунэтIащ.
ыуээнкIыгъ.

Ахатца а-дэа-ла
дцеит.

«Мужчина направился в сторону поля»²¹.

Абаз. Амш бзиддзан, а-тенгъыз-ла пша цкя гIасуан...

«День был очень хорошим, со стороны моря дул свежий ветер».

(Л. Толстой. АгIахIвахраква, стр. 13).

Абх. Михеи Темыри афдмыдыхэа еицэажэо а-мха-ла
ишааиуаз аха инамцагылт.

²¹ Кабардино-адыгейские примеры взяты из статьи: А. К. Шагиров. Сравнительная характеристика системы склонения в адыгских языках, стр. 54.

Миха и Темыр, разговаривая и идя в сторону нивы, подошли к груше.

(И. Папаскыр. Ишымтакуа реизга, I-тәи атом, стр. 289).

Упостребление определенного артикля в словах «лес», «море», «поле», «нива» объясняется тем, что аффиксы **-кIэ** и **-ла** в функции направления ставят имя в положение единственного выбора, т. е. указывают на определенный конкретный предмет. При этом интересным является в адыгских и в абхазском языках то, что при опущении **-м** (адыг.), **а-** (абх.), в приведенных примерах суффиксы **-кIэ** и **-ла** теряют свое направительное значение и приобретают орудное значение. Ср. каб. **мэзы-м-кIэ** сокIуэ «в сторону леса (опред.) иду», **мэз-кIэ** сокIуэ «вообще) лесом иду»; абх. **а-бна-ла** сцоит и **бна-ла** сцоит.

В противоположность существующему мнению²², на наш взгляд, в адыгских примерах в суффиксе **-м-кIэ** присутствие форманта **-м** связано только с функцией определенности. Об этом могут свидетельствовать отсутствие его в следующих примерах:

Къэзэныкъуае-кIэ плъэ!

«Смотри в сторону Казанукая!»

Понэжьыкъуае-кIэ уанэIу бгъэзэн фэягъэ.

«Ты должен был повернуться лицом в сторону Понэжукая»²³.

В приведенных примерах в формах **Къэзэныкъуае-кIэ**, **Понэжьыкъуае-кIэ** отсутствует морфема **-м** (хотя суффикс **-кIэ** выступает в значении направительности), поскольку данные слова являются именами собственными и определены по самой своей семантике.

Ср. также абх. **Цьырхуа-ла** Хуаф дхалт.

«Он поднялся в Хопи через Джирхвы.

Тасракуа-ла ихыцны иаауан ахьшькуа.

«Ястребы прилетали со стороны Тасракувы».

10. Нулевой артикль при именах существительных, входящих в формулы приветствия

В абхазо-адыгских языках имена существительные в составе формул приветствия обычно представлены с нулевым артиклем:

²² См. там же, стр. 54.

²³ Адыгейские примеры взяты из статьи: У. Зекох. О системе склонения в адыгейском языке, стр. 88.

Абх. **Мшыбзиа!** «добрый день!», «здравствуй!». (ср. нем. Guten Tag!); **Мџа-мш** укулааит! адыг. Сыхьат маф! — «в добрый час!».

Абаз. А, **мгIва** мшы йанйаз, уабагIанаша? — «О, счастливец, откуда ты появился?» (Къ. Джьгвтан. Гъын паса, стр. 58).

Каб. — Уи **махуэ фIуэ**, мэзджэд цIыкIу, си ныбжьэгъу лъапIэ!

«— Здравствуй, тетеревочек, мой дружок!»

(«Адакъэ цIыкIу-дыщэ щхьэмажьэ», стр. 3).

Хотя редко, но в абхазском языке встречаются и случаи, когда имена существительные, являющиеся формулой приветствия, будут представлены только с определенным артиклем. Например: **Ацх** алъха уауааит! «Счастливой ночи!»; **Ашара** узыбзиахааит! — «Счастливого утра!» и др.

11. Нулевой артикль у существительных при обращении

В адыгских языках и в абазинском имена существительные употребляются с нулевым артиклем при обращении.

Опущение артикля в именах существительных нарицательных при обращении некоторые исследователи европейских языков объясняют приобретением этими именами черт сходства с именами собственными²⁴. Следует думать, что в адыгских и абазинском языках опущение артикля также является следствием сближения с именами собственными. Приведем примеры:

Каб. Слџожь, **товарищ начальник**, акт дыбгъэтхыну, хьэмэрэ иджыри куэдрэ дыщыбгъэтыну мобдеж?

«Что же, **товарищ начальник**, будем акт составлять или еще долго нас заставишь стоять здесь?».

(«Грамматика кабардино-черкесского литературного языка», 1957, стр. 211).

Апхуэдизу цIыхум сепэгэкIынкъым, **хьыджэбз**.

«Не стал бы(я) настолько презрительно относиться к человеку, **девушка**».

(Там же, стр. 196).

В приведенных предложениях словосочетание «**товарищ начальник**» и «**девушка**» употреблены в нулевой форме.

²⁴ См.: О. И. Москальская. Грамматика немецкого языка, М., 1956, стр. 134.

Абаз. — **Пхыспа бзи**, рейшата йанбачважвара, рейшата джя-уап шрыбтхуаш бхыбымраштылын.

« — **Хорошая девушка**, когда с тобою говорят прямо, не забывай ответить тем же».

(Б. ТхIайцIыхв. Абзара апша, стр. 82).

Здесь словосочетание «хорошая девушка» употреблено с нулевым артиклем.

В адыгских именах существительных при обращении можно встретить и случаи употребления определенного артикля. Например:

Адыг. Узфэе къашъор пчэгум Къипщэнэу Джыри, **ДжэгуакIо-р**, Изын осэты.

«И сейчас, **распорядитель игр**, разрешаю тебе ввести в круг танец, который ты пожелаешь».

(«Грамматика адыгейского языка», 1966, стр. 389).

Здесь слово **джэгуакIор** «распорядитель игр» представлено с определенным артиклем **-р**.

В адыгских языках имена существительные во множественном числе, всегда оформленные определенным артиклем, также теряют артикль в форме обращения. Например:

Каб. — **Ныбжьэгъу-хэ**, девгъэгугъут лэжьыгъэм!

«**Товарищи**, серьезнее возьмитесь за работу!».

(«Грамматика кабардино-черкесского литературного языка», 1957, стр. 46).

В этом предложении слово **ныбжьэгъухэ** «товарищи» представлено в нулевой форме.

В адыгских и абазинском языках существительные при обращении представлены без артикля, тем не менее осмысляются семантически как имена определенные. Это подтверждается абхазским языком.

В абхазском языке имена существительные при обращении, в противоположность адыгским языкам и абазинскому, представлены всегда с определенным артиклем.

Зака шыкуса бхыцуазен, а-тыцха?

«**Девушка**, сколько тебе лет?»

(М. Лакрба. Аламыс, стр. 216).

— Ишэасхэо шэахауоу, а-фыццэа?

« — **Товарищи**, слышите, что я вам говорю?»

(М. Лакрба. Аламыс, стр. 180).

В приведенных предложениях слова «**девушка**», «**товарищи**» оформлены определенным артиклем **а-**.

Интересным является сравнение современного состояния абхазского языка в этой области с древнеармянским языком.

Как указывает Э. Г. Туманян, имена существительные в древнеармянском языке при обращении употреблялись с одним из определенных членов, но в современном языке они употребляются только с нулевым артиклем²⁵.

Можно полагать, что исторически в абхазском языке имена существительные при обращении могли выступать как в нулевой форме, так и в определенной форме. Не было строгой границы между ними, поскольку имя существительное в обоих случаях фактически (семантически) являлось определенным. Но с течением времени артикль распространился на все случаи употребления обращения, став необходимым формальным показателем. В этом отношении присутствие здесь определенного артикля так же излишне, как и присутствие его в именах существительных при наличии указательных местоимений (ср. ари **а-чкуан** «этот парень»).

В абхазском языке сохранились некоторые реликты нулевой формы в именах существительных при обращении в таких словах: **нан** «мать», **нанду** «бабушка», **баба** «отец»; **дад**, **даду** «дедушка». Приведем примеры:

— Уабацой, **баба**, цъаргы усышьтуам!

« — Куда идешь, **отец**, куда я тебя не пушу!»

(Д. Гулиа. Ифымтакуа, II-тэи атом, стр. 37).

— **Нан**, убьрт атауадцэа хэа бзышьтоу рацэоума?

« — **Мать**, те тавады (князья), о которых ты говоришь, много ли их?»

(Д. Гулиа. Там же, стр. 39).

Следует думать, что в абхазском языке распространение определенного артикля на имена существительные при обращении в связной речи перешло и на имена существительные, взятые без контекста, которые впоследствии стали словарной формой имен.

²⁵ См.: Э. Г. Туманян. Артикли в современном армянском языке. Ереван, 1963, стр. 181.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

- Ашхамаф Д. А. Краткий обзор адыгейских диалектов. Майкоп, 1939.
 Абаев В. И. Историко-этимологический словарь осетинского языка. М.—Л., 1958.
 Абхазско-грузинский словарь. Тб., 1954.
 Анчабадзе З. В. Из истории средневековой Абхазии (VI—XVIII вв.). Сухуми, 1959.
 Анчабадзе З. В. История и культура древней Абхазии. М., 1964.
 Аутлев М., Зевакин Е., Хоретлев А. Адыги. Майкоп, 1957.
 Бабаян М. А. Роль и значение артикля во французском языке по материалам художественной прозы второй половины XIX в. Канд. дисс., М., 1945.
 Балкаров Б. Х. Значение и употребление аффикса уэ||у в кабардинском языке. «Учен. зап. КНИИ», т. V. Нальчик, 1950.
 Бгажба Х. С. Бзыбский диалект абхазского языка. «Труды Абхаз. НИИ», т. XXVIII. Сухуми, 1957.
 Берсей У. Букварь черкесского языка, литографированный в Тбилиси, 14 марта 1855 года.
 Божно Л. И. Артикль при именах существительных в современном немецком языке. «Иностранные языки в школе», № 1, 1956.
 Божно Л. И. Артикль в современном немецком языке. М., 1956.
 Божно Л. И. Две функции артикля при имени нарицательном в немецком языке. Канд. дисс., Л., 1947.
 Бокарев Е. А. Цезские (дидойские) языки Дагестана. М., 1959.
 Борукаев Т. М. Грамматика кабардино-черкесского языка. Нальчик, 1932.
 Будагов Р. А. Функции личных местоимений в современном румынском языке. «Изв. АН СССР», т. VII, 1948.
 Васильева-Шведе О. К., Степанов Г. В. Грамматика испанского языка. М., 1963.
 Виноградов. Русский язык. М.—Л., 1947.
 Генко А. Н. Абазинский язык. Грамматический очерк наречия Тапан-та. М., 1955.
 Грамматика абхазского языка. Сухуми, 1968.
 Грамматика современного абазинского языка (рукопись).
 Грамматика кабардино-черкесского литературного языка. М., 1957.
 Гулиа Д. Материалы по абхазской грамматике. (Дополнения и разъяснения к книге П. К. Услара «Абхазский язык»). Сухуми, 1927.
 Гулиа Д. Сборник абхазских пословиц, загадок, скороговорок, амониров и омографов, народных примет о погоде, заговоров и наговоров. Сухуми, 1939. «Труды Абхаз. НИИ им. акад. Н. Я. Марра. Отд. лит. и языка», вып. IX).

- Гурычова М. С. К вопросу о грамматической терминологии во французском языке. «Иностранные языки в школе», № 1, 1956.
 Дешериев Ю. Д. Сравнительно-историческая грамматика нахских языков и проблема происхождения и исторического развития горских кавказских народов. Грозный, 1963.
 Дирр А. Современные названия кавказских племен. СМОМПК, вып. 40, отд. III. Тиф., 1909.
 Зверева Е. Н. Опыт анализа системы артикля в современном английском языке. Канд. дисс., Л., 1946.
 Зекох У. С. О системе склонения в адыгейском языке. «Уч. зап. АНИИ», т. II. Майкоп, 1963.
 Зекох У. С. Некоторые вопросы синтаксиса адыгейских падежей. «Уч. зап. АНИИ», т. II. Майкоп, 1963.
 Зекох У. С. О типах склонения имен и местоимений в адыгейском языке. «Уч. зап. АНИИ», т. II. Майкоп, 1963.
 Зекох У. С. Система склонения в адыгейском языке. Майкоп, 1969.
 Зиндер Л. Р., Строева Т. В. Современный немецкий язык. М., 1957.
 Зиндер Л. Р., Строева Т. В. Пособие по теоретической грамматике и лексикологии немецкого языка. Л., 1962.
 Илия Л. И. Артикль во французском языке. М., 1956.
 Ильиш Б. А. Современный английский язык. М., 1948.
 Инал-ипа Ш. Д. Абхазы. Сухуми, 1960.
 Иртеньева. Употребление артикля с именами собственными личными в современном английском языке. Канд. дисс., М., 1947.
 Кабардино-русский словарь. М., 1957.
 Кабардино-русский фразеологический словарь. Нальчик, 1963.
 Карданов Б. М. Грамматический очерк кабардинского языка. Приложение к кн.: «Кабардинско-русский словарь». М., 1957.
 Керашева З. И. Грамматический очерк адыгейского языка. Приложение к кн.: «Русско-адыгейский словарь». М., 1960.
 Крамской И. К. К проблеме артикля. ВЯ, № 4. М., 1963.
 Кокиев Г. А. Некоторые сведения из древней истории адыгов (кабардинцев). Нальчик, 1946.
 Коков Дж. Н. Кабардинские географические названия. Нальчик, 1966.
 Климов Г. А. Адыгское уанэ-гв- «середина седла» в картвельских языках. «Уч. зап. АНИИ», т. V. Майкоп, 1966.
 Климов Г. А. Склонение в картвельских языках в сравнительно-историческом аспекте. М., 1962.
 Климов Г. А. Этимологический словарь картвельских языков. М., 1964.
 Клычев Р. Н., Табулова-Мальбахова Н. Т. Краткий грамматический очерк абазинского языка. Приложение к кн.: «Абазинско-русский словарь». М., 1967.
 Кумахов М. А. Местоимение в адыгских языках в сравнительном освещении. «Уч. зап. КНИИ», т. XI. Нальчик, 1957.
 Кумахов М. А. Морфология адыгских языков, ч. I. М. Нальчик, 1964.
 Кумахов М. А. Убыхский язык. «Языки народов СССР», т. IV. М., 1967.
 Кумахов М. А. О комбинаторных вариантах эргатива в адыгейском, кабардинском и убыхском языках. «Эргативная конструкция предложения в языках различных типов». Тезисы докладов, М., 1964.
 Кумахова З. Ю. К изучению лексики убыхского языка. «Уч. зап. АНИИ», т. V. Майкоп, 1966.
 Кумахова З. Ю. Важный вклад в кавказоведение. «Уч. зап. АНИИ», т. V. Майкоп, 1966.

Лопатинский Л. Г. Краткая кабардинская грамматика. СМОМПК, вып. XII, отд. II. Тифлис, 1891.

Ломтатидзе К. В. Ашхарский диалект и его место среди других абхазско-абазинских диалектов. С текстами. Тб., 1954 (на груз. яз., резюме на русском языке).

Ломтатидзе К. В. Тапантский диалект абхазского языка. С текстами. Тб., 1944 (на груз. яз., резюме на русск. яз.).

Ломтатидзе К. В. Категория единичности и образующие ее аффиксы в абхазском языке. «Изв. ИЯМИК», т. X. Тб., 1941.

Ломтатидзе К. В. Об историческом единстве указательных местоимений и наречий места в абхазском языке. «Труды абхаз. НИИ», т. XXV. Сухуми, 1954.

Ломтатидзе К. В. Относительное местоимение в глагольных формах абхазского языка. «Сообщ. АН Груз. ССР», т. III, № 4, Тб., 1942.

Ломтатидзе К. В. Проблема склонения в абхазском языке. (Резюме). «Изв. ИЯИМК», т. XII. Тб., 1942, стр. 196—197.

Ломтатидзе К. В. К чередованию -гъ||-р в основах картвельских языков. «Тезисы докладов XIV научной сессии Института языковедения Груз. ССР», 10—13 июня 1957.

Ломтатидзе К. В. Из грузинско-абхазской грамматической встречи. «Труды Абх. НИИ им. Д. И. Гулиа», т. XXVIII. Сухуми, 1957.

Ломтатидзе К. В. Абхазский язык. «Языки народов СССР», т. IV. М., 1967.

Ломтатидзе К. В. Абазинский язык. Там же.

Ломтатидзе К. В. Лекции по грамматике абхазского языка (1955 — 1957 гг.).

Ломтатидзе К. В., Чикобава А. С. Иберийско-кавказские языки. БСЭ, т. 17. М., 1952.

Марр Н. Я. Абхазско-русский словарь. Л., 1926.

Марр Н. Я. О языке и истории абхазов. (Сборник статей об абхазском языке). М.—Л., 1938.

Марр Н. Я. Грамматика древнелитературного грузинского языка. Л., 1925.

Мещанинов И. И. Члены предложения и части речи. М.—Л., 1945.

Меликишвили Г. А. Наир-Урарту. Тб., 1954.

Меликишвили Г. А. Урартские клинообразные надписи. М., 1960.

Микаилов Ш. И. Очерки аварской диалектологии. М.—Л., 1959.

Москальская О. И. Грамматика немецкого языка. Морфология. М., 1956.

Москальская О. И. Артикль в немецком языке. «Иностранные языки в школе», № 5, 1956.

Москальская О. И. Развитие артикля в древних германских языках. Докт. дисс., М., 1952.

Мухин А. М. Об артикле. «Вопросы грамматики. Сборник статей к 75-летию акад. Мещанинова». М., 1960.

Немировский М. Я. Артикль в горских кавказских языках. «Сообщения АН Груз. ССР», т. VII, № 6. Тб., 1946.

Немировский М. Я. Из истории глоттогонического (языкотворческого) процесса. «Уч. зап. Сев.-Осетинского госпедина им. К. Л. Хетагурова», т. III (XVI). Орджоникидзе, 1942.

Никонов В. А. Краткий топонимический словарь. М., 1966.

Ногма Ш. Б. Филологические труды, т. II. Нальчик, 1959.

Очерки истории Абхазской АССР, ч. I. Сухуми, 1960.

Очерки кабардино-черкесской диалектологии. Нальчик, 1969.

Пиотровский Р. Г. Формирование артикля в романских языках. М.—Л., 1960.

Пропп В. Я. Проблема артикля в современном немецком языке. «Сборник статей памяти акад. Щербы». Л., 1951.

Попов А. И. Географические названия (введение в топонимику). М.—Л., 1965.

Реформатский А. А. Введение в языковедение. М., 1947.

Рогава Г. В. К вопросу о структуре именных основ и категории грамматических классов в адыгских (черкесских) языках. Тб., 1956.

Рогава Г. В. К вопросу о генезисе аффикса третьего лица в абхазском и древнегрузинском языках. «Труды Абхаз. НИИ», т. XXV. Сухуми, 1954.

Рогава Г. В. К вопросу о падежах нижеадыгейского языка. «Изв. ИЯИМК», IV. Тб., 1938.

Рогава Г. В. К словарной форме имен в адыгейском языке. «Уч. зап. АНИИ», т. II. Майкоп, 1963.

Рогава Г. В. Лекции по сравнительной грамматике адыгских языков (1958 — 1959 гг.).

Рогава Г. В., Керашева З. И. Грамматика адыгейского языка. Краснодар — Майкоп, 1966.

Русско-абхазский словарь. Сухуми, 1964.

Русско-абазинский словарь. М., 1956.

Русско-кабардинский словарь. М., 1955.

Русско-адыгейский словарь. М., 1960.

Серебренников Б. А. Общие вопросы теории артикля и проблема семантики употребления артикля в древнегреческом языке. Канд. дисс., М., 1947.

Сердюченко Г. П. Язык абазин. «Труды ин-та национальных школ АПН РСФСР и Черкесского НИИ», вып. 67. М., 1955.

Сердюченко Г. П. Краткий грамматический очерк абазинского языка. Приложение к кн.: «Русско-абазинский словарь», М., 1956.

Степанов Ю. С. Основы языкознания. М., 1966.

Сегаль В. С. Начальный курс арабского языка. М., 1962.

Таов Х. Т. Склонение в адыгских языках в сравнительном освещении. Нальчик, 1967.

Толковый словарь адыгейского языка. Майкоп, 1960.

Тхаркахо Ю. А. Особенности чемгуйского диалекта адыгейского языка. «Уч. зап. АНИИ», т. Майкоп, 1963.

Турчанинов Г. Ф. и Цагов М. Грамматика кабардинского языка, I. М.—Л., 1940.

Турчанинов Г. Ф. К теории черкесского эргатива. «Сборник статей памяти акад. Щербы». Л., 1951.

Туманян Э. Т. Артикли в современном армянском языке. Ереван, 1963.

Услар П. К. Абхазский язык. «Этнография Кавказа. Языкознание», т. I. Тифлис, 1887.

Услар П. К. Абхазский язык. «Этнография Кавказа. Языкознание», т. I. Тифлис, 1887.

Фибер Е. В. О значении артикля. «Уч. зап. Ленинградского госпедина им. А. И. Герцена. Вопросы грамматики французского языка». Л., 1964.

Хайдаков С. М. Очерки по лакской диалектологии. М., 1966.

Церцвадзе И. И. Лекции по грамматике аварского языка (1956 — 1957 гг.).

Циколиа М. М. Абжуйский диалект абхазского языка. Морфология. Имена. «Труды Абхаз. НИИ». Сухуми, 1957.

Циколиа М. М. Абжуйский диалект абхазского языка. Тб., 1969.

Чарая П. Об отношении абхазского языка к яфетическим. МЯЯ, т. IV. (С.-Пб., 1912.

Чикобава А. С. Древнейшая структура именных основ в картвельских языках. (Резюме). Тб., 1942.

Чикобава А. С. Иберийско-кавказские языки и научная актуальность их изучения. «Уч. зап. АНИИ», т. II. Майкоп, 1963.

Чикобава А. С. К генезису повествовательного падежа (эргатива) в картвельских языках. «Труды Тбилисского гос. ун-та», т. X. Тб., 1939.

Чикобава А. С. К истории грамматических классов в аварском языке. (Резюме). «Изв. ИЯИМК», т. I. Тб., 1937.

Чикобава А. С. Морфологические встречи абхазского языка с картвельскими языками. «Изв. ИЯИМК», т. XII. Тб., 1942.

Чикобава А. С. Введение в языкознание, ч. I. М., 1953.

Чикобава А. С. От редактора. Грамматика адыгейского языка. Краснодар — Майкоп, 1966.

Шагиров А. К. Сравнительная характеристика системы склонения в адыгских языках. «Вопросы изучения иберийско-кавказских языков». М., 1961.

Шагиров А. К. Очерки по сравнительной лексикологии адыгских языков. Нальчик, 1962.

Шагиров А. К. Этимологический словарь адыгских языков (рукопись).

Шакрыл Т. П. Числительные в абхазском языке. М., 1954 (автореферат).

Шакрыл К. С. Аффиксация в абхазском языке. Сухуми, 1961.

Шакрыл К. С. О пережиточном состоянии аффикса а в адыгских языках. (Предварительное сообщение). «Труды Абхаз. НИИ», т. XXIX. Сухуми, 1958.

Шампаньер Г. М. Английские артикли. Канд. дисс., 1946.

Шенгелия В. Г. Личные, указательные и вопросительные местоимения в абхазо-адыгских языках. Автореф. канд. дисс., Тб., 1968.

Шервашидзе Л. А. Повесть о городе, взятом волнами. Сухуми, 1967.

Щетинский М. М. К вопросу о природе артиклей. «Уч. зап. Московского областного пед. ин-та им. Н. К. Крупской», т. 132, 1965.

Яковлев Н. Ф., Ашхамаф Д. Грамматика адыгейского литературного языка. М.—Л., 1941.

Яковлев Н. Ф. Грамматика абхазского литературного языка (рукопись). М., 1951.

Яковлев Н. Ф. Грамматика литературного кабардино-черкесского языка. М.—Л., 1948.

Deeters G. Der abchasische Sprachbau. Nachrichten von der Gesellschaft der Wissenschaften zu Göttingen. Philologisch-historische Klasse. Göttingen, 1931.

Dirr A. Die Sprache der Ubychen. Leipzig, 1928.

Dirr A. Einführung in das Studium der kaukasischen Sprachen. Verlag der Asia Major. Leipzig, 1928.

Dirr A. Zum Ethnos „Abchas“. Caucasica, fasc. 2, Leipzig, 1925.

Dumézil G. La langue des oubykhs. Paris, 1931.

Dumézil G. Etudes comparatives sur les langues caucasiennes du Nord-Ouest (Morphologie). Paris, 1932.

Dumézil G. Documents Anatoliens sur les langues et les traditions du Caucase, III (1965), V (1967). Paris.

Meszaros J. Die Päkhy-Sprache. Chicago, 1934.

Vogt H. Dictionnaire de la langue oubykh. Oslo, 1963.

Арстаа Ш. К., Чкадуа Л. П. Аџсуа бызшэа. Акуа, 1966.

Тобыль Т. З., Сердюченко Г. П. Абаза бызшвала грамматика (фонетика йгы морфология). Черкесск, 1931.

Шьакрыл К. С. Аџсуа бызшэа рцага (афонетикеи аморфологиен), 5-тэи 6-тэи акласкуа рзы. Акуа, 1961.

Шьакрыл К. С. Аџсуа бызшэа рцага (асинтаксис), 6-тэи 7-тэи акласкуа рзы. Акуа, 1961.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ И ТЕКСТОВ

Абазашта алокџва. Черкесск, 1965.

Абаза турыхква. Черкесск, 1958.

Аџсуа фольклор аматериалкуа. Акуа, 1967.

Аџсуа лакукуа. Акуа, 1968.

Адакџэ цыкџу-дыцџэ шхџэмажџэ. Черкесск, 1962.

Адыгџэ тхыдџэжхџэмпџэ пшысџэхџэмпџэ. Мыекџуапџэ, 1959.

Ахашба М. Ааџынра мшкуа раан. Акуа, 1969.

Гайдар А. Рассказхџэр. Черкесск, 1963.

Гулиа Д. Иџымтакуа, II-тэи атом. Акуа, 1957.

Джџгватан. Кџ. Гџын паса. Черкесск, 1964.

Лакрба М. Аламыс, Акуа, 1959.

Нарт Сасрыкуеи џшыынџаџэи зежџџык иара иашџџэен. Акуа, 1962.

Кџџэраш Т. Типшџашџэхџэр. Мыекџуапџэ, 1956.

Папаскџыр И. Иџымтакуа реизга, I-тэи атом. Акуа, 1964.

Табулов Т. Зули. Черкесск, 1958.

Толстой Л. Аџлахвахракџва. Черкесск, 1960.

Хутланџи А., Киут Д. Имажџџо агу. Акуа, 1967.

Хашыг Н. Ашџха рџашкуа ахџеилало. Акуа, 1967.

Тхџайцџыхв Б. Абазара апша. Черкесск, 1963.

Шџынкуба Б. Ахра ашџэа. Акуа, 1965.

Цџџениа А. Ашџтџкуа куахатџым. Акуа, 1966.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	3
Глава первая. Категория неопределенности	7
I. Понятие неопределенности и ее морфологическое выражение	7
II. Формирование категории неопределенности и генезис ее показателей	20
III. Употребление неопределенного артикля -к и частиц зы, за	29
1. Неопределенный артикль -к и частицы зы, за , с помощью которых в контекст вводится новый предмет	29
2. Неопределенный артикль -к у существительного, к которому относится придаточное определительное предложение	32
3. Употребление неопределенного артикля -к с именной частью сказуемого	33
4. Употребление неопределенного артикля -к и частицы за с именем существительным при наличии определительного слова дааа ааа «другой, иной» (убых. йама).	35
5. Особые случаи употребления неопределенного артикля -к	37
6. Сочетание неопределенного артикля -к и частицы зы с числительными	38
7. Неопределенный артикль -к и частицы зы при именах существительных собственных	43
8. Неопределенный артикль -к и частицы зы при именах существительных вещественных	48
9. Сочетания неопределенного артикля -к с личными и указательными местоимениями	52
10. Сочетания неопределенного артикля -к и частицы зы, за с местоимением, прилагательным и т. д., образующие устойчивые лексикализованные единицы	54
11. Употребление неопределенного артикля -к с именем существительным для подчеркивания качества	55
12. Случаи сочетания неопределенного артикля -к с определенным	56
Глава вторая. Категория определенности	58
I. Понятие определенного артикля и его морфологическое выражение	58
II. Формирование определенного артикля и генезис его показателей	66
III. Употребление определенного артикля	90
1. Употребление определенного артикля с именами существительными собственными	90
2. Употребление определенного артикля у существительного в случае его вторичного упоминания в контексте	108
3. Наличие определенного артикля при существительных-обобщающих словах	112
4. Употребление определенного артикля со словами, обозначающими единичные в своем роде предметы	113
5. Определенность имени существительного при наличии указательного местоимения	116

6. Определенность имени существительного, обусловленная наличием при нем порядкового числительного	119
7. Определенность имени существительного, обусловленная наличием у него прилагательного в превосходной степени	121
8. Определенность имени существительного, обусловленная наличием причастного определения в сочетании с относительным префиксом	122
9. Определенность имени существительного, обусловленная наличием определений типа «последний», «другой» и т. д.	123
Глава третья. Нулевой артикль и его употребление	124
1. Отсутствие определенного артикля при существительном как грамматический архаизм	130
2. Нулевой артикль у существительного, входящего в состав именного сказуемого	132
3. Нулевой артикль у существительного, обусловленный наличием отрицания	134
4. Отсутствие определенного артикля у имен существительных при перечислении	136
5. Нулевой артикль у существительных с определением выраженным числительным	137
6. Нулевой артикль у существительного как результат семантических особенностей его сопровождения	139
7. Неупотребление определенного артикля перед именем существительным+масдар и в застывших выражениях	144
8. Нулевой артикль у существительных, стоящих в превратительном падеже	146
9. Нулевой артикль у существительных, стоящих в орудном (в инструментальном) падеже	148
10. Нулевой артикль при именах существительных, входящих в формулы приветствия	150
11. Нулевой артикль у существительных при обращении	151
Список использованной литературы	154

Тарас Хусрабович Халбад

Выражение категорий определенности и неопределенности в
абхазо-адыгских языках.

Напечатано по постановлению редакционно-издательского Со-
вета Академии наук Грузинской ССР.

Редактор В. Е. Герсамия
Техредактор Н. Н. Окуджава
Корректор Ц. Г. Китиашвили

УЭ00394. Сдано в произв. 10.XI.1974 г. Подписано к
печати 18. VI.1975 г. Печат. лист. 10.25, Учетно-изд.
лист. 9.93, Типогр. бум. № 1, ф. 60x90^{1/16}
Заказ № 2616. Тираж 1200. Цена 1 р. 10 коп.

გამომცემლობა «მეცნიერება», თბილისი, 380060, კუტუზოვის ქ. 19.
Издательство „Мецниереба“, Тбилиси, 380060, ул. Кутузова, 19

Сухумская типография № 7 им. Ленина
Государственного комитета Совета Министров Грузинской
ССР по делам издательств, полиграфии и книжной
торговли, г. Сухуми, ул. Ленина, 6.

Цена 1 р. 10 к.